

SCRIPTOR UNIVERSITATIS

В. И. Пичета

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

ТЗ(4БЕИ)
ПЗ61

SCRIPTOR UNIVERSITATIS

В. И. Пичета

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

КУН
БІБЛІЯТЭКА
БЕЛДЗЯРЖ-
УНІВЕРСІТЭТА

1762450 и

Фундаментальная библиотека

БГУ

0004 3844

Минск
Издательский центр БГУ
2003

УДК 947.6+947.032.4
ББК 63.3(4 Бел)
ПЗ6

Серия основана в 2003 г.

Пичета В. И.
ПЗ6 История белорусского народа / В. И. Пичета. — Мн.: Изд. центр БГУ, 2003. — 184 с.: ил. — (Scriptor universitatis).
ISBN 985-476-149-5.

Издание приурочено к 125-летию со дня рождения замечательного ученого-историка, одного из создателей и первого ректора БГУ, одного из организаторов Инбелкульта и НАН Беларуси, Института славяноведения и кафедры истории южных и западных славян МГУ академика Владимира Ивановича Пичеты (1878—1947). В книгу вошли труды «История белорусского народа» и «История Литовского государства до Люблинской унии», не переиздававшиеся со дня их первого выхода в свет. Они посвящены истории Беларуси и соответствуют главному кругу проблем, которые интересовали ученого.

Адресуется преподавателям истории, студентам, а также всем тем, кто интересуется жизнью и научным наследием В. И. Пичеты.

УДК 947.6+947.032.4
ББК 63.3(4 Бел)

ISBN 985-476-149-5

© БГУ, 2003

© Оформление. Издательский центр БГУ, 2003

Владимир Иванович Пичета

ПРЕДИСЛОВИЕ

«...Я уверен, что широкие массы трудящихся республики дадут университету полную поддержку и тем дадут возможность создать кадры образованных работников, которые много полезного принесут делу восстановления нашего края».

Из речи В. И. Пичеты 30 октября 1921 г.

Этими словами Владимир Иванович Пичета открыл Белорусский государственный университет. Вместе с тем для самого ректора начинался новый, пожалуй, самый значительный период его жизни. Тогда еще никто не осознавал, что университет возглавил не случайный администратор, а человек с уже сформировавшимся научным и гражданским мировоззрением, с большими научными достижениями. Талант В. И. Пичеты действительно многогранен: он был усердным исследователем, отличным педагогом, гуманитарием-эрудитом и, самое главное, блестящим ученым-историком.

На раскрытие таланта ученого, как и на его судьбу вообще, повлияло несколько существенных моментов. Прежде всего это та семейная среда, в которой воспитывался В. И. Пичета. Через всю свою жизнь Владимир Иванович пронес светлую память о своем отце Иване (Йоване) Христофоровиче Пичете, который имел огромное нравственное влияние на сына и пользовался у него безусловным авторитетом. Более того, возможно, под влиянием отца, высокообразованного человека, посвятившего жизнь преподавательской деятельности, Владимир Иванович проявил склонность к изучению истории Беларуси и Украины. Ведь именно там прошла юность Владимира Ивановича, когда Иван Христофорович был ректором сначала Витебской, а после Полтавской духовных семинарий.

Следующим этапом в жизни В. И. Пичеты была учеба на историко-филологическом факультете Московского университета. Среди когорты тогдашних преподавателей (М. М. Богословский, П. Г. Виноградов, М. С. Корелин и др.) он особенно выделял В. О. Ключевского, блестящая личность которого оказала наиболь-

шее влияние на Пичету-студента. В. О. Ключевский дал наилучший отзыв на кандидатскую (сегодня это дипломная) работу В. И. Пичеты «Юрий Крижанич о Московском государстве».

Нельзя не заметить, что научный путь В. И. Пичеты, его творческие поиски с самого начала были связаны с историей славянских народов.

В годы, предшествовавшие революции 1917 г., ученый плодотворно трудился сразу в нескольких научных направлениях. Вероятно, молодой историк только «нащупывал» то историческое «радовішча», которое будет разрабатывать всю жизнь. Первое направление его исследований — история Великого княжества Литовского. Началом изучения истории ВКЛ стал целый ряд статей, среди которых выделяются «Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты», напечатанные в сборнике, посвященном В. О. Ключевскому его учениками и друзьями (1909), и «Литовско-Русское государство» (1910 г.).

Второе направление исследований связано с историей. Тематика его трудов охватывает период от создания Московского государства и событий Смутного времени начала XVII в. до отмены крепостного права и реформ 60—70-х гг. XIX в. В 1909—1912 гг. В. И. Пичета как один из редакторов и авторов участвовал в подготовке и издании трудов, которые определялись конъюнктурой времени: 50-летием отмены крепостничества, 300-летием династии Романовых и т. д. В таких крупных многотомных изданиях, как «Книга для чтения по истории нового времени» (1910—1914), «Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем» (1911), «Отечественная война и русское общество. 1812—1912» (1911—1912), «Три века. Россия от смуты до нашего времени» (1912—1913), сборниках «Русская история в очерках и статьях» (1910), «Крепостное право в России и реформа 19 февраля» (1911), «Москва в ее прошлом и настоящем» (1912), «Отечественная война и ее причины и следствия» (1914) и др., появляется огромное количество его статей, в которых историк уделяет внимание проблемам, связанным с внешней политикой Московского, а позже Российского, государства, реформами Петра I, крестьянским вопросом и отношением к этой проблеме правительства, торговлей, хозяйством и бытом России XVII—XIX вв. и т. д.

Третье направление исследований В. И. Пичеты — история южных и западных славян. Это направление в сравнении с другими представлено немногочисленными его работами — несколькими научными и популярными статьями, брошюрами и рецензиями: среди них «Юрий Крижанич» (1914), «Исторический очерк

славянства» (1914), «Драма болгарского народа: Борьба за национальное объединение Болгарии» (1915), «Исторические судьбы Сербии» (1915), «Сербия» (1917) и др. Исследователи объясняют обращение В. И. Пичеты к этой теме событиями балканских войн и первой мировой войны¹.

Несмотря на большие наработки в области российской истории, Владимир Иванович продолжал исследовать историю Великого княжества Литовского. Результатом этих исследований стала двухтомная монография «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (1917). После защиты этой работы в 1918 г. автору была присуждена ученая степень магистра, а через месяц — доктора русской истории.

Последствия революционного переворота в октябре 1917 г. и новую власть В. И. Пичета принял если не сразу, то очень быстро. По натуре он, безусловно, не был радикалом, но как ученый-историк отлично осознавал необходимость смены правящего режима, который в конце концов привел к краху Российской империи. Царские власти противодействовали общественным либерально-демократическим взглядам В. И. Пичеты, препятствовали ему на пути к университетским высотам, а он не был лишен честолюбия. Вероятно, он по праву рассчитывал на значительную должность в заново создающейся образовательной системе. По существу, так оно и случилось. Иное дело, чего это стоило.

Пожалуй, именно тогда, в 1918 г., В. И. Пичета впервые столкнулся с наболевшей проблемой создания университета в Беларуси. Этот вопрос поднимался на протяжении всего 1917 г. минской городской думой и рядом других земских организаций перед Временным правительством. Белорусские политические и общественные организации также требовали от Временного правительства немедленного основания университета. После прихода к власти большевиков Генеральный секретариат Великой Белорусской Рады (ВБР) обратился к народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому с письмом, в котором предлагал приступить к возрождению Виленского университета, но безрезультатно. Вопрос об основании университета вновь поднимался во время работы Всебелорусского съезда в Минске 5–17 декабря 1917 г. На протяжении 1918 г. Народный секретариат просвещения БНР вел работу по подготовке открытия университета в Минске. Однако

¹ Королюк В. Д. Владимир Иванович Пичета // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты. М., 1978. С. 8; Сушкевич Л. П. История южных и западных славян // Академик В. И. Пичета. Страницы жизни. Мн., 1981. С. 110–111.

осуществить эти планы не удалось. Противодействие этому было сначала со стороны Временного правительства, а после центрального большевистского руководства (в частности, наркомна И. В. Сталина); политические кризисы внутри руководства БНР, отсутствие финансов, интервенция задерживали открытие университета.

Необходимо подчеркнуть, что попытки создать университет в Беларуси происходили и извне. В 1918 г. петроградское отделение Белнацкома ходатайствовало в народном комиссариате просвещения РСФСР о закреплении за Беларусью Юрьевского университета и перевода его в один из не оккупированных немцами городов Беларуси — в Витебск или Смоленск. Кроме того, стараниями Белнацкома в Москве был открыт Белорусский народный университет.

Именно сюда был приглашен для преподавания истории Беларуси В. И. Пичета. Дело это было новое, в то время почти неизведанное. Приглашение В. И. Пичеты в качестве преподавателя не было случайным. Из тех историков, что лояльно отнеслись к новому режиму, лучше него на тот момент никто не знал истории и экономики Беларуси. Благодаря своим прежним трудам и огромному опыту педагогической работы, В. И. Пичета в сжатые сроки создал курс лекций с непривычным и символическим названием — «История белорусского народа», который органически вошел в научное пособие «Курс белорусоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 г.» (1918–1920). При издании курса не обошлось без ошибок, что было свойственно для того времени вообще, в том числе и в названии. Поэтому в настоящем переиздании дается заголовок по оглавлению, поскольку название в оригинале — «Ранняя история белорусского племени» — относится к началу текста.

Редакция предлагает вниманию читателей две научные работы В. И. Пичеты, которые не переиздавались со времени их первого выхода в свет. Это «История белорусского народа», о которой речь шла выше, и «История Литовского государства до Люблинской унии», которая была издана в Вильне в 1921 г. Последняя представляет собой переиздание работы «Литовско-русское государство», напечатанной в 1910 г. в сборнике «Русская история в очерках и статьях» с небольшими изменениями. Вероятно, работа В. И. Пичеты в Московской комиссии содействия созданию Белорусского университета в Минске, его участие в качестве эксперта по вопросам архивов и памятников культуры на советско-польских переговорах в Риге и советско-литовских в

Москве в 1920–1921 гг. актуальность «белорусского вопроса» в начале 1920-х гг. подтолкнули В. И. Пичету переиздать свою работу, которая, по крайней мере, доказывала, что Великое княжество Литовское было в своей основе не чисто литовским (т. е. жмудинским), а литовско-русским (т. е. литовско-белорусским) государством. Можно предположить, что именно эти работы легли в основу его «Гісторыі Беларусі», созданной в 1924 г.

При переиздании работ В. И. Пичеты редакция руководствовалась стремлением максимально сохранить авторский текст. Даже тогда, когда очевидны фактологические и иные ошибки. Они характеризуют уровень знаний того времени, дают возможность иначе относиться к современным историческим стереотипам. Это научное и педагогическое наследие одного из наилучших историков, которое мы должны уважать и использовать в своих исследованиях. В этом цель издания!

О. А. Яновский, А. Г. Зельский

ГОРДЗ
НОВАГАРСКА

История белорусского народа

I. ТЕРРИТОРИЯ И ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ

Характер территории. Славянская прародина. Готские и гуннские передвижения. Ранние известия о славянах.

Славянская колонизация. Археологические раскопки и географическая номенклатура. Славяне в эпоху расселения. Религиозные верования славян.

Территория, на которой приходилось белорусскому племени переживать свои переменчивые исторические судьбы, является частью Восточно-Европейской равнины, помещенной в четырехугольнике рек Западной Двины, Немана, Припяти, Днепра с Березиной. Вся эта территория — почти сплошная равнина, изобилующая реками, речками, болотами и озерами и покрытая густыми лесами. Только на севере и западе можно отметить ряд холмов, являющихся водоразделом Западной Двины и Немана. На севере Валдайские горы отделяют бассейн З. Двины от бассейна р. Великой и Ловати. На холмах берут начало главные реки в бассейне З. Двины, Днепра, Березины и Припяти. Бассейны рек близко подходят друг к другу, что облегчало сношения и взаимодействие поселенцев. Бассейн З. Двины через Дрисну и озеро Себеж соединялся с р. Великой. Левые притоки З. Двины подходили к самому Днепру через Касплю, озеро Касплю и реку Катанну. Р. Ловать через мелкие свои притоки и З. Двины соединяется с бассейном З. Двины. Верховья З. Двины, подходя к верховьям Волги, соединяют друг с другом бассейны этих рек. Левым притоком Дисной и Жемянной, правым притоком Вилии бассейн Немана соединяется с бассейном З. Двины. Через левый приток Уллу З. Двина соединяется с Березиной, а р. Поней-Березина подходит к бассейну Вилии. Наконец, верховья Днепра соединяют бассейн Днепра и Волги с Окой. Р. Припять своим устьем привязывается к среднему Днепру, а верховьями приближается к З. Бугу и Вислянкой водной артерии. Системы рек по территории Белоруссии должны были облегчать передвижения населения. Обилие лесов в то же время задерживало колонизацию территории. Население, двигаясь по рекам, в то же время было вынуждено ютиться по берегам рек, ставшим центрами оседлости. Территория Белоруссии была колонизована славянским племенем. Славянское племя — исконное племя на территории Европейской равнины. С этим согласны все видные русские и иностранные уче-

ные, как то: Шрадер, М. Грушевский, академик А. А. Шахматов. Сходясь в признании славян автохтонами Европы, ученые расходятся между собой в определении места славянской прародины. Во всяком случае ею был не Дунай, и известию «Начальной Летописи» не приходится в этом отношении придавать большого веса и значения. Само слово «Дунай» благодаря исследованию лингвистов оказывается не славянским, а кельтским. По мнению чешского ученого Л. Нидерле, территория, бывшая для славян прародиной, была местностью, богато покрытой лесами: буком, дубом и березою, изобиловавшей зоологическими и водными богатствами и свободной от всяких естественных преград. По наблюдениям Нидерле, границей славянской прародины на юго-западе было Карпатское плоскогорье. Затем она поворачивалась на запад по направлению к Висле и на север к бассейну правого южного берега Припяти. Левые притоки Припяти — литовского наименования. На северо-востоке граница доходила до города Могилева. На востоке славяне заняли бассейн среднего Днепра, а на юге граница пересекала верховья рек: Серета, Прута, Днестра, Южного Буга, доходя на Днепр до впадения в него Псела. Славянские племена были сдвинуты со своей прародины и пришли в движение благодаря движению готов. Последние жили по берегам Балтийского моря и были соседями славян с севера. Готы успели объединиться, имели сильную княжескую власть и достигли довольно значительного культурного развития. Готская металлическая культура была высокого качества. Готы преимущественно готовляли оружие. Готы составляли восточную ветвь германцев и занимали побережье Балтийского моря к востоку от Вислы. Во II веке готские племена двигаются на юг в черноморские степи, через пинское Полесье. На юге готы оставались в течение III и IV веков и заняли большое пространство между Дунаем и Днепром. Днестр разделил готов на 2 части: на вестготов и остготов. Готское влияние распространилось на соседние народы, и, вероятно, славянские племена попали в сферу их влияния. Торговые и военные связи с Византией содействовали христианизации готов. Общее массовое крещение готов произошло в половине IV века.

В конце IV века из Азии двигается урало-алтайское племя — гунны. Остатки старых иранских племен отошли к югу: к Кавказу и Крыму. Гунны покорили восточных готов, а западные готы перешли за Дунай в пределы Византийской империи. Разрушив готское царство, гунны двинулись в Паннонскую низменность и основали большое государство, распавшееся в половине V века. В VI веке появляется болгарская орда, отклонившаяся от гуннов и застрявшая на Азовском побережье, по Дону и Кубани. Болгарская орда разделилась в VII веке на 3 части: западные болгары двинулись за Дунай на Балканский полуостров, часть осталась на Северном Кавказе; восточная ветвь болгар двинулась вверх по Волге, где они основали большое государство. В VI—VII веках появились в

степях авары, нападавшие на славянские племена, жившие около Карпат. Они переходили и за Дунай, в пределы Византийской империи.

Точные известия о славянах идут с VI века. О них говорят греческие писатели Прокопий, Маврикий и Иордан. Славянские племена делились на 2 группы: собственно славян и антов. Первые жили между Дунаем и Днестром и к северу от Вислы, а вторые к северу и востоку от Днестра.

Прокопий и Маврикий рисуют жизнь славян суровой и малокультурной. Общеславянский язык говорит о развитии среди славян земледелия и огородничества. Слова: жито, рожь, пшеница, лен, конопля, рало, сено, лук, чеснок, сад, овощи — являются общеславянскими. Ведя полукочевой образ жизни, славяне занимались скотоводством, рыболовством и бортничеством. Славяне умели выделывать различные гончарные изделия, обрабатывать кожу, шерсть и дерево, строить жилища, приготавливать пищу, мед, напитки, различные шейные и ручные украшения. От соседей-готов славяне научились выделывать оружие и разного рода металлические изделия. От них же заимствованы слова: князь, меч, деньги, некоторые термины земледельческого и скотоводческого быта. Славяне жили племенами, были очень воинственны, неоднократно переходили за Дунай вместе с готами и гуннами и нападали на Восточную империю.

Черноморские степи были издавна заселены различными народами. О них говорят Гомер и Гесиод, сообщает довольно подробные сведения Геродот. Эти племена задерживали славянское движение на восток и юг. Отделенные племенами от греко-римской империи славяне до I века после Р. Х. были неизвестны римским писателям, но Плиний, Тацит и Птоломей уже слышали о славянах. Первые 3 века христианской эры — время германских передвижений. Двигаясь на Римскую империю, германцы оставили за Вислой свободное пространство, которое сейчас же было занято славянами. В начале III века готы, направляясь от берегов Балтийского моря на юг, разрезали славянскую прародину на 2 части и потеснили славян к западу по Висле и за Карпаты к Дунаю. Славяне вошли в состав готской державы. Вместе с вестготами они вошли в состав гуннской державы. Падеж последней в V веке и уход остготов в Италию освободили славянские племена от иностранного владычества.

Готское нашествие заставило славян двигаться в глубь лесов соседей — финнов и литовцев. Эта колонизация становится особенно заметной в VII — IX веках. Со Среднего Днепра славяне поднялись на север, к Верхнему Поднепровью, оттуда к Западной Двине, заняли Среднюю и Верхнюю Двину. Со Средней Двины через р. Великую славянские колонисты дошли до Чудского озера, а с Верхнего Днепра, дойдя до верховья реки Ловати, вниз по последней спустились до озера Ильменя. Эта территория была занята кривичами. С Верхнего Днепра славяне двинулись на восток — бассейн реки Десны, Сейма, Сулы и

Сожа. Эти племена назывались северянами и радимичами. Славянские племена, жившие исстари по Припяти, назывались дреговичами, а по Березине — древлянами. В XI столетии ильменские кривичи колонизировали Верхнюю Волгу и бассейн Оки. Спускаясь вниз по Днепру, славяне дошли до устья Днепра, а по Днестру к берегам Черного моря, до Дуная. Здесь жили племена: уличи и тиверцы. Заняв бассейн Верхнего и Среднего Днепра, славянские племена двинулись на северо-восток к Верхней Оке — это были вятичи, на юго-восток по Сейму к верховьям Дона и далее по Дону. Поднимаясь вверх по реке Пслу и Ворскле, славяне дошли до верховья Донца. В X столетии северяне добрались до устья Кубани, видного торгового пункта между греческими городами и Хозарией, и основали город Тмутаракань. Славяне двигались по рекам, не встречая никакого активного препятствия, и заняли огромную территорию. В X столетии колонисты с Дона и с Донца под влиянием кочевников должны были уйти. Южное Поднепровье было также очищено от славянских колонистов. Граница славянских поселений на юге шла по линии реки Роси. Колонисты с Дона были вынуждены подняться вверх по Дону к верховьям Оки, в землю вятичей. Славянские племена легли в основу трех русских народностей: белорусской, украинской и великорусской.

Кого застали славянские племена в бассейне З. Двины, Днепра и Припяти — вот первый вопрос, на который необходимо дать тот или другой ответ. Вопрос сам по себе, конечно, весьма важный, но на который можно дать весьма неточный ответ. Исследователь для этой цели располагает весьма незначительными данными: географической номенклатурой и археологией. Данные первой — несомненно во многих местах неславянского происхождения. Озера Пеппо, Саблаго, Охват, Отолово, Бойно, Грасно, Волхото, речки Березно, Медина, Нечесла, Волкота, Вужь, Нога, Осотня, Ломна, Супрута, Межа, Обша, Аржать, Ельмя, Воня, Конедра, Сапиза — все наименования, чуждые славянскому языку. Притоки Березины — Мрой, Гнють, Нога, Усвяжь, Зора — также неславянские. Припять с правыми притоками — безусловно славянского корня. Реки Бобр, Стырь, Случь, Горынь, Быстрица, Струбля, Веселуха, Стоход, Млынок, Болотница, Зимуха, Плотница, Жалобница, Бегунька, Вилия, Ров, Иква, Тростенка, Гнилопять носят славянскую номенклатуру. Географическая номенклатура указывает на исконность на территории Белоруссии элемента, чуждого славянскому племени, но не решает вопроса о культуре и его происхождении. Археологические раскопки в районе З. Двины и Днепра обнаружили обилие предметов, относящихся к неолитической эпохе. С другой стороны, открыто немало могил с разными формами погребальных обрядов. В районе «Кривичей» сожжение покойников доминировало над трупопогребением. В районе Днепра и Сожа замечается обратное соотношение. По Припяти и Березине попадаются могилы, материалом для которых служит земля, исключительно с трупопогребением. И в то же время по левым притокам З. Двины можно

встретить, и притом в довольно большом количестве, курганы, обложенные камнями, а по Березине около Борисова — с каменными сводами. Такого рода курганы находятся по р. Бобру и на правом берегу З. Двины. Эти курганы принадлежат к какому-то иному народу. Можно думать, что они относятся к алтайскому племени — финскому. Точно так же географические наименования с окончанием на ва, за, ма, ра, са, ша можно считать финскими по своему происхождению. Наконец, по левым притокам Припяти, отчасти на берегах Западной Двины, славянам пришлось столкнуться и с литовцами.

Славянские передвижения содействовали разложению родовых союзов, сменившихся общинами — союзами, основанными на соседстве. В центральных местах общин возникли укрепленные поселения, называвшиеся городами. Последние стали политическими и экономическими центрами, тянувшими к себе население. Так возник у полян Киев, у ильменских славян — Новгород, у кривичей — Смоленск, у северян — Чернигов и Любеч, у подвинских кривичей — Полоцк, а на северо-востоке — Ростов.

Археологические раскопки указывают на занятие земледелием. Остатки кожи, шерсти, мехов в одежде, скелеты лошадей говорят о скотоводстве. Остатки тканей, разные железные изделия, могильные срубы, глиняные сосуды свидетельствуют о ремесле, общих арабских монет — диргем и византийских солидов — говорят о торговых связях с Востоком и Югом.

Общие экономические интересы заставляли племена тянуть к тому или другому укрепленному пункту. На этой почве разбивались племенные связи и возникали новые политические союзы, городские волости, ставшие основой будущих областей XI—XIII веков. Экономические связи с Киевом связывали все волости в одно политическое целое и подготавливали государственное объединение восточного славянства.

Сначала славяне думали, что вся природа оживлена. Каждый предмет, каждое явление природы были одушевлены. В каждом предмете предполагалось присутствие живого духа. Эти духи могли переселяться в другие оболочки и принимать разные формы. Духи могли принять форму зверей, людей или смешанную. К духам предметов или явлений природы относятся русалки, лешие и водяные. И материальная культура имела своих духов-покровителей. Житный дед и полевик были покровителями скотоводства и земледелия. С развитием культа предков и представления о душах умерших появляются духи родовые или семейные. Домовой, род, рожаница были духами родовыми и семейными. Есть и злые духи, приносящие страдания людям: упыри, волколаки, демоны, лихорадки. Эта мифологическая религия продолжала жить среди славян и после принятия христианства. С течением времени религиозное развитие славян значительно подвинулось вперед. У славян были высшие божества. Каждое племя имело своего высшего бога. Общепраспространенным культом был культ Перуна — бога грома и молнии. Славянские высшие боги — это боги князей, дружины, аристокра-

тии. Народная масса стояла на более низкой ступени религиозного развития. Когда в X столетии произошло объединение всех славян, то культы местных высших богов были переведены в Киев. Религиозное объединение укрепляло единство экономическое и политическое. У славян были праздники, связанные с круговоротом года. К ним относятся: коляда и овсень — в декабре; масленица среди зимы. Весной — красная горка, радуница, навий день. Русалиями заканчивались весенние праздники. Летом накануне жатвы совершались так называемые купальские обряды с хороводами, зажженными кострами и прыганьем через них. Славяне верили в существование души после смерти. Загробная жизнь представляется им как земная. Покойнику необходимо дать в могилу его привычную обстановку. Могилу украшают домашней утварью и всеми дорогими предметами для покойника. Славянское погребение было двоякое: трупосожжение и трупопогребение. Первая форма является более ранней в сравнении со второй. Оставшиеся могильные курганы дают много вещественных памятников для характеристики первоначального быта славян.

II. КОЛОНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ И ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Данные исторической географии X—XIII веков.
Образование белорусского племени.

Славянское племя кривичи, занявшее среднее течение Западной Двины, медленно расселялось в бассейне реки. Следы этой колонизации являются сохранившиеся известия о населенных местах. Древнейшим славянским поселением был Полтеск (Полоцк) при впадении реки Полоты в З. Двину. В летописи он впервые упоминается под 862 годом. Полоцк, естественно, стал центром для подвинских славян, объединившихся вокруг Полоцка. Дать детальную картину колонизации бассейна З. Двины невозможно. Слишком кратки и отрывочны летописные известия. Упоминание летописи о том или другом поселении ничего не говорит о времени его возникновения. На основании этих данных можно только наметить район распределения колонизации. Из Полоцка колонизация пошла по разным направлениям и, конечно, в первую очередь вверх и вниз по Западной Двине. На верхней Двине рано возник Витебск. Вероятно, одновременно были колонизованы и правые притоки верхней Двины. Раннее упоминание (1021) о поселениях Весвяч и Емонец могут служить отчасти подтверждением вышесказанного предположения. Обеспечивая себе верховья З. Двины, полоцкие славяне колонизовали и левые притоки З. Двины. В летописи упомянуты Стрежов (1127), Неклочь (1097). К половине XI века колонизация в этом направлении дошла до Рши на Днепре (1067) и Копыса (1059). Отсюда

колонизация пошла на Запад. Около Лукомльского озера возник Лукомль, известный с 1113 г. Южнее его лежит Дрютск. К началу XII века верхнее течение Березины было захвачено славянской колонизацией, о чем свидетельствует наличие Борисова, о котором упоминает летопись под 1128 годом. Можно думать, что эта территория была захвачена колонизацией значительно раньше. К юго-западу от Борисова лежит гор. Минск, известный с 1067 г. Этим было положено начало колонизации Свислочи. К северо-западу на верховьях той же реки был выстроен Иязславль, упоминаемый только в 1127 году. К западу от Минска колонизация перекинулась на р. Березину, приток Немана. В XII столетии (1162) в летописи встречается упоминание городка Городец. Довольно рано началась колонизация и по нижнему течению З. Двины. До XIII века она шла успешно и проникла довольно глубоко в земли латышей, о чем свидетельствуют археологические раскопки. Вероятно, колонизация среди латышей идет особенно энергично в княжескую эпоху, когда полоцким князьям приходилось через устье З. Двины поддерживать торговые сношения с Западной Европой. Вся эта территория составляла одно целое в экономическом отношении и тянула к одному политическому центру — Полоцку. Став сначала центром небольшой округи, Полоцк в дальнейшем превращается в центр целой земли, являясь ключом западной торговли для всей территории. Занимая среднее течение Двины, полоцкие кривичи на юге спустились до верховьев Березины и Свислочи и по левому берегу средней Березины. На западе граница Полоцкой земли соприкасалась с литовскими и финскими племенами, на востоке с ильменскими славянами и на юго-востоке с радимичами. Литовские племена не могли остановить натиска славянских колонистов, незаметно появившихся среди них. В XII—XIV веках границы Полоцкой земли расширились. Славяне спустились вниз по Березине до Бобруйска, известного с 1387 года. Постройка Свислочи при устье реки того же наименования указывала на вхождение всей Свислочи в сферу влияния Полоцкой земли. Появление новых населенных мест в пределах ранее колонизованной территории было следствием роста населения. Внедряясь в глубь литовских племен, славяне колонизовали бассейн по Вилии и так называемую Черную Русь по р. Березине, верхнему Неману и его притокам с городами Новогрудком, Слонимом, Волковийском. Река Припять была заселена дреговичами. Они колонизовали верхнее и среднее ее течение с правыми притоками. Возникновение на Припяти городских поселений также следует отнести к весьма раннему времени. Центром территории является городок, впоследствии получивший название Турова. На верховьях Припяти вырос гор. Пинск. Оба эти города имели огромное значение. Под их контролем находился торговый путь, соединявший Днепр с Привислянской водной артерией через Западный Буг. Кривичи верхнеднепровские должны были колонизовать территорию, занятую финскими племенами. Центром кривичей стал гор. Смоленск. Отсюда и

шла славянская колонизация. Довольно рано с берегов Днепра кривичи проникли в бассейн Сожа, в глубь земли радимичей. Удобное расположение бассейнов рек дало возможность развиваться колонизации кривичей в восточном направлении по р. Угре и дальше на восток. Поселения кривичей могли доходить до среднего течения р. Москвы. Кроме Смоленска важными оседлыми пунктами были Дорогобуж на Днепре, Можайск на верховьях Москвы, бывший центром восточной части кривичских поселений. В юго-восточном направлении лежали города Пропойск, Кричев, Зара, бывшие пограничными городами для Смоленской земли. Колонизация днепровских кривичей захватила большое пространство, которое увеличивалось по мере выяснения значения Западно-Двинской и Приднепровской водной артерии для торговли с Западом и Византией. На территории смоленских кривичей, кроме кривичей, в бассейне верхней Оки застряло литовское племя, вообще отстесненное па запад колонизационным продвижением. В бассейне Вилии и Немана славяне довольно рано столкнулись с Литвой, а потом вошли и в состав образовавшейся государственной организации. К литовской эпохе надо отнести образование белорусской народности, оторванной от других славянских племен и ставшей жить с XIII века единой политической жизнью с Литвой. Ядро белорусской народности — дреговичи и подвинские и смоленские кривичи, отчасти древляне. Обособление белорусов от общерусской жизни привело к образованию самостоятельного белорусского языка, уже сложившегося в первой половине XIV века. Термин «Белая Русь» остается до сих пор еще невыясненным. Впервые он встречается у немецких писателей XIV века. Писавшие на немецком языке называли соседнюю территорию *Weisse Russen*, а писавшие на латинском — *Alba Russia*. По мнению акад. В. И. Ламанского, «Белая Русь» — выражение общенародного происхождения, уже существовавшее в половине XIII века. С Ивана III этот термин входит в официальный язык московского правительства.

III. ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО ПЛЕМЕНИ ДО КОНЦА XIII ВЕКА

Возникновение отдельных княжеств. Исторические судьбы Полоцкой, Турово-Пинской и Смоленской земель.
Экономический быт и социальные отношения. Политический строй. Правовые воззрения. Христианизация.

Славянские племена, составлявшие ядро белорусского племени, — дреговичи и кривичи — уже вследствие географического расположения были обособлены друг от друга. Колонизация кривичами Подвинья и Приднепровья среди финских инородцев, с одной стороны, разрушила родовые связи и заменила их союзами по соседству, а с другой сторо-

ны, обособила кривичей подвинских от кривичей верхнеднепровских. К половине IX века это разделение фактически состоялось. Каждая ветвь кривичей объединилась вокруг своего экономического и политического центра, благодаря чему образовалась новая политическая формация, которую можно назвать «городовой волостью». Первобытное народоправство было формой правления, что отметил летописец, говоря, что «Новгородцы же изначала и Смоленяне, и Кияне, и Полочане... на вече сходятся и все власти, егда на вече сходятся, что старейшие здумают, на том и пригороды станут». Государственная организация северо-западного славянства изменилась с появлением скандинавских викингов-варягов, соседей славян на северо-западе. Неблагоприятные климатические условия, перенаселенность территории, внутренние политические недоразумения заставляли варягов оставлять свою родину и направляться за добычей в чужие страны. Одна часть варяжских выходцев направлялась на запад, другая часть на восток Европы по водному пути, соединявшему Балтийское и Черное моря. Варяжские выходцы направлялись в страну славян и Византию. Варяги появлялись в Византии то в виде воинов на службе государя, то в виде купцов, торговавших с Византией. Славянские племена, испытывая нападения со стороны кочевников-печенегов, нуждались в военной силе для защиты страны и для поддержания южнорусской торговли. В половине IX века варяги Рюрик, Синеус и Трувор появились в Новгороде, Изборске, Белоозере, а в Киеве — Аскольд и Дир. Варяжские князья устремились на юг. При Олеге смоленские кривичи вошли в состав Киевской державы. Вошел в нее и Полоцк, правда непосредственно лежавший вдали от прямого водного пути, но было крайне важно держать весь путь под контролем киевского князя. Варяжские гости могли попасть в Полоцк и через устье Западной Двины. Появление же в Полоцке варяжского князя Рогволода было результатом оседания отряда викингов, прибывших сюда через устье З. Двины. И в земле дреговичей оказался свой варяжский князь Тур, тоже подчинившийся суверенитету киевского князя, которому крайне было важно держать в своих руках торговую дорогу по р. Припяти. Появление Рогволода в Полоцке политически обособило Полоцкое княжество от Киева, с чем киевские князья, конечно, не могли помириться. Полоцкий князь угрожал Новгороду и мог, прервав великий водный путь, тем самым причинить торговле князя весьма существенные препятствия. Политические осложнения в Киеве после смерти Святослава укрепили политическую самостоятельность полоцкого князя. И Ярополк, и Владимир искали политического союза с Рогволодом через женитьбу на его дочери Рогнеде. Сам Рогволод склонялся на сторону Ярополка, но победителем оказался Владимир. Рогволод был убит. Владимир женился на Рогнеде. Политическая самостоятельность, невозможная при экономической связанности с Киевом, была потеряна. Однако Владимир отдал Полоцк во владение своему сыну Изяславу, сыну Рогнеды. Полоцкое княжество

вновь стало политически самостоятельным, и весь этот период заполнен постоянной и продолжительной борьбой с Киевом. Полоцкие князья действовали против Киева активно. Они грабили Новгородскую землю, перерезывали водный путь и постоянно тревожили Киев, причиняя киевскому князю серьезные заботы. Особенно был упорно настойчив по отношению к Киеву Всеслав Брючиславич, все свое долгое княжение проведший в борьбе с киевскими князьями. С его смертью потускнел политический блеск полоцкого князя. Внутри княжества были какие-то недоразумения между князьями. Это ослабило мощь княжества, чем воспользовался Владимир Мономах, начавший с ним борьбу и разграбивший Минск. Его сын Мстислав решил докончить дело отца. Поход его на полоцких князей увенчался полным успехом. Князья были захвачены в плен и отосланы в Грецию, откуда части князей удалось вернуться, но политическое влияние их было ничтожно. В XIII веке Полоцкая земля разделилась на уделы: Полоцкий, Витебский, Минский, Друцкий, Изяславский, Логойский, Слуцкий, Новогрудский, Городенский, Клецкий, Лукомльский, Свислочский. И захват немцами устья З. Двины остановил колонизацию в земли латышей, нанес удар первостепенной важности экономическому расцвету Полоцка и окончательно подорвал политическую мощь полоцких князей. Набеги литовцев заставляли часть населения уйти в северо-восточную Россию. Край пустел и политически слабел. В XIV столетии Полоцкая земля потеряла свою политическую независимость. Витебский удел перешел к Ольгерду благодаря женитьбе на Ульяне, дочери бездетного витебского князя, а Полоцкая земля уже при Миндовге чувствовала на себе политическое давление литовского князя. Эта зависимость осталась неизменной. В Полоцке появляются литовские удельные князья.

Географическое положение смоленских кривичей тем самым ставило их в политическую и экономическую зависимость от киевского князя. Сам Смоленск приобрел значение большого экономического центра, так как здесь проходили главные торговые пути на запад, к устью З. Двины и на юг к Киеву по Днепру. Пока сохранялось политическое единство Киевского государства, и Смоленск входил в состав его территории. С экономическим падением Киева и торжеством областного строя, приливом населения в Смоленскую землю последняя обособилась от Киева и приобрела самостоятельное политическое значение. В половине XII века Смоленская земля впервые получает отдельного князя в лице Ростислава Мстиславовича. Его политика была двойная. С одной стороны, он поддерживал своего брата Изяслава Мстиславовича, сидевшего в Киеве, с другой стороны, он старался оказывать давление на Новгородскую и Полоцкую земли, с которыми Смоленская земля была связана единством экономических интересов. Захват Западной Двины Литвой решал судьбу Смоленской земли. Без Западной Двины Смоленск должен был потерять весь свой экономический вес. Потеря Смоленском своей политической независимости произошла при Витовте.

В 1404 г. Витовт посадил в Смоленске своих наместников, «отводя их от князя Юрия».

Турово-Пинская земля занимала бассейн правых и левых притоков Припяти. Уже в конце X века у дреговичей возник Туров, а затем в течение XI—XIII веков упоминаются города: Ключеск, Рогачев, Пинск, Мозырь, Случеск. Туровская земля со своими князьями попала в сферу влияния Киевского княжества. Уже при Владимире Святославовиче в городе Турове сидел сын его Святополк. При Ярославе старшие его сыновья Владимир и Изяслав также занимают туровский стол. И Изяслав посадил там своего старшего сына Святополка. После смерти Святополка Изяславовича в Турово-Пинской земле утвердилась его династия, но освободиться ей от влияния киевского князя фактически было невозможно. Слишком большое торговое значение имела р. Припять для киевского князя. Владимир Мономах не считался с местными князьями и распоряжался в области по собственному усмотрению. С возвышением Волыни в XIII веке Турово-Пинская земля чувствовала на себе влияние волыньских князей.

Политическое единство Турово-Пинской земли прекратилось с конца XII столетия. Она разбилась на несколько уделов: Туровский, Пинский, Дубровецкий, Несвижский, Ключеский. С возвышением Литвы турово-пинские князья признали суверенитет литовского князя. При Гедимине вся Турово-Пинская земля стала уделом его сына Наримунта.

До распада Киевского государства на отдельные волости Полоцкая, Смоленская и Турово-Пинская земли тянули к Киеву, к центру западной и южной торговли. Народнохозяйственная жизнь развивалась в зависимости от потребностей внешнего рынка, при несомненном преобладании торговли. Обилие лесов на территории земель развивало звериный промысел: волки, медведи, белки, лисицы, куницы, бобры доставляли меха. В лесах водились олени, туры, лоси, кабаны; дикие гуси, утки, рябчики, куропатки переполняли реки и озера, богатые рыбой. Бортничество доставляло воск и мед. Развитие добывающей промышленности объяснялось спросом на эти предметы на иностранном рынке. Одновременно с добывающей промышленностью развивалось и земледелие, несмотря на неблагоприятные почвенные условия. Рядом со смердами, издавна занимавшимися земледелием, появилось частное землевладение: княжеское, боярское и церковное. Под пашни расчищали и выжигали леса. Села отделялись друг от друга межами. Пустившее глубокие корни рабовладение значительно содействовало частному землевладению. Рабы обрабатывали землю и расчищали лес под пашню. Параллельно земледелию развивалась и промышленность для удовлетворения местных нужд. Особенно была развита последняя в Смоленской земле. Среди населения встречались плотники, мостники, городники, древоделы, бондари, гончары, кузнецы и слесари, занимавшиеся обработкой металла. Они умели выделывать секиры, ножи, мотыги, серпы, пилы, замки, копья, мечи, сабли, брони. Населению была

знакома обработка льна и конопли. На территории Полоцкой и Смоленской земель найдено большое количество арабских монет VIII—X веков. Все это свидетельствует о развитии восточной торговли. Смоленская и Полоцкая земли были посредниками торговли между Европой и Азией. С другой стороны, Смоленск принимал участие в торговле с Византией, дававшей, в частности, много материала, необходимого для сооружения храмов, которыми славилась Смоленская земля в XI—XIII вв., а также для украшения икон. С востока привозили бисер, разные украшения из серебра, бронзы и стекла, посуду, зеркала и восточные ткани. С падением арабской торговли с половины X века развивается торговля западная. Полоцкая земля торгует со Скандинавией и островом Готландом. Скандинавы доставляли разные предметы украшения из бронзы, серебра, мечи и стрелы. Западная торговля была активной. Полоцкие купцы приезжали на остров Готланд. С начала XIII столетия, с постройкой Риги у устья Западной Двины, Рига стесняла непосредственное сношение русских купцов с Готландом. Торговля с Русью перешла в руки немецких купцов. В городах Смоленске и Полоцке немцы имели свой двор. Торговые сношения определялись торговыми договорами. Наибольшее значение имеет договор 1229 года, заключенный смоленским князем Мстиславом Давыдовичем от имени полоцких и витебских князей. Договор заключался с Ригой, Готландом, Мюнстером, Бременом, Дортмундом, Любеком, Сестом, Касселем, Брауншвейгом. Торговый договор 1229 года гарантировал всем сторонам свободный товарообмен, право свободной продажи своих товаров, свободного отъезда из Смоленска «в ину страну». Товары иностранных гостей должны быть без замедления перетаскиваемы волочанами, на которых падает ответственность за пропажу какой-либо части товара. Договор гарантирует неприкосновенность личности и имущества. Дела, решенные на местах, являются окончательными и не подлежат «пересуду». Свободная торговля не избавляла гостей от уплаты мыта — пошлин. Договор определял величину этих таможенных пошлин. Смоленская земля отпускала на Запад византийские и азиатские товары и свое сырье: воск, меха, пеньку, мед, кожу, лес, смолу, скот. Запад присылал в Полоцк и Смоленск сукна, перчатки, вина, чулки, имбирь, семгу, миндаль, треску, соль, изделия из бронзы, стали и серебра.

Население северо-западной Руси в эпоху областного строя делилось на свободных, полусвободных и на несвободных. Свободное население по своему экономическому положению делилось на «вятших, лучших, передних, черных, простых». Лица, близкие к князю, «князьи мужи огнищане» — это его дружинники, его советники — «бояре думающие». Младшие дружинники назывались «гридью, отроками, детскими». Они жили при княжеском дворе и выполняли возлагавшиеся на них поручения. Дружинники князя были обыкновенно землевладельцами и рабовладельцами. Они могли в любой момент оставить своего князя. С установлением самостоятельности земель дружинники оседают на мес-

тах. К высшему разряду населения следует отнести и земских бояр, собственников земли и рабов, но не входивших в состав княжеской дружины. Гости и купцы занимались торговлей. Смерды составляли самую многочисленную группу населения. Одни из них занимались промыслами, другие — земледелием. Смерды в городах были ремесленниками. Смерды могли быть и земельными собственниками, а также арендаторами княжеской и боярской земли. Свободный человек, сделавший заем и обязанный жить при господине впредь до уплаты долга, становился закупом. Закупами становились и работники-смерды, получившие вперед свою заработную плату, которую они обязаны отработывать. Несвободное население называлось рабами. Источниками рабства были плен, самопродажа при свидетелях, женитьба на рабе «без ряда», поступление в тивуны «без ряда», выход замуж за холопа, рождение от несвободных родителей, злостное банкротство, бегство закупа от своего хозяина. Политический порядок областей определялся взаимодействием 3 сил: веча, князя и княжеской думы. Впрочем, последняя все время остается в тени, и ее удельный вес трудно определить. Народное вече в Смоленске и Полоцке — исконная форма государственной организации. Когда в 1127 году Мстислав Владимирович пошел на полоцкого князя, он предъявил вечу требование изгнания князя Давида из Полоцка. В 1151 году полоцкое вече прогнало своего князя Рогволода Борисовича и посадника Ростислава Глебовича. Обратившись за помощью к Святославу Ольговичу, вече заключило с ним союз. И литовские князья, заключая договоры с Полоцком, считались с наличием народного веча. Вообще в Полоцкой земле, как и в других землях, вече выступало в такие моменты, когда было необходимо услышать голос всей земли. Народноправство было исконной формой правления и в Смоленске, о чем сообщает летописец. Уставная грамота 1151 года, выданная смоленской епископией, была составлена князем вместе с боярами. Грамота обязательна и для преемников князя, и для «людей», под которыми можно разуметь народное вече. Летописные известия не сообщают о всех случаях народного веча в Смоленске, но, как и в других землях, вече выступает в качестве решающего органа. Так, договор 1229 года был заключен смоленским князем после «совета с люди», т. е. веча. О существовании народного веча существуют известия, относящиеся к эпохе литовского времени. Несколько раз смоленское вече избирало себе князя. Вече, стоя на страже интересов родной земли, следило за тем, чтобы деятельность князя преследовала благо родины, и изгоняло нежелательных для себя князей. Смены князей приводят к образованию в Смоленске партий. Партийная борьба, временами принимавшая страстный характер, ослабляла политическую самостоятельность Смоленской земли и содействовала потере Смоленском своей политической независимости сначала в пользу Литвы, а потом Москвы. По всей вероятности, такие вечевые собрания имели место и в Турово-Пинской земле, хотя о них не сохранилось почти никаких извест-

тий. Благодаря авторитету вечевых собраний власть княжеская все время находилась под бдительным контролем самого народа, взаимоотношение с которым всецело зависело от князя и его политики.

Христианизация Руси — весьма длительный и своеобразный процесс. Он идет обыкновенно сверху и носит принудительный для народной массы характер. С формальным усвоением христианства тесно соединен вопрос об устройении церкви, ее материального быта получением церковной иерархией необязательных взносов и податей. Эта сторона христианизации была населению более доступна и понятна, чем религиозно-нравственная система нового учения, которое было чуждо и непонятно массе народа. Христианство распространилось из Киева по торговым путям. Если допустить, что Изяслав был крещен Владимиром, то в то же время произошла и внешняя христианизация, за которой логически следовала и организация новой церкви в виде епископий, приходов, постройки монастырей. Епископы — князья церкви — стоят на страже интересов новой церкви.

Мы не знаем, насколько успешно и быстро шла христианизация в полоцких волостях, но упоминание летописи о каких-то волхвах, имевших влияние на народную массу еще в XI веке, указывает на медленность внешней христианизации Полоцкой земли и живучесть, и притом значительную, языческой традиции. Территория первоначальной епископии не выходила за пределы города, и все внимание епископской и княжеской власти сосредоточено по преимуществу на украшение и постройку храмов как внешний показатель торжества нового вероучения. Конечно, украшается столица, а потом усердием удельных князей и стольные города. Полоцкая епископия была самостоятельна и только в церковно-юридическом отношении зависела от киевского митрополита. Есть данные, что и кандидат на должность епископа избирался Полоцкой землей. Эта зависимость была прекращена только в 1415 году, когда по требованию Витовта был поставлен для Литвы определенный от северо-восточной Руси митрополит в лице Григория Цамблака.

Внешний процесс христианизации Смоленской земли шел таким же путем, как и в Полоцкой земле. Христианство было насаждаемо со времени Владимира I, но первое время в Смоленске не было самостоятельной епископской кафедры. Последняя появляется только в 1117 году в лице епископа Мануила. Последний заботился только о внешнем устройстве своей кафедры. Смоленский князь Ростислав в 1116 году дал уставную грамоту местному епископату. Он отдал ему десятину от всех земель смоленских, от всех даней смоленских, кроме «продажи, виры и полюдья». Ему даются и земельные угодья, населенные села. Церковь получает право суда по всем религиозно-нравственным вопросам. Церковные привилегии вечны. Нарушители их — клятвопреступники. Сам Мануил грозит всем нарушителям проклятием «от святых апостолов и святых отцов». Усваивая христианство по внешности, народные массы

оставались верны традициям язычества. Оно живет в глубине сознания народа; самое христианство обьязычивает, приспосаблиется к простому миропониманию. Церковь по внешности победила народную массу, но ее дух остался неуязвим, и церковь, даже опираясь на светскую власть, была бессильна что-либо предпринять в этом отношении, за исключением церковных проклятий и внешне-формальных запрещений. Христианизацию Турово-Пинской земли также надо отнести к Владимиру I. Христианство появляется в городах. Насколько успешно шла христианизация волости, на это ответить почти невозможно.

Славянские правоотношения определялись «обычным правом». Сущность славянского примитивного правосознания выразилась в наличии кровавой мести, которая постепенно уступала системе компенсаций в виде судебных штрафов, продаж и уроков, вир и головничеств. Материализация взгляда на преступление — несомненно большой сдвиг в народном правосознании. И «Русская Правда» может считаться выражением правосознания не только одной Киевской области, а всех областей и каждой в отдельности. Договор 1229 года с Ригой в своей уголовной части весь построен по системе компенсаций с прибавлением судебного поединка, о котором нет упоминания в «Русской Правде». Даже в вопросах нравственности та же материализация преступления.

IV. ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО. ОБРАЗОВАНИЕ ДИНАСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА. РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Территория литовского племени, быт и религия. Соседи литовцев. Начало объединения. Влияние Руси на Литву. Княжеские отношения в Литве. Земские уставные грамоты. Экономический строй. Государственный строй. Церковь и государство.

Литовские племена сначала занимали бассейн Немана и Западной Двины, северные притоки Припяти и верхнее течение Днепра и Березины, побережье Балтийского моря от устья Немана до Западной Двины и бассейн верхней Оки, где находилось литовское племя голядь. Движение готов к Черному морю отодвинуло литовцев на запад и сузило границы их поселений. Со II века литовцы живут там, где их застаёт история. В это время литовские племена заняли все балтийское побережье от Вислы до Западной Двины и нижнее течение Немана с его правыми притоками. Вся эта местность в изобилии была покрыта лесами, болотами и озерами, реками и речками. Почва была невысокого качества. По правому притоку Немана — Вилии расположилось центральное племя литва, на правом берегу З. Двины — летьгола, а на левом — земигола. Куроны

занимали полуостров между Рижским заливом и Балтийским морем. Жмудь занимала нижнее течение Немана. Между устьями Немана и Вислы жили пруссы, а по притоку З. Буга Нареву — ятвяги.

Литовцы жили родовым строем и делились на племена. Каждое племя было обособлено друг от друга. Живя в лесистых и обильных водой местностях, литовцы занимались охотой, рыболовством; им было знакомо и земледелие. Их жилища были весьма примитивны: курная изба — преобладающая форма жилища. От соседей-славян было заимствовано новое жилище — теплая изба, переданная литовцами западным финнам.

Рядом с примитивными верованиями, культом природы, почитанием ужей и насекомых существовал бог-громовик — Перун. Привычка литовцев гадать, приносить в жертву черных кур, поросят, баранов, коров, белых коней, заговоры и заклятия духов — следы финского влияния. Сохранялся у литовцев и культ предков: поддержание непрерывного домашнего огня — влияние культа предков.

Соседями литовцев были поляки и русские земли. Галицко-волинские и полоцкие князья делали набеги на Литву. Русская колонизация проникла в бассейн Вилии и Среднего Немана. Литовцы отвечали набегами на Подвинье и Поднепровье. В начале XIII века при устье Двины укрепился Ливонский Орден. Между Неманом и Вислой утвердился Тевтонский Орден. В 1237 году два братства соединились в одно. Рыцари нападали на Литву, отнимали землю, облагали население налогами и заставляли принимать христианство. Оставались независимыми только Жмудь и Литва.

Под влиянием внешней опасности литовские племена сплотились вокруг Миндовга. Первоначальное ядро Литовского государства составила местность по р. Вилии; к ней присоединяется Черная Русь с гор. Новогрудком по правым притокам Немана. Миндовгу удалось подчинить своему влиянию и Полоцкую землю. В 1263 году литовские князья убили Миндовга. Литовское княжество распалось.

Натиск немцев способствовал вторичному объединению литовцев. Гедимин объединил под свою власть всю Литву и стал распространять свое влияние на соседние русские земли. При Гедимине к Литве присоединились Турово-Пинская земля, Полоцкая земля, часть Киевской земли, а при Ольгерде — Чернигово-Северская земля, Киевская, Переяславская, Волинская, Подольская земли. К концу XIV столетия власть литовского князя признала и Смоленская земля.

Русские земли, признав власть литовского князя, сохранили свою внутреннюю самостоятельность. Литовское государство было федерацией областей, слабо связанных с центром. В нем преобладала белорусская национальность.

Русь оказала большое влияние на Литву: распространяется православная вера, усваивается русское право и обычаи; русский язык становится языком государственным.

Все Литовско-Русское государство было разделено на части еще при жизни Гедимина между братом и сыновьями. Вильна досталась его младшему сыну. Ольгерд скоро захватил Вильну. Молодое государство разделилось на две части: на западную и восточную. В первой Кейстут вел борьбу с немцами, а во второй Ольгерд распространял свое влияние на соседние русские земли. После смерти Ольгерда великим князем стал Ягайло. Кейстут скоро был убит. Князья, враждебные Ягайле, лишились своих княжеств и были вынуждены дать обещание верной службы и военной помощи. Удельный порядок был уничтожен при Витовте. Князья превратились в крупных землевладельцев.

При Витовте области получили уставные грамоты, подтвержденные при дальнейших литовских князьях. Земские уставные грамоты закрепляли существующие местные юридические права и обычаи. Это были местные конституции, существенно ограничившие власть центрального правительства.

В экономическом отношении молодое государство было крайне пестро.

В западных областях в бассейне среднего и нижнего Немана благодаря приливу населения из Волыни и Полоцкой земли начинается быстрое развитие сельского хозяйства. Князья осаживают двory. Им следуют бояре. Княжеский или панский двор становится центром такого хозяйственного поселка. Благодаря обилию лесов и слабой плотности населения система сельского хозяйства была чрезвычайно экстенсивной. В местностях по Двине, Днепру преобладала добывающая промышленность. Но по Западной Двине верховья Днепра поддерживали торговые связи с Западом, отпуская туда свое сырье. В юго-восточных волостях, Волыни, Подолии сельскохозяйственная культура и частное землевладение уже пустили глубокие корни. Эксплуатация лесных промыслов и речных богатств отступает на второй план. Опустевшая Киевщина снова стала центром оживленной черноморской торговли.

В борьбе с соседями падали старые родовые организации. Из них сумели выделиться отдельные лица и подчинить себе более слабые родовые элементы. Они назывались боярами, *nobiles*, *reguli*, *kunige*, *die Edelsten*. Все они были представителями крупного землевладения. Остальная масса населения сидела на земле разросшимися семьями и общими усилиями эксплуатировала природные и почвенные богатства края. При дворах князей и землевладельцев появляется несвободное рабочее население: «челядь невольная, паробки». В северо-западных и юго-восточных землях были налицо те же общественные группы, сформировавшиеся еще в эпоху областного строя.

Собственно литовские земли разбились на отдельные владения — княжества. Князья признавали авторитет великого князя и находились от него в вассальной зависимости. Северо-западные и юго-восточные земли также разбились на уделы. Их князья считались вассалами великого князя, связывавшего своей личностью все земли в одно целое. Литовско-Русское государство было организацией феодального харак-

тера. Отношения удельных князей к великому князю определялись договорными грамотами. Внутри своего удела каждому князю предоставлялась полная самостоятельность. При Витовте в конце XIV века князья были выгнаны из своих уделов.

Языческая Литва, несмотря на миссионерскую деятельность ордена, крепко держалась за веру предков и при первой же возможности возвращалась снова к язычеству. Слияние Литвы с Русью содействовало христианизации Литвы. Местное боярство добровольно принимало христианство по православному обряду. Строились церкви, получавшие от князей земельные пожалования.

V. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XIV— XVI ВЕКАХ

I. ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Литовско-польские унии. Литва и соседи.

Натиск немцев на Литву и Польшу заставил оба государства думать об обороне страны. Каждое государство в отдельности было не в состоянии вести самостоятельно борьбу с немцами. Мысль о соединении возникла у Польши, предполагавшей также мирным путем получить Волынскую землю. Польские паны предложили великому князю Ягайле жениться на польской королеве Ядвига и соединить два государства в одно. Ягайло обязывался принять католицизм, «на вечные времена присоединить к Польше литовские и русские земли». Уния была заключена в 1385 году в Креве.

Литовская знать во главе с Витовтом отнеслась к унии отрицательно. Тогда поляки заключили новое соглашение в Острове. Витовт признавался великим князем и вассалом польского короля. После смерти Витовта все его владения переходят к Польше. Витовт смотрел на себя как на самостоятельного государя. Когда татары разбили Витовта на р. Ворскле (1399), поляки предложили подписать новый договор, бывший повторением договора 1392 года. Литва скоро оправилась от поражения. Литовско-русские и польские ополчения разбили под Грюнвальдом Ливонский орден (1410). После этого Литва стремится к разрыву с Польшей. Поляки предложили новое соглашение. Уния 1413 года, заключенная в Городле на Буге, оставляла в Литве отдельного государя и после смерти Витовта. Государь избирается литовской знатью по соглашению с польской знатью. Витовт и знать явно стремились к разрыву. Для этой цели Витовт два раза собирался короноваться, но его попытки окончились неудачно (1430). После унии 1385 года в Литву проникают католицизм и польская культура. В Литве начинается борьба двух культурных влияний. Это усиливало национальный антагонизм

в Литве. После смерти Витовта литовское боярство посадило на престол Свидригайлу, брата Ягайлы. Недовольные его деятельностью, литовские бояре вместе с Ягайлой провозгласили великим князем Сигизмунда Кейстutowича. Уния 1432 года возвращалась ко второй унии и отдавала Подолье и Волынь Польше. Но литовская знать убила Сигизмунда и избрала на престол малолетнего Казимира, сына Ягайлы, не спрашивая у поляков согласия. В Польше в 1444 году престол также стал вакантным. Поляки избрали Казимира (1447). Литва и Польша заключили только оборонительный союз.

После смерти Казимира (1492) литовцы избрали на престол Александра; поляки — его брата Альбрехта. В 1501 году умер Альбрехт, и Александр занял польский престол. Литве пришлось согласиться на слияние Литвы и Польши в одно государство, с одним государем, с одним сеймом, с одной монетой, но разными судами и должностями. Уния 1501 года не была осуществлена. Литовцы избрали в 1506 году великим князем Сигизмунда, брата Александра. То же сделали и поляки. Вопрос о заключении унии не поднимался.

Русский элемент преобладал в Литовско-Русском государстве. Первенствующее значение оставалось за литовцами. Великий князь Свидригайло опирался на русский элемент. Его устранили литовцы и поляки. Казимир старался держаться примирительной политики по отношению к русским землям. Для укрепления связей с Литвою отдельные земли получали подтвердительные привилегии. Одновременно литовские и русские землевладельцы уравнивались в правах (1447). Однако такая политика не успокоила южнорусских князей. Литовское правительство решило ликвидировать княжескую власть в южнорусских областях. В Киев и Волынь были отправлены наместники. Южнорусские князья ответили на это заговором (1481). Он кончился неудачно: князья были схвачены и казнены.

Князья-заговорщики надеялись на помощь Москвы. Москва поддерживала сепаратизм удельных южнорусских князей. В Литве образовалась довольно значительная московская партия. Образовавшееся московское государство столкнулось с Литвой из-за Новгорода, который перешел на сторону Литвы, Чернигово-Северской земли, перешедшей к Москве по миру 1503 года, и Смоленска, отошедшего к Москве при Василии III.

Татарские наезды делали постоянные набеги на Киев и Подолье. Правительство строило валы и крепости, но это мало помогало. Татарские набеги в XV веке разорили Литву. Киев подвергался не раз разорению от татар. В конце XIV века с Киева был взят откуп в 3000 руб. В 1416 году были опустошены Киевщина с Киевом во главе и Волынь, в 1483 году Менгли-Гирей учинил погром Киева с областью, ограбил сокровища Киева и нанес непоправимый вред его начавшемуся экономическому расцвету. Великий князь литовский стал форменным данником крымского хана. Литва посылала ежегодно «упоминки», но это

не спасало страну от набегов: южнорусские земли пустыли, население разбегалось.

Наконец, литовцам и полякам удалось нанести серьезное поражение ордену. Поморье и часть Пруссии отходили к Польше (1466).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО В XIV—XVI ВЕКАХ

Внешняя торговля. Торговые дороги. Вывоз и ввоз. Торговля и Польша. Торговля и города. Внутренняя торговля. Господарское хозяйство. Аграрная реформа.

Западная Двина, Днепр, Неман и Западный Буг сближали Литву с западными рынками и с рынками Востока и Крыма. К концу XV века южная торговля упала. Она оживилась в XVI веке, но для хозяйственной жизни страны это торговое направление потеряло свое значение. Центром торговли был Киев. Отсюда восточные товары и направлялись в Москву, Псков, Новгород и далее в Швецию и Данию. В XV веке литовцы поддерживали оживленные сношения с Новгородом. Потеря Новгородом своей независимости и закрытие в нем Ганзейского двора прекратили торговое общение с бывшей коммуной. Постоянные войны с Москвой в XV—XVI веках также мешали развитию взаимного товарообмена. Зато усиливается торговля с Западом. Уже в начале XV века орден предоставил Литве право свободной торговли на его территории. Разгром 1410 года укрепил торговые связи с Западом по Неману. Еще крепче стали связи с Западом после отхода Гданьска к Польше (1466). Равным образом с конца XV века усиливается товарообмен по Западной Двине.

Литва вывозила продукты литовского края: мед, воск, лес. В Литву привозились сукна, сахар, железо, сельдь, различные металлические изделия, колониальные продукты, предметы восточного производства. После производства аграрной реформы Литва вывозит хлеб, кожу, скот, лесные изделия. Литовское сырье находило большой спрос на рынках Западной Европы.

Развитие товарообмена способствовало наплыву в страну металлической монеты. Понижение ценности денег во второй половине XV века и поднятие товарных цен было следствием усиления товарообмена с Западом.

Торговые связи с Западом заставляли держаться союза с Польшей. Вислянская артерия была необходима для Литвы. Это подготавливало унию с Польшей. Торговые сношения с Ригой ставили на очередь вопрос о судьбе Ливонии, во второй половине XVI века ставшей общим достоянием Литвы и Польши.

Под влиянием торговли западные города — Вильно, Гродно, Ковно, Полоцк — в XIV—XV веках получили самоуправление. Во второй половине XVI века развивается самоуправление в восточных волостях.

Наибольшими привилегиями пользовались виленские купцы. Они имели право свободного проезда по всей территории страны без уплаты каких бы то ни было пошлин. Виленские купцы были самыми богатыми. На Вильно приходилось государственных налогов больше, чем на другие торговые города. В половине XVI века литовско-русское правительство стало относиться отрицательно к принципу безмытной торговли.

Но шляхта была недовольна политикой правительства. Она требовала отмены торговых привилегий, отмены торговой лесной монополии, освобождения от внутренних сборов, беспошлинного ввоза иностранных товаров, регламентации цен на сукна и на предметы ремесленного производства, передачи ей откупов, свободы устройства торгов в частновладельческих местечках.

Получение городом самоуправления позволяло ему устраивать торги и ярмарки. В Вильне и Гродно ярмарки бывали три раза в год. Города пользуются правом склада. Частные владельцы также устраивают у себя в селах и местечках торги и ярмарки. На дорогах устраиваются корчмы и столоды. Шляхта была очень озабочена получением разрешения на их устройство.

В хозяйственном отношении Литовско-Русское государство делится на две части. В западной части уже в XV веке развивается сельскохозяйственная культура. Ее территория густо покрыта частновладельческими селами. В восточной же части до половины XVI века сельскохозяйственная культура была слабо развита. Лесные пущи давали возможность заниматься населению лесными промыслами.

До начала XVI века сельское хозяйство на государственных землях ведется без всякого плана. Подати собираются по старине. С начала века издаются уставы, стремящиеся регулировать хозяйство и поставить его под контроль администрации. Такие уставы были изданы в 1514, 1529 годах и в конце 1550-х годов. Они распространяли свои действия на дворы западных волостей. Равным образом издавались уставы и для восточных волостей. Ввиду злоупотреблений наместников необходимо было регулировать повинностные отношения населения к государству и администрации. В западных областях сельское хозяйство соединялось с эксплуатацией природных богатств в крае. Но к половине XVI века занятие добывающей промышленности отступает на второй план перед сельским хозяйством, рассчитанным для вывоза на внутренний и внешний рынок. В поднепровских и придвинских волостях охота, пчеловодство, рыболовство, эксплуатация бобровых гонов составляли главные занятия населения. Только во второй половине XVI века сельскохозяйственная культура проникает и в восточные волости.

Центром сельскохозяйственной культуры были господарские дворы. Их территория состояла из земель, отведенных под дворовые строения, огороды, сеножати, дворовые пашни и дворовые леса. Размеры хозяйства были небольшие. Технически оно стояло невысоко. Дворовое ско-

товодство было малоразвито. Развивалось трехполье, но удобрению подвергалась только небольшая часть пахотной земли. Во второй половине XVI века окончательно утвердилось трехполье. Стало развиваться и частновладельческое сельское хозяйство.

Богатейшим земельным собственником был сам господарь, но государственный земельный фонд постепенно таял. Дворы с волостями отдавались в заставу крупным землевладельцам, раздавались земли в частное владение и захватывались шляхтой без пожалования. Князья и паны были крупными землевладельцами. Радзивиллы выставляли на войну 626 воинов, Гаштольды — 466 и т. д. Крестьянское же землевладение образовалось благодаря заимке земель отдельными лицами или целыми группами. Крестьянские участки называются дворищами, службами, жеребьями. До половины XVI века крестьяне свободно распоряжаются своей землей.

Для поднятия доходности хозяйства Сигизмунд II, ввиду спроса на сырье, приступил к более точному определению крестьянских участков и равномерному распределению их между крестьянами при условии фиксации платежей и повинностей, до сих пор бывших неравномерными. Земли были разделены на волоки: 19,5 десятин и розданы крестьянам. Реформа была введена в западных волостях. В Подвинье и Поднепровье реформа вводилась в конце XVI века. Производство реформы сопровождалось проверкой прав на землевладение и округлением господарских дворов при условии отвода «отмены» за отобранную землю. Господарю последовали и частные владельцы. Положение частновладельческих крестьян было тяжелее господарских. И барщина была тяжелее, и платежи выше.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Образование шляхетства. Служилое шляхетство. Шляхетские привилегии. Шляхетское землевладение. Мещане и самоуправление городов. Сельское население.

С разложением рода в литовских землях выделилась землевладельческая аристократия. Она принимала деятельное участие в управлении государством и заседала в думе князя. Удельные князья сохранили свой титул, но потеряли свой политический вес и слились с литовско-русской знатью (1447). Эти две группы составили «высший стан» литовско-русской шляхты.

Из лиц, посаженных на землю с обязательством несения военной службы, образовалось служилое шляхетство. В его состав вошли средние и мелкие землевладельцы, захудавшие знатные фамилии, военные слуги крупной знати и испомещенные тяглые люди.

Шляхетское сословие организовалось в течение XIV—XVI веков. Начало его организации связано с привилегиями Ягайлы в 1387 и 1413 го-

дах. Оба привилея давали знати право владеть и распоряжаться недвижимым имуществом и освобождали ее от несения всяких натуральных повинностей, кроме военной. Привилеи распространялись только на католиков. Привилей 1434 года гарантировал личную неприкосновенность. Привилей Казимира от 2 мая 1447 года распространял все права на все шляхетство как Литвы, так и Руси. Он освободил от уплаты денежной подати — «серебщины», разрешал выезд за границу, отдавал в руки собственников суд над подданными, обязывался не принимать на свои земли частновладельческих подданных. Привилей 1563 года отменил статью, запрещающую не католикам занимать различные должности в государстве.

Всякий держатель земли был обязан нести военную службу. Неявка на службу влечет за собою потерю имения.

В Литве образовались три вида землевладения: к первому относятся имения, над которыми нет верховного собственника, ко второму и третьему относятся имения, над которыми верховным собственником был господарь или крупный пан. Держатели земли владели землей условно. Впоследствии многие из этих держаний стали собственностью шляхты.

Западная часть Литвы была покрыта городами, где были развиты промыслы и торговля. Для увеличения торговли и промышленности правительство стало даровать городам самоуправление в виде магдебургского права. В 1387 году магдебургское право получает Вильна, в 1391 году — Гродно и Ковно, в начале XV столетия — ряд городов на Подляшье. В 1499 году получают самоуправление Полоцк и Минск. Все это крупные экономические центры. В восточной части Литвы магдебургское право распространяется во второй половине XVI века.

Во главе города стоит войт, назначаемый господарем. Вместе с лавниками, пожизненными присяжными из мещан, войт судит население по уголовным делам. Текущее управление находилось в руках городского совета — рады и бурмистров. Городская рада отдавала отчет в своей деятельности перед всеми мещанами. Рада ведала полицию, суд, городские имущества, надзирала за торговлей, правильностью мер, следила за нравственностью граждан. В XVI веке должность войта стала выборной. Немецкое право раздавалось и крупными землевладельцами на территории подвластных им городов.

Магдебургское право определило точно характер тех повинностей, которые население городов должно было отбывать. Это обособило города от волости.

Несвободные группы населения назывались «челядью невольной, паробками». Они были слугами при дворе, получали содержание от собственника или жили на небольших земельных участках. При производстве аграрной реформы холопы были посажены на землю. В конце XVI столетия холопство слилось с крестьянством.

Для наименования сельского населения литовско-русское право пользуется термином «мужики, подданные». Деление на разряды зави-

село от повинностей, которые несли крестьяне. Крестьянство делится на 2 группы: на частновладельческое и господарское.

Тяглые люди — это крестьяне, исполнявшие всякого рода хозяйственные работы и платившие оброк. Это главная рабочая сила всякого хозяйства. Второй разряд составлял данники.

К ним относятся все те элементы, кто платил государю дань из доходов, получаемых от эксплуатации местных угодий. Дань была медовая, бобровая, куничная.

Особую группу тяглых людей составляли крестьяне, несшие разные специальные службы по хозяйству или занимавшиеся ремеслом или бывшие промышленниками. К ним относятся бобровники, бортники, осочники, плотники, ковали, кравцы, рыболовы, бондари, дегтяри...

Высший разряд сельского населения составляли слуги путные. Они несли военную службу и исполняли различного рода поручения, но также отбывали и небольшую барщину.

В половине XV столетия переходящие крестьяне стали «непохожими» — потерявшими право выхода. Такие люди назывались «отчичами». На господарских землях крепостное право развивается уже после аграрной реформы. Крестьяне оказались прикрепленными к тому участку, на которых они были посажены администрацией.

IV. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Великий князь. Центральное и областное управление.

Господарская рада. Великий вальный сейм.

Носителем государственной власти был великий князь. До конца XV века его власть никем не была ограничена. С конца века он ее разделяет с панами-радой. Власть великого князя также ограничивалась уставными земскими грамотами.

Великий князь принимает меры по обороне страны, издает законодательные акты, назначает на должности, разбирает спорные дела, наблюдает за управлением господарских имений, разбирает поземельные тяжбы, дела о грабеже, насилии, бесчестии.

Расширение круга обязанностей великого князя вызвало появление органов центрального управления как дворцовых, так и общеземских.

К первым относятся: маршалки земский и дворный, подчаший, чашник, кравчий, стольник, подстолий, кухмистр, конюший, ловчий, мечник, подскарбий, дворный, ложничий.

Ко вторым относятся: подскарбий земский, заведовавший всеми поступлениями в господарский скарб, канцлер — начальник государственной канцелярии, гетман наивысший, командующий армией во время войны. Эти должностные лица действовали по приказу государя. Только в половине XVI века эти органы начинают проявлять собственную инициативу.

В начале XV века собственно Литва делится на 2 воеводства: Виленское и Трокское. С начала XVI столетия воеводствами стали называться и отдельные земли: Киевская, Полоцкая, Витебская и Смоленская. Жмудская и Волынская земли назывались староствами. Воеводства делились на державы и поветы.

В областях сначала сидели наместники, впоследствии воеводы и старосты. Это представители великокняжеской власти. На должности они назначались великим князем. Должности были пожизненными. В руках администраторов была высшая судебная власть. Они были начальниками над военной силой области, заведовали хозяйством господарских имений, были сборщиками податей и пошлин, принимали меры по обороне страны, заботились о раздаче пустой земли в земскую службу.

Представитель низшей провинциальной администрации назывался наместником-державцем и тивуном. Державы раздавались до воли господарской или до живота. Державцы кормились за счет своих держаний. В их пользу поступали и некоторые судебные пошлины.

Вокруг удельного князя был совет, составлявшийся из местных бояр. Витовт, ведя борьбу с Польшей, всегда опирался на местное землевладение. Количество советников было неопределенное.

При Витовте рада состояла из католических бискупов, придворных сановников, областных правителей. В конце XV столетия состав рады окончательно определился. В нее входили: католические бискупы, воеводы и старосты, высшие земские и дворные урядники.

Рада — совет при государе. Она действует совместно с ним, но в половине XV столетия она обособилась от государя. За отъездом Казимира в Польшу рада решала самостоятельно многие из государственных дел.

Политическое значение рады было закреплено привилеем 1506 года. Великий князь во всех своих распоряжениях был связан панами-радою.

Великий вальный сейм развивается в течение XV—XVI веков. Зародыш его можно отнести к 1401 году, когда заключалась III уния с Польшей. Сначала на съездах участвовали только литовские землевладельцы, но со времен Казимира на них появляются и представители русских землевладельцев. На сейме участвовали: князья и паны поголовно, а из шляхты только «старшие» шляхтичи. При Сигизмунде I и при Сигизмунде II сеймы собирались очень часто и превратились в постоянно действующее учреждение.

На сеймах XV века занимались вопросами о заключении унии, внешней политикой, избранием нового государя. В XVI веке сеймы принимают меры по обороне государства, решают вопросы об войне и мире, назначают новые налоги, издают новые законы, составляют Статут. Решение сейма не связывает воли государя, но являлось фактически для него обязательным.

В XVI веке изменяется состав шляхетского представительства на сеймах. Появляются выборные по 2 от каждого повета. На основании

статута 1566 года за 4 недели до сейма собираются сеймики для выбора послов на сейм. На сеймиках участвуют все землевладельцы повета. Статут 1566 года юридически ограничил власть великого князя великим вальным сеймом.

В окончательном виде сейм разделился на 2 палаты: панов-рады и депутатов от поветов. К ним присоединились лица, получившие личные приглашения от государя.

V. РЕФОРМЫ 1560-х ГОДОВ

Настроение шляхты. Судебные реформы. Люблинская уния.

Шляхта, учитывая свое значение в государстве, выступила с целым рядом реформ, которые должны были уничтожить влияние литовско-русской аристократии.

В каждом повете учреждался земский суд в составе судьи, подсудка и писаря. Местные землевладельцы выбирали из своей среды 4 кандидатов на эти должности из числа оседлых шляхтичей. Все гражданские дела шляхетского сословия были в ведомстве земского суда. Уголовные дела: поджог и разбой, злодейство и обман, насилие над женщиной, убийство шляхтича — были в ведении правительственного замкового суда. Для земельных дел вводился подкоморский суд.

Внешнее положение Литвы заставило поднять вопрос о заключении унии с Польшей. Это было достигнуто на Люблинском сейме (1569). Литва и Польша соединялись в одно государство — Речь Посполитую — и имели общую главу, общий сейм, общую монету, но суды и должности были различные. Кроме того, Подляшье, Волинь, Киевщина и литовское Подолье отошли к Польше.

VI. БЕЛОРУССИЯ В СОСТАВЕ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Судьбы русских областей-княжений. Областные конституции.

Власть воеводы. Земельная собственность. Крестьянское землевладение. Белорусская шляхта на сеймах. Города.

Состав сельского населения.

Полоцкая земля, войдя в состав Литовско-Русского государства, долгое время имела отдельных князей из Гедимина. В политической борьбе между Кейстутом и Ягайлой полоцкий князь стоял на стороне первого. С укреплением Ягайлы на великокняжеском столе полоцкие князья держат свою землю на феодальном праве под суверенитетом самого Ягайлы. Во время борьбы Витовта с Ягайлой Полоцк был на стороне Витовта. Последний же стал управлять землей с помощью сво-

их наместников. Вероятно, Витовт утвердил права и вольности Полоцкой земли. Витовту подражали великие князья Сигизмунд, Казимир, Александр и Сигизмунд I. Наконец, все вольности, права и преимущества были подтверждены при Сигизмунде Августе 1547 года февраля 21 дня.

Витебская земля была сначала во владении Ольгерда, его сына Ягайлы и жены Ульяны, для которой она была ее «венном». При Витовте она управляется великокняжескими наместниками. Вероятно, Витовт положил начало и местным привилегиям Витебской земли. Подтвердительная грамота была дана великим князем Александром 16 июля 1503 года. Сигизмунд I в 1509 году и Сигизмунд Август в 1561 году июня 6 дня подтвердили ее. Аналогична была судьба Смоленска, в котором с изгнанием из города местного князя утвердились Витовтовы наместники. Подтвердительный привилей был выдан великим князем Александром 1505 года марта 1 дня. Турово-Пинское княжество не сохранило областного строя. Оно политически более примыкало к самой Литве. Турово-пинские волости раздавались во владение представителям знати, однако не стоявшим ни в чем присуде, кроме королевского.

Уставные грамоты, выданные северо-западным русским областям, не отличаются единством плана и содержания, но зато имели одинаковое политическое значение. Это местные «основные законы», существенно ограничивавшие суверенитет великого князя литовского по отношению к русским землям. Если в XV веке можно говорить о неограниченности великокняжеской власти, то последняя не была таковой по отношению к тем областям, где воля князя сталкивалась с правом и обычаями земли.

Верховным распорядителем всей земли является областное всеобщее собрание. На нем присутствуют духовная и светская знать, мелкие землевладельцы, мещане, черные люди и все посольство; «бояре и мещане, и весь город, вся земля Полоцкая»; «князь и бояре, и слуги Витебские, и войт, и мещане места Витебского, и вся земля Витебская». Состав областного собрания во всех землях одинаков. Он демократичен. Сословность пока к началу XVI века не проникала глубоко вовнутрь общества. От имени всей земли областное собрание имеет право обращаться к великому князю. Витебское и полоцкое областные собрания имеют право избирать кандидатов на должность воеводы, утверждаемого государем. Последний должен также отстранить его от должности, если «его обмовят» перед государем. В Смоленской земле воевода назначается по усмотрению государя, без воли населения, но зато все провинциальное управление находилось в руках туземного боярства «по-старому». Это предохраняло общество от наплыва разного рода иностранцев. Представителем всей земли являлся великий князь. В его отсутствие функции великого князя исполняют воеводы. Прежде всего в руках воевод сосредоточивалась судебная власть, но только ей стави-

ли некоторые весьма существенные ограничения. Воевода в своих судебных решениях должен был руководиться только местным правом. Суд производится на месте. Вызов на суд короля в Литву недопустим. На суде воеводы присутствуют «князи, бояре, мещане, досмотревши с которыми» воевода выносит судебное решение (Витебская). В Смоленской земле воевода судит «с окольными и иными врядниками». Все эти лица, присутствующие на суде, являются хранителями местного права и обычая. Уставные грамоты гарантируют населению личную неприкосновенность. Разбор дела должен происходить «на явном суде христианском». Никто не может быть лишен имения, как только по суду. Жена, дети не ответственны за преступления мужа, и наоборот, если только они сами не были осведомлены о преступлении или не принимали в нем участия (Полоцкая).

Обыватели земли имеют право свободного выезда в Литву (Витебская) и «куда кто хочет, без кождое зачепки» (Полоцкая). Уход должен быть явным, а не тайным (Витебская). Уходящий обыватель может распорядиться своим имуществом по собственному усмотрению. Господарь не может «вступитися» в сделанные распоряжения. Грамоты гарантируют населению право свободного распоряжения своим имуществом (Полоцкая, Витебская, Смоленская). Выморочные имущества «безадщина и отмерщина» отнюдь не спадывают на господаря (Полоцкая и Витебская). По смерти мужей жен поневоле нельзя выдавать замуж (Смоленская, Полоцкая, Витебская). Записанное мужьям имущество остается в распоряжении вдовы даже в случае выхода замуж. Грамоты обеспечивали старинное процессуальное право, торговый суд, личность и имущество от притеснения местной администрации и определяли обязательства населения по отбыванию государственных податей (Полоцкая, Смоленская, Витебская). Грамоты подтверждали права церкви и духовенства и закрепляли разные гражданские и уголовные нормы. Раз грамота рассматривает волость-землю как обособленную часть территории в государстве, связанную государственными узами с литовскими великими князьями, то отсюда вытекает обещание князя не жаловать никого волостями и городами по частному праву. Земля как обособленная часть государства не может быть кому бы то ни было подарена (Витебская). Очевидно, для литовско-русского господаря земля не является вотчиной. Ему приходится считаться с ее известными правами. Уставные грамоты говорят об активной политической жизни областей. Источники дают возможность установить функционирование областных собраний в Полоцке, Витебске, Смоленске. Состав таких собраний далеко не одинаков, но вече всегда выступает как верховный распорядитель земли. На областных собраниях заметна партийная борьба «лучших и меньших людей». Фактически отношения между этими двумя элементами были следующие: «меньшие люди меж себе раду чинят, а старшие науку дают». Впрочем, такие отношения по существу были только в идеале. Временами партийная борьба требовала вмеша-

тельства власти, и ничем иным, как только партийной борьбой, можно было объяснить посылку грамоты в Полоцк в 1456 году с тем, чтобы местные бояре, мещане, дворяне городовые и все посполство были «между собою взгоде, а дела бы наши городские вершили все с общего согласия». И в Смоленской земле эта партийная борьба резко бросается в глаза, в особенности в половине XV века в момент сепаратистского движения, охватившего русские волости. Самые просьбы о подтверждении грамот должны быть сформированы только на сословном или всесословном вече. Даже в XVI веке, когда сословность в общественных отношениях пустила уже глубокие корни, всесословность собраний еще не исчезла. Полоцк «по-старому справовал, як Великий Новгород и Псков».

Белорусские земли, находясь в составе Литовско-Русского государства, сначала управлялись наместниками. С начала XVI века термин «наместник» заменяется термином «воевода». Термин «земля» стал равнозначен термину «воеводство». Волости и поветы были административными единицами, на которые делились воеводства.

В Белоруссии светская земельная собственность была трех видов: шляхетская, мещанская и крестьянская. Шляхетские имения носили разные наименования, в зависимости от характера владения. Тут были «отчизны и дедизны, отчизна жен», материзна, отчизна жены и ее сестры, материзна жены, имение «по жоне», отчизна «небощыка» мужа, детей, пасынков, опека, купли от шляхтичей, мещан, господарских подданных. Кроме того, шляхтичи владели имениями «в порученстве, записанными и закупленными». У шляхтичей были имения и на заставном праве. Немало было выслуг. Если судить о преобладающем типе земельной собственности в Белоруссии, то на основании данных полоцкой ревизии 1552 года преобладали владения родовые. Второе место занимали купли, причем у господарских крестьян скуплено было земли больше, чем даже у шляхтичей. Незначительные шляхетские покупки у мещан. Третье место занимали выслуги на господаря. С конца XVI века эти выслуги стали численно быстро увеличиваться. Немало из них стало «вечностью», собственностью на вечные времена. По всей вероятности, такой же характер носило землевладение и в других частях Белоруссии.

В Литовско-Русском государстве право землевладения стало привилегией шляхетства. Мещанское землевладение составляло исключение и постепенно исчезало, но в Полоцкой и Витебской землях оно сохранилось. Мещане владели землями и были обязаны нести с них земскую военную службу. Если взять данные полоцкой ревизии 1552 года, то родовые имения занимали первое место. Второе место занимали купли у мещан, бояр и слуг путных, но среди куплей купли у мещан занимают первое место. Очевидно, мещанские имения только циркулировали среди своего же мещанского круга, выход за пределы которого для мещанина был весьма затруднителен. Полоцкая и Витеб-

ская земли, став воеводствами, однако сохраняли в полной неприкосновенности все права земли. Благодаря этому в них постоянно функционировали областные собрания веча. Сначала они были всесословными, и компетенция их была весьма обширна. Областное собрание всегда выступало как верховный распорядитель судьбами своей земли во всех важных моментах жизни земли. Областные собрания в Белоруссии долгое время сохраняли свою всесословность. Еще в начале XVI века оно всесословно по своему составу, но делится на две части, «мужей старых и мужей меньших — черных людей». С половины XVI века областные собрания становятся сословными. На них главную роль играют князья и паны-бояре, выступающие от имени всей земли. В частности, областные собрания становятся также местом разбора разного рода судебных дел в присутствии местных землевладельцев — хранителей местного права. С конца XVI века областные земские собрания сокращают свою деятельность.

Белорусская шляхта не была заинтересована в их сохранении. Созданные поветовые сеймики были показателем шляхетизации государственного строя и давали возможность шляхетскому землевладению поддерживать свое влияние в земле и повете и оказывать давление на характер общей политики правительства Речи Посполитой. Поветовый сеймик не уничтожил действия областных собраний, а только содействовал в значительной степени потере ими своего прежнего политического влияния, хотя польское правительство признавало права и преимущества каждой земли, если последняя имела таковые.

Крестьянское землевладение отличалось большой пестротой и разнообразием. Говоря о нем, надо различать положение западной и восточной части Белоруссии. В западной части, до введения аграрной реформы Сигизмундом Августом, формы крестьянского землевладения слагались исторически. Крестьяне сидели на земельных участках разной величины. Последние находились во владении или одной семьи, или семьи разрозненной, или в руках нескольких совладельцев — сябров. И такие формы землевладения, позволявшие сосредоточить в пользовании сельского населения большие земельные участки, не встречали до половины XVI века со стороны правительства никакого противодействия. Земельные участки назывались по-разному: селом, селищем, дворищем, жеребьем.

До половины XVI века крестьяне распоряжались своей землей по собственному усмотрению, и такие распоряжения не встречали никаких возражений со стороны администрации. По существу, последней было важно не столько то, в чьих руках находится земля, сколько то, чтобы лежащая на земле повинность исправно отбывалась лицами, сидящими на земельных участках. Крестьяне продавали свои участки, меняли их участками, которые они считали «своей отчиной». Эти наблюдения можно распространить на все разряды сельского населения западной части Белоруссии. Если самое правительство допускало и раз-

решало крестьянские поземельные сделки, то это можно объяснить только тем, что само правительство до половины XVI века не придавало земле той ценности, которую она представляла в эпоху аграрной реформы. Впрочем, в конце первой половины XVI века провинциальная администрация вступает в борьбу с правом свободного распоряжения крестьянами своей отчиной, считая, что земля господарская, а не собственность крестьян. Последние только временные держатели земли.

В политической жизни белорусских земель, конечно, землевладельческое сословие — шляхта — имело большое влияние и значение, хотя того резкого обособления шляхты от остальных общественных групп, какое имелось, и притом довольно рано, в украинских землях, в Белоруссии еще не было. Попись войска 1528 года является документом чрезвычайной важности для изучения положения и состояния белорусской шляхты. В Белоруссии, в Полоцкой земле, в начале XVI века не было крупного шляхетского землевладения. По попису только фамилия Корсак была сравнительно зажиточнее других. Самым богатым был пан Д. Б. Корсак, выставявший на войну 33 всадника. Остальные Корсаки выставяли от 14—18 коней. Другие шляхтичи выставяли значительно меньше: тринадцать, девять, восемь и меньше коней. Немало было шляхты мелкой, выставявшей одного-двух коней. Полоцкая ревизия 1552 года знает 118 шляхетских отдельных имений. Полоцкая шляхта выставяла на войну 323 коня. Тип шляхетского владения остался прежним: крупное землевладение пока не имело большого развития. Владения некоторых полоцких шляхтичей уменьшились, так как они лежали на территории, захваченной врагом. Впоследствии им дается земельное вознаграждение за понесенные ими убытки во время военных действий. Мелкая шляхта, выставявшая на войну от одного до двух всадников, составляла в шляхетстве почти третью часть. Обратимся к данным по Витебской земле. Здесь налицо иная картина, а именно полное отсутствие крупного землевладения. Самый богатый боярин выставяет только 9 коней. Почти вся шляхта, за немногими исключениями, служила одним конем. Та же картина представляется при изучении данных, имеющих отношение к мстиславской шляхте. Среди мелкой шляхты, одноконной по преимуществу, как-то затесался пан Андрей Корсакевич, выставявший 18 коней. Те же выводы можно сделать и относительно других белорусских земель. До половины XVI века на территории Белоруссии преобладало мелкое шляхетское землевладение. Немало шляхтичей обрабатывали землю собственным трудом, так как не имели на своей земле ни одного человека. Шляхетские земельные владения были коллективными и индивидуальными. В Полоцкой земле на 118 отдельных шляхетских владений 96 принадлежало владельцам индивидуальным, а 22 — коллективным. Число совладельцев колебалось от 2—6. Тут были «неделенные братья», «совладение братьев и братаничей», «братья стрыечной», «матери с сыновьями», «малолетних под опекой», «дядька своих». Следует отметить, что мужское

Сцены из повседневной жизни людей
Цикл гравюр Александра Тарасевича, изданных в Вильнюсе в XVII в.

Январь

Февраль

Март

Апрель

Май

Июнь

Июль

Август

Сентябрь

Октябрь

Ноябрь

Декабрь

землевладение резко доминировало над женским: на 118 владений только 11 принадлежало женщинам. Индивидуальное владение преобладало и в Витебской земле. По данным переписи 1528 года, в Витебской земле числилось 65 отдельных шляхетских владений, из числа которых на коллективные владения приходилось только 8. Виды совладения те же, что и в Полоцкой земле. Женское землевладение совершенно растворяется в море мужского. Еще меньше корней пустило коллективное и женское землевладение среди мстиславской шляхты. В других белорусских землях шляхетское землевладение представляется в том же виде. После окончания Ливонской войны и количество владельцев увеличивается, и размеры владений становятся больше. К тому же уния 1569 года позволила проникнуть в Белоруссию и польскому шляхтичу. Польское землевладение стало пускать в Белоруссии весьма глубокие корни.

На литовско-русских валыных сеймах шляхта неоднократно выступала с челобитиями о разных общешляхетских нуждах. Но белорусская шляхта имела свои собственные интересы, умолчать о которых, конечно, она не могла. Поэтому, присоединяясь к общешляхетским требованиям, белорусская шляхта выступала и со своими индивидуальными пожеланиями.

Полоцкая шляхта выступила с отдельными просьбами на сейме 1559 года. На Виленском сейме шляхтичи выразили пожелание, чтобы государь поступал «водле привильев и вольностей, от предков его милости государских, и от отца его милости, и теж от самого его королевское милости наданных». В связи с этим шляхтичи просят не вмешиваться в дом Божий «Светого Софея и Светого Спаса», никому не уступать, «люди тых церквей и установить опекунов церковных», «яко то за предков ваших бывало». Выставляя такое требование, полоцкая шляхта стремилась сократить право королевского «подаванья», которое государь как представитель всего Литовско-Русского государства имел в Полоцкой земле. Это челобитие принципиально было удовлетворено. Государь ответил шляхтичам, что он «не звык никому привильев и вольностей нарушать» и готов всех оставить при их вольностях. Поэтому государь разрешает совместно с полоцким воеводой выбрать двух особ «на то годных» в качестве церковных опекунов, «абы от владыки и игуменья знищенья имения церковные не терпели». После смерти вышеназванных церковных особ опекуны составляют инвентарь оставшегося имущества и отсылают его «до науки его королевской милости». По этому инвентарю все наличное церковное имущество должно быть сдано тому посланному, который «владыку або игуменью Покоцкую увязывати поедет». Отстаивая свои общеземские «привилья», шляхта указала государю на то, что «памятное, вижовое и децкование должно собираться водле привильев и вольностей». Государь дал на это условный ответ. Эти пошлины будут впредь собираться по старине, но только временно, «когда статут новый будет всем землям выдан». Тог-

да придется считаться с нормами расценок Статута. Рядом с общеземскими требованиями шляхта выставила и ряд своих сословных пожеланий. Так, шляхта просила господаря не брать с частновладельческих мещан пошлин «от товаров их, которые коли до Риги спустати будут», а равно и об освобождении тех же мещан, которые «повинность замковую платят от плачения мыта», так как мещане совместно с господарскими мещанами отправляют все замковые повинности, не принимая участия в уплате 200 коп грошей, которые полоцкие мещане уплачивают в скарбе согласно магдебургскому праву. Но шляхетское пожелание не было удовлетворено. Господарь был готов «тую вольность подле привилев их учинити», но так как в привилее об этом ничего не сказано, то шляхетское пожелание не могло быть удовлетворено. Не получила шляхта удовлетворительного ответа и на просьбу о предоставлении их мещанам прав беспошлинной торговли с Ригой. Господарь нашел, «что то не есть з шкодою их, кгда вольность мают торгу и с того мыто дають, чим торгують». В подтверждение общешляхетских просьб полоцкие шляхтичи просили, чтобы с них, подданных, «не коли» не брали серебщины, освободили от уплаты пошлин с товаров, отправляемых в Ригу «для набытья коней и зброи». Наконец, шляхта просила об учреждении судей и писаря присяжного «для борзейшого справедливости». На все эти пожелания был дан отрицательный ответ. Господарь совершенно справедливо заметил, что серебщина собирается «на потребу земскую». Такой податок установлен всеми станами. Господарь не имеет привычки назначать подати, а потому «и отпускать их не может». Просьба о безмытной торговле была удовлетворена только отчасти. От уплаты мыта были свободны только товары собственного производства, а также хлеб и «быдло доморослое». Вопрос о суде снимался с очереди впредь до поправки Статута. На том же сейме выступила шляхта Витебского повета. Как и полоцкая шляхта, она просила об учреждении судей и присяжного писаря и об определении «паметного, вижового, децкования» согласно привилеям. Ответ господаря был такой же, как и полоцкой шляхте. Затем шляхта просила о неуклонном выполнении всеми землевладельцами военной повинности, об укреплении Витебского замка, о сложении с повета установленной серебщины и об освобождении его на будущее время, так как они «люди украинные». Дав утвердительный ответ на просьбу об обязательной для военной повинности, господарь дал решительный отказ на вторую по тем же соображениям, что и полоцкой шляхте. Зато господарь признал целесообразной просьбу шляхты о том, чтобы всякий, который «одною клячю у собе робить, абы платил яко от пол сохи ведле давное звыклости». Господарские ответы шляхте определялись той политикой, которой литовско-русское правительство держалось по отношению к шляхте вообще. Никаких частных изъятий принципиального характера не могло быть, несмотря на пограничное положение обеих земель. Впоследствии все вопросы, возбужденные полоцко-витебской шляхтой, будут

еще рассмотрены господарем, когда последнему придется давать ответы на общешляхетские требования. Белорусская шляхта выступила на сейме от имени всей земли. Это яркий показатель развивавшейся словности и обособленности шляхты от других общественных групп.

До конца XV века белорусские города не были обособлены от волости. Местное население было объединено общими городскими повинностями. С XV века начинается процесс выделения города в особую административно-судебную единицу благодаря получению городами так называемого магдебургского права. Последнее к концу XVI века и началу XVII века захватило все наиболее видные городские центры. Великий князь Александр 4 октября 1498 года дал Полоцку привилей на магдебургское право, а 14 марта 1499 года получил привилей гор. Минск. Выдавая привилей, великий князь Александр руководился общеземской выгодой и хотел «положение места нашего Полоцкого и Менского в мере лучшей поставити, штобы люди наши там живучи и через вряд добрый а справедливый были размножены». Права и преимущества Полоцка и Минска представляются в следующем виде. Во главе города стоит войт, получающий в свое распоряжение определенное количество доходов с различных статей. Городскому войту должно быть послушно все население города, которое «на вечные часы» освобождается «от судов и от моцей всех воевод, панов и старост, наместников, судей и их урядников, от права городского боярского».

Всякого рода судебные дела разбираются войтом и бурмистрами, на решения которых подается апелляция самому господарю. И Минск, и Полоцк получили ряд финансовых льгот. Для развития товарообмена с Ригой в Полоцке ежегодно должны устраиваться три ярмарки, причем привилей обоих городов определили те меры, которыми надо было руководствоваться при продаже и покупке товаров. Полоцк получает особенные преимущества в производстве иностранной торговли. Рижские купцы не имеют права ездить ни в Витебск, ни в Смоленск под угрозой потери всего имущества. Впрочем, привилей запрещает поездки для покупки товаров, но не для уплаты долгов. В господарский скарб гор. Полоцк был обязан платить 400 коп грошей, тогда как Минск только 20 коп грошей. Привилей на магдебургское право, выданный Полоцку, превращал последний в центр внешней торговли для всего придвинского края, соединял крепкими экономическими узами среднюю Двину с верховьями ее и Днепра. Само развитие Минска было возможно только при условии расширения товарообмена с Западом. Минск был торговым центром для Восточной Белоруссии. Вероятно, весь иностранный вывоз находился в руках виленских купцов, так как последние пользовались в городе исключительными преимуществами: могли покупать и продавать товары, не считаясь с принятыми в привилее мерами. Товарообмен с Западом имел и большие культурные последствия для края, будучи проводником западноевропейских идей, быта, в частности, способствуя распро-

странению в крае Реформации. Магдебургское право распространялось по Белоруссии весьма медленно. Города в связи с общими хозяйственными условиями продолжительное время не теряли связи с волостью. Так, Витебск получил магдебургское право 17 марта 1507 года, а за убийство униатского архиепископа Иосафата Кунцевича Витебск в течение 1624—1641 годов был лишен городской привилегии. Владислав восстановил магдебургское право, но, однако, потребовал, чтобы впредь не было ни одного православного храма.

И Могилев сравнительно поздно получил городское право, хотя в XVI веке вел оживленную торговлю с Киевом, Гданьском, Лейпцигом. В 1561 году были определены те подати, которые могилевские мещане были обязаны вносить в казну. Полное магдебургское право было получено от Сигизмунда III в 1578 году с правом устраивать еженедельные торги и две ярмарки в год. Стоявший во главе города войт назначался господарем. Город скоро расцвел в экономическом отношении. В нем стала развиваться промышленная деятельность. Уже в XVII веке город стал средоточием разного рода ремесленников, среди которых слесари и кожевники занимали первое место. В 1589 году Могилев получил новые привилегии. Мещанство получило право выбирать из своей среды двенадцать особ из своего сословия для распоряжения общественной суммой совместно с радюю, а в 1618 году получило право беспошлинной торговли с Русью за особые заслуги, оказанные королевичу Владиславу при его попытках добиться московского престола. Вообще, с конца XVI века магдебургское право довольно быстро распространяется в придвинских и приднепровских волостях, так как восточные области переходили, правда очень медленно, к сельскохозяйственной культуре, и самые области все больше и больше втягивались в круг западноевропейских торговых отношений. Впрочем, торговые привилегии шляхты должны были в значительной степени парализовать экономическую жизнь в городах и содействовать их торговопромышленному упадку.

Крестьянские массы в Белоруссии, расположенные в придвинских и приднепровских волостях, пользовались значительной долей самоуправления. Они выбирали из своей среды старцев, которые являлись представителями сельского мира по сношениям последнего с администрацией. Господарская администрация обыкновенно имела дело только с избранниками крестьянского мира. Последние как представители крестьянских самоуправляющихся общин следили за тем, чтобы отношения между мирами, с одной стороны, и правительственной администрацией, с другой, определялись стариной. Впрочем, в первой половине XVI века старина постоянно нарушалась, и старцам волостей приходилось забрасывать господаря жалобами на действия администрации и просить о восстановлении нарушенного права. Такие ходатайства принципиально признавались заслуживающими веры. Обыкновенно в ответе на челобитие волости господарь давал старцам новую уставу, в кото-

рой старина находила свое закрепление, но сплошь и рядом под видом старины вводились и «новины», против которых боролось и восставало местное крестьянство. В 1560 году для прекращения постоянных недоразумений с населением в русские волости были посланы ревизоры, которые должны были установить платы, приходившиеся на население, и тем фиксировать последние, прекратить всякие недоразумения с местной администрацией.

Частновладельческая собственность не являлась доминирующей в восточных волостях. На землях шляхты жили так называемые «люди», среди которых были люди «отчизные» и «вольные», или просто без определенных занятий, огородники, а также люди, несшие специальные службы: данные, куничные. Немало было людей, сидевших на воле. На землях шляхты не было «челяди невольной». Такой пестрый состав частновладельческого крестьянства был лучшим показателем слабой развитости сельского хозяйства.

Повинностное их положение состоялось в принудительной работе на панском дворе и уплате разного рода повинностей. Это повинностно-податное бремя отличалось большим разнообразием по отдельным шляхетским имениям, как об этом можно судить на основании полоцкой ревизии 1552 года.

VII. БЕЛОРУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В XVI ВЕКЕ

Статуты 1529 и 1566 годов. Типографии. Научно-литературные сочинения. Путешествия.

До начала XV столетия Литовско-Русское государство не имело общего права. Обычное право, княжеские сепаратные указы, привилеи, судебные решения, сеймовые наделы были источниками права. Необходимость собрания законов была очевидна. В соседней Польше право уже было кодифицировано. В 1522 году на Виленском сейме было сделано предложение о составлении Статута. В 1529 году на Виленском сейме этот Статут был утвержден. Первый литовский Статут был напечатан, но напечатанный экземпляр не сохранился. Широкие слои шляхты были недовольны правом Статута. В 1544 году на Брестском сейме был поднят вопрос о его пересмотре. Земельная аристократия не соглашалась уступить требованиям шляхетской демократии, но под влиянием Ливонской войны ей пришлось уступить, и второй Статут 1566 года отразил в себе правовые воззрения шляхетской демократии. Люблинская уния 1569 года привела к пересмотру Статута, и в 1588 году был составлен Статут третьей редакции. Кодификация литовско-русского права — результат того духовного подъема, который переживала Западная Русь в XVI веке. Западнорусское Возрождение, носившее определенный индивидуалистический характер, знакомило западнорусскую

шляхетскую демократию с римским правом и делало ее особенно настойчивой в защите своих индивидуальных прав.

Индивидуалистический подъем особенно отразился в распространении среди западнорусской шляхты протестантизма в виде лютеранства и кальвинизма. Протестантизм, отрицавший церковное землевладение, в случае секуляризации церковных имуществ значительно усилил бы литовско-русскую аристократию. Рядом с протестантизмом в Западной Руси стали распространяться различные сектантские вероучения: социниане, или антитринитариане. Новые секты были рационалистического характера. Они отрицали все таинственное и признавали в священном писании только то, что не противоречило разуму. Став на точку зрения индивидуального религиозного сознания, сектанты должны были отрицать божественность Христа, догматы Святой Троицы, таинства и обряды. Социнианство имело успех по преимуществу среди городской и шляхетской демократии.

К концу XVI столетия на территории Литовской Руси было до 150 социнианских общин. Рядом с социнианством распространялись также и другие секты, общее количество которых доходило до 72. Через протестантизм в Западную Русь проникла западно-польская образованность, отражавшая на себе идеи итальянского Возрождения.

При протестантских общинах возникают школы, сначала мужские, а затем женские, с довольно широкой программой. В них преподавались священное писание, грамматика, литература, польский язык, история и древние языки. В них не было той церковной схоластики, которой отличалась средневековая школа. Протестантские школы в изобилии снабжались материальными средствами. Особенно им покровительствовала фамилия Радзивиллов. С западноевропейским просвещением проникает в Западную Русь и книгопечатание. Первая западная русская типография открывается в 1525 году в Вильне, куда была перенесена из чешской Праги русская типография, открытая западнорусским выходцем Ф. Скориной. В половине XVI века типографии существовали в Вильне, Несвиже, Заблудове, где работали русские печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец, убежавшие из Москвы. Впоследствии последний перенес свою деятельность в гор. Вильну, где типографию открыли западнорусские деятели братья Мамоничи. Благодаря книгопечатанию стало доступным священное писание, переведенное на народный язык, а также различные апологетические и догматические сочинения, что вообще содействовало усилению интереса к запросам религиозной мысли и к религиозному творчеству.

Распространение протестантизма испугало католическую церковь. Для борьбы с ересью и схизматиками и для защиты католического правоверия были посланы в Литву и Польшу иезуиты. Последние от обороны скоро перешли к нападению, и не столько против протестантов, численность которых скоро уменьшилась, сколько против православия. Но и православные теперь были иными. Они тоже от обороны

переходят к нападению, стараясь побивать отцов иезуитов их же орудием, общими логическими соображениями и богословскими данными. В этом отношении очень показательными являются два письма московского изгнанника князя А. М. Курбского к Кузьме Мамоницу, видному представителю западнорусского просвещения. Князь Курбский считается с иезуитскими софизмами, признает иезуитов серьезными соперниками, а потому просит своего собеседника, «иже бы без ученых наша страна не сражалась с ними гаданными и не ходили бы к ним на их наказание». Сам Курбский убежден, что иезуитов можно победить «двумя нарочитыми сведками: с Дионисием Ареопагитским, и с Иоанном Златоустым, и с Иоанном Дамаскиным, и со святыми древними учителями, кои их явственно обликають в новосмышленную теологию, о происхождении Святаго Духа». Важно, конечно, не то, с какими аргументами князь Курбский собирается выступать против иезуитов. Важно сознание, что для борьбы с западноевропейским католическим богословием необходима большая осведомленность и в восточном богословии, начитанность в отцах восточной церкви. Собрание библиотек было также отражением западнорусского культурного Возрождения. В библиотеках можно было найти различные научно-литературные произведения: сочинения Цицерона, Гомера, Цезаря, работы по философии и естествознанию. Знакомство с филологией особенно проявилось в переводе Библии на русский язык. В конце XVI века за это дело принялся странствующий типограф Василий Тяпинский, а во второй половине века эту задачу блестяще выполнил полочанин Франциск Скорина, стремившийся «к научению простых людей русского языка». Книга и школа расширили кругозор западнорусского человека. Того же достигали и заграничные путешествия. Литовско-русское право давало всем шляхтичам «вольность и моц выехать из земель Княжества для науки у письме, цвиченя, учинков рыцерских и лепшого счастья своего и теж будучи неспособнаго здоровья своего для лекарства». Конечно, за границу могли ездить только богатые люди, но в конце XVI века бывали поездки и представителей мелкой шляхетской демократии. Заграничные поездки изменяли внешний уклад жизни какого-нибудь знатного пана и в то же время давали ему известный запас умственных впечатлений, которые не могли пройти бесследно для его умственного развития, содействовали развитию в нем индивидуальности. Новая культура коснулась земельной аристократии и шляхетской демократии, отчасти городского общества. Крестьянская масса была закрепощена и работала на помещиков. Если труд на помещика, дававший средства к жизни землевладельцу, был экономическим фундаментом индивидуализации шляхетского общества, то хозяйственный подъем XVI века, связывавший Западную Русь с Европой, был источником индивидуализации городского общества. В этом отношении итальянское и западнорусское Возрождение одного происхождения. Зато между ними существует огромная разница в темпе и характере самого культурного движения.

VIII. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛОРУССИИ

Стремление к образованию самостоятельной митрополии.
Правовое положение православных. Имущественное положение церкви. Право патроната. Стремление к унии.
Состояние православной церкви в XVI веке. Брестская уния.
Западнорусские православные школы.

С присоединением белорусских земель к Литовскому государству каждая область сохранила свою отдельную епископию. Местные епископы по-прежнему оставались под церковною юрисдикцией киевского митрополита. С переездом последнего во Владимир, а потом в Москву православная церковь в Белоруссии находилась в зависимости от северо-восточного митрополита. Последний, будучи проводником общей русской политики, был неудобен для литовского великого князя. С усилением последнего и с обострением московско-литовских отношений великие князья стремились к тому, чтобы иметь своего собственного митрополита, который бы являлся выразителем интересов литовско-русской православной церкви и не давал бы через церковь усиливаться русскому влиянию в Литве. Литовско-русские великие князья со временем Ольгерда стремились иметь отдельного митрополита. В течение XIV столетия неоднократно случалось видеть двух митрополитов: одного — в Киеве, другого — в Москве. Однако мысль об отдельной митрополии в XIV столетии пока еще не проникла глубоко в сознание литовско-русского общества. И самое московское правительство тоже не могло освоиться с мыслью о разделении митрополии. Поэтому литовско-русские митрополиты и московское правительство стремились к тому, чтобы объединить в церковном управлении литовско-русскую и северо-восточную церкви. Это особенно проявилось в желании митрополита Киприяна соединить в своих руках управление обеими церквами, что ему и удалось. Борьба за самостоятельность западнорусской церкви продолжалась в течение всей половины XV столетия. Так, Витовт созвал церковный собор в 1416 году и добился избрания самостоятельного литовско-русского митрополита. Им был назначен полоцкий епископ Феодосий. Окончательное деление церквей происходит только в 1452 году; митрополитом киевским был избран Григорий. Со стороны константинопольского патриарха это окончательное разделение уже не встретило возражения. Привилей 1413 года лишил православных права занимать высшие должности в государстве. Только в 1563 года православные были уравнены с католиками и протестантами. Покровительствуя католицизму, литовско-русское правительство не вмешивалось в церковное управление и жизнь церкви. Православная церковь была независимой. Имущественные права церкви оставались неприкосновенными. Во время производства Сигизмундом II Августом аграрной реформы у православного духовенства, как

и у католического, земли отписывались на государя, взамен которых она получала отмены. Если сравнить отмены, полученные православными с отменами католического духовенства, последние были лучше первых. Православное духовенство получало отмены землями, значительно более худшими по качеству в сравнении с теми, которые у нее отобрали на государя. Православная церковь, войдя в состав Литовско-Русского государства, оказалась собственником большого количества недвижимого имущества. Последнее она сохранила в неприкосновенности вплоть до унии. Церковные имущества приобретались разными способами. На первом плане идут пожалования великих и удельных князей и княгинь. Затем идут пожалования частных лиц: князей, панов, земян, бояр и мещан. Церкви и монастыри, получив такие пожалования, обращались к государю за подтверждением. Обыкновенно такие подтверждения выдавались государем без всяких возражений. Право пожалования частными лицами церквам и монастырям вытекало из шляхетского права распоряжаться землей в пределах, определенных законом. Кроме того, церковь покупала имущества, принимала их в залог, а также развивала хозяйственную деятельность на территории, пока еще никем не занятой. Предметы церковного владения были разнообразны. Церковь владела дворами с фольварками, волостями и селами, мельницами, озерами, бортными деревьями и другими промысловыми угодьями. В городах церкви владели дворами и землями. Эти населенные усадьбы зависели от церкви. Уставные грамоты Полоцко-Витебских земель подтверждают неприкосновенность городского церковного имущества и право получения доходов с так называемых церковных мещан. Последние по общегородским делам были подсудны городскому суду, а по делам, касающимся уплаты поземельного оброка, мещане подлежали суду церкви. Кроме того, церковь владела в городах усадьбами и огородами. В сельских местностях в пользу церкви поступала церковная десятина. С переходом к волочной мере церковные десятины отменялись, и на содержание церкви отводились две волоки земли. Церковная земля было неотчуждаема; имущество, которым церковь пользовалась больше 10 лет, считалось собственностью церкви, но земская давность по отношению к церковным имуществам, находившимся в ведении частных лиц, не имела применения. В 1582 году Полоцкий архиепископ Феофан Богдан получил обратно земли, находившиеся во владении полоцкого городничего 16 лет. Церковные имущества были часто предметом захвата со стороны частных лиц. Правительство, посылая ревизоров в русские волости в 1577 году, поручило им все грунты, села и имения, забранные частными лицами, вернуть полоцкому епископу. Если же выяснится, что некоторые земли полоцкого владычества необходимы для государя, то такие земли должны быть переписаны, и опись должна быть представлена на усмотрение государя. Вообще, в XVI веке государство признавало неприкосновенность церковных имуществ и не делало никаких попыток к их секуляризации. Впрочем, правительство сохраняло за собою право

отдачи церковных земель и их доходов в ведение частных лиц и учреждений. В 1583 году король Стефан Баторий, учреждая полоцкую иезуитскую коллегию, отдал в ее распоряжение все доходы, поступавшие со всех полоцких православных монастырей и церквей, за исключением только архиепископской кафедры. В западнорусской церкви широко развивается право подавания или право патроната. Обыкновенно патронами церкви являлись лица и учреждения, способствовавшие возникновению церкви или монастыря. Право патроната могло быть передано патронами третьим лицам. Патроны пользовались по отношению к церквям или монастырям известными правами. В 1510 году Сигизмунд I, отдавая Виленский монастырь Святой Троицы под патронат великой княгине Елене Ивановне, передал ей право избирать архимандрита по собственному усмотрению. В других случаях патрону разрешался выбор архимандрита, но при условии согласия со стороны старцев монастыря. В городах право патроната находилось в руках приходских городских общин. Последние в своих патрональных монастырях имели право выбирать архимандрита, контролировать имущество и доходы монастыря. С возникновением в городах братств право патроната переходило к последним. В сельских приходах право патроната находилось в руках местных землевладельцев, имевших право выбора священников и вообще заботившихся о церковной жизни. Великокняжеское право патроната сталкивалось с правом патроната всей земли. Так, в Полоцкой земле устанавливаются особые церковные опекуны, которые осуществляют право патроната над главными городскими церквями. В случае вакантности церковных мест опекуны составляют инвентарь церковного имущества и доводят его до сведения господаря. Этот инвентарь дается тем лицам, которые будут назначены на свободные места. Право патроната было временным или постоянным. В первом случае оно кончалось со смертью того лица, кто являлся патроном. Во втором случае господарь отказывался от своих прав на вечные времена. В 1584 году Виленская городская община получила право вечного патроната над Виленским Свято-Троицким монастырем. Всякий патрон, являясь покровителем церкви или церковного учреждения, выступает в качестве защитника их интересов на суде и перед правительством, заботится об их материальном положении, принимает мероприятия к упорядочению церковной жизни. Так, патроны Супрасльского монастыря Ходкевичи принимали деятельное участие в составлении уставов монастырского общежития. До конца XVI столетия случаи патроната лиц католического вероисповедания были довольно распространены, хотя великие князья Александр и Сигизмунд давали обещания киевским митрополитам не назначать иноверных патронов. Впрочем, это обещание не соблюдалось. После Брестской унии 1596 года иноверческий патронат стал явлением общераспространенным.

Уния Литвы с Польшей при Ягайле привела к распространению католицизма в Литовско-Русском государстве. Католическая церковь, благодаря покровительству со стороны великокняжеской власти, заня-

ла в крае привилегированное положение. Впрочем, в Белоруссии до половины XIV столетия католицизм почти не имел распространения. В Могилеве, в Мстиславле, Орше до конца XVI столетия не было костелов. В Полоцке в XVI веке католицизм пустил некоторые корни среди городского населения, но среди дворянства он имел весьма слабое распространение. О приверженстве русского населения к православиям писал известный иезуит Антоний Поссевин. Католическая церковь, являясь отражением панской политики, прекрасно понимала невозможность обращения всех русских в католицизм, пропагандировала мысль об унии с католической церковью как промежуточном состоянии при переходе в католицизм. Когда митрополит Исидор, принявший унию на Флорентийском соборе, возвращался через Литву в Москву, литовско-русское и польское правительство встретили его с почетом и объявили о формальном признании унии. Однако преемник Исидора Григорий не собирался принимать унию. После смерти Григория одни из западнорусских митрополитов склонялись к унии, а другие оставались верными православию. С появлением иезуитов в Польше пропаганда унии пошла значительно быстрее. Она поддерживалась правительством в лице Стефана Батория и Сигизмунда III. Высшая церковная иерархия также стала постепенно склоняться на сторону унии. Высшее духовенство было недовольно своим положением и в воссоединении с католической церковью видело выход для улучшения своего положения. Церковные иерархи, будучи крупными землевладельцами, в нравственно-религиозном отношении оставляли желать многого. Епископы ссорились друг с другом, делали набег на чужие земли, грабили и убивали. На епископских кафедрах появлялись лица женатые и двоеженцы. Само низшее духовенство было малообразовано, зависело от своих патронов и не могло оказывать влияния на свою паству. Этим воспользовались иезуиты, указывавшие на падение православной церкви и проводившие мысль, что только уния с католической церковью может спасти православную церковь от окончательного падения. Наконец, высшее духовенство, не будучи уравнено в политических правах с католическим духовенством, в заключении унии видело средство изменения своего политического положения. Кроме того, церковные иерархи были очень недовольны зависимостью от братств, постоянно контролировавших и жизнь, и деятельность высшего духовенства, мешая епископам жить так, как им хотелось.

Западнорусские братства — старинного происхождения. Они возникли около приходского храма и ставили своей целью заботу о благоустройстве последнего. Эти братства объединяли ремесленников какого-нибудь одного ремесла и напоминали собою западноевропейские цехи. Постепенно деятельность братств расширялась: они заботились о материальном поддержании своих членов, об их просвещении, принимали на себя материальную поддержку семьи умершего члена. По мере распространения унии братства выступают защитниками православия,

открывают школы. Пользуясь правом патроната, братства свободные церковные должности замещают такими лицами, которые, по их мнению, стойко будут защищать интересы церкви. Среди братств первое место занимало Львовское братство и Свято-Троицкое Виленское братство. В 1586 году антиохийский патриарх Иоаким и в 1588 году константинопольский — Иеремия предоставили Львовскому братству право контролировать церковную жизнь. В то же время Львовское и Виленское братства были освобождены от епископского суда. Недовольные епископы во главе с львовским епископом Гедеоном Балабаном в 1591 году обратились к королю с просьбой о заключении унии. В 1595 году был созван собор в гор. Львове, постановивший принять унию. Епископы Кирилл Терлецкий и Ипатий Потей отправились в Рим, признали власть папы и основные католические догматы. Уния была заключена. Давнишняя политика католической церкви увенчалась полным успехом. После возвращения епископов из Рима в город Брест состоялся церковный собор, принявший унию и не обративший внимания на протесты православного собора, так же собравшегося в Бресте. Церковные братства не признали унии. Под ее влиянием возникают братства в Могилеве, Орше, Минске, Витебске, Полоцке, Пинске, Бресте. Города в лице братств отстаивают православие и в то же самое время выступают противниками той общешляхетской политики, которая предоставлением шляхте экономических привилегий подрывала материальное благосостояние купечества. В XVI веке при братствах в Вильне и Могилеве возникают типографии, печатавшие различные церковные и учебные книги. Одновременно при братствах возникают училища, целью которых было воспитание молодежи в духе православия. Однако западнорусские школы не чуждались и западноевропейского просвещения. Кроме языков греческого и славянского, в школах изучали латинский и польский языки, а также обычные 7 свободных искусств, принятых в западноевропейских школах. Из православных школ вышло немало церковных деятелей, отстаивавших интересы православной церкви.

IX. КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ И ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ

Иезуиты. Иезуитские школы. Литовско-русское правительство и католическая церковь. Оппозиция унии. Восстановление иерархии и положение православных.

Распространение протестантизма в Белоруссии и в Литве было остановлено иезуитским орденом. Католическая церковь, опираясь на орден иезуитов и очистив себя от резких недостатков, бросавшихся всем в глаза, перешла в наступление и при помощи школы, в которой иезу-

иты проявили весьма энергическую деятельность, остановили распространение протестантизма.

Дети православного дворянства, обучавшиеся в католических школах, выходили оттуда верными сынами католической церкви, что содействовало их ополячению и глубокому отчуждению от русского народа. До Люблинской унии 1569 года католическая церковь не проявляла особенной агрессивности по отношению к православию.

Вслед за Люблинской унией появилось сочинение иезуита Петра Скарги «О единстве церкви Божьей», в котором он указывал на различные догматические и канонические отступления православной церкви от истинной церкви. Литовско-русское правительство, взяв под свое покровительство католическую церковь, всяческими мероприятиями шло навстречу желаниям и планам последней. С этой целью Стефан Баторий издал указ о принятии всеми православными нового календаря, но возникшие народные волнения заставили его отказаться от этого закона. Вместе с тем Стефан Баторий подтвердил судебные права православной церкви. Поддерживая сначала иезуитов, Стефан Баторий открыл в Вильне иезуитскую коллегию, где в конце XVI и в начале XVII столетия было до 600–800 студентов. Одновременно стали проявлять широкую деятельность иезуиты и в Белоруссии. После возвращения Литве Полоцка утвердившиеся там иезуиты не нашли ни одного костела. При Стефане Батории жалованной грамотой от 20 января 1582 года «для распространения святой римской веры» в крае была основана иезуитская коллегия, на содержание которой были отданы все православные монастыри и все православные церкви, за исключением только одной архиепископской кафедры. С этого момента полоцкая иезуитская коллегия становится в крае центром полонизма. В XVII столетии были открыты иезуитские школы и в других частях территории: в Динабурге в 1626 году и в Витебске в 1640 году. Иезуитские школы были обеспечены населенными землями и угодьями. С принятием унии полоцким архиепископом католическая пропаганда делала большие успехи. Западнорусское дворянство, в большинстве случаев ополячившееся, весьма энергично поддерживало униатскую и католическую церковь. На стороне противников унии стояли лишь мелкая шляхта, православное духовенство и мещане. В 1599 году на сеймике полоцкая шляхта заявила протест против унии; то же самое было сделано минской шляхтой в 1618 году. В течение XVII века униатские архиепископы жалуются на упорство мещан и православного духовенства, которое вопреки всем приказаниям униатского духовенства совершали богослужение в частных домах. Оппозиция православных до 1617 года носила пассивный характер. В 1617 году на полоцкой униатской кафедре появляется Иосафат Кунцевич. Сын православных родителей, он поступил послушником в униатский Свято-Троицкий монастырь. Живя в Вильне, Кунцевич посещал иезуитскую коллегию, откуда вышел убежденным сторонником католицизма. Кунцевич стал насильственно принуждать православных священников принимать унию. Такая полити-

ка вызвала всеобщее недовольство. Когда Кунцевич хотел посетить город Могилев, то мещане не пустили его. Такая же судьба постигла его и в Орше. В 1620 году с восстановлением патриархом Феофаном православной иерархии на полоцкую православную архиепископию был посвящен Мелетий Смотрицкий, разославший воззвания к православным с просьбой о защите веры. Польское правительство не признавало возобновленной иерархии и указом 1621 года запретило въезд в Полоцк Мелетию Смотрицкому. В 1622 году Кунцевич прибыл в Витебск, стал закрывать православные церкви и наказывать православных священников за совершение богослужения. Витебские мещане, раздраженные поведением Кунцевича, 12 ноября 1623 года убили архиепископа. Над убийцами было назначено следствие. Последнее показало, что в заговоре принимали участие, кроме жителей Витебска, мещане Орши, Полоцка, Могилева и отчасти Вильны. Руководители движения были казнены. Впрочем, смертная казнь не испугала мещан. 12 октября 1633 года архиепископ Антоний Селява внес в полоцкий магистрат заявление о покушении на его жизнь нескольких мещан.

Затруднительное внешнее положение Речи Посполитой, благодаря казачьим восстаниям, заставило польское правительство издать конституцию 2 ноября 1632 года и признать церковную иерархию. В Белоруссии учреждалась особая архиепископия, которой были подчинены все православные. Юрисдикция нового архиепископа распространялась на Мстиславский, Оршанский и Могилевский округа. На Полоцк и Витебск привилегия 1632 года не распространялась. Грамота Владислава от 1635 года указывает, что ни в Полоцке, ни в Витебске униаты не имеют права иметь церкви. Помимо этого православные мещане не подлежали суду городской магдебургии. В 1648 году Ян Казимир под влиянием казачьих волнений решил отдать православным некоторые церкви и монастыри в Витебске и других городах. Впрочем, это постановление осталось только на бумаге. Завоеванием Белоруссии московскими войсками при Алексее Михайловиче все православные были восстановлены в своих правах, а униаты оказались вне закона. После Андрусовского мира положение дел изменилось: все права и преимущества были отняты у православных, и униаты были восстановлены в правах. Однако мещане Белоруссии не обнаруживали особенной симпатии к унии.

Во время занятия русскими войсками Белоруссии при Петре униаты пользовались свободой отправления богослужения. Впрочем, настоятель Полоцкого Базилианского монастыря сообщил папе Клименту XI на многие, чинимых московскими войсками при завоевании Белоруссии.

В течение первой половины XVIII столетия все униаты фактически оставались вне закона, хотя со стороны представителей польской власти делались указания на необходимость изменения правительственной политики по отношению ко всем униатам. В происходивших

волнениях между униатами и неуниатами виновными во всех агрессивных действиях оказывались последние.

Во главе православной церкви в Белоруссии стоял Георгий Конисский, державшийся великорусской ориентации и предполагавший с помощью русского правительства добиться изменения в положении православных. Екатерина II шла навстречу планам Георгия Конисского, чтобы под видом защиты интересов православия вмешаться в польские дела. Конституция 1767 года уравнивала католиков и православных.

Х. БЕЛОРУССИЯ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ В XIV—XVIII ВЕКАХ

Москва и Белоруссия при Иване III. Борьба за Смоленск при Василии III. Белоруссия и Ливонская война. Борьба за Смоленск в эпоху смуты. Деулинское перемирие. Борьба за Смоленск при Михаиле Федоровиче. Белоруссия и польские войны при царе Алексее Михайловиче. Белоруссия в эпоху Северной войны. Разделы Польши и присоединение Белоруссии к Российской империи.

Вопрос о Белоруссии становится очередным вопросом внешней политики Москвы со времен Ивана III. Московское правительство начинает заявлять претензии на Киев, Полоцк и Витебск как на «вотчины прародителей». Эта националистическая идеология по существу строилась на материальном фундаменте. Москве были нужны прямые торговые пути на запад, минуя Литву и Ливонию. Искание их и привело к столкновению с Литовско-Русским государством. Борьба ведется из-за Смоленска, Подвинья как главных этапов к морю, в Западную Европу. При Иване III борьба только началась. Смоленск еще не был предметом военного внимания московского правительства. Зато при Василии III смоленский вопрос всецело захватил последнее. Борьба с Литвой на этот раз дала желательные результаты, и Смоленск по миру 1523 года отошел к Москве. Ни Литва, ни Польша не могли остановиться на этом. Москва рассматривала захват Смоленска как только этап для дальнейшего движения в сторону Белоруссии. При Иване IV в начале его княжения война ведется уже впереди Смоленска. Витебск — укрепленный город, ключ к Ливонии — привлекал к себе внимание московского князя, и его окрестности были опустошены. Борьба за Ливонию при Иване IV происходила преимущественно на территории Белоруссии. К 1563 году сердце Подвинья Полоцк был захвачен московским правительством. Развивавшиеся военные действия отдали под власть Москвы полоцко-витебские пригороды: Велиж, Невель, Себеж. В 1566 году Сигизмунд II Август предлагал Москве заключить мир с уступкой Белоруссии. Иван IV отказался. Продолжавшаяся война вернула Полоцк и всю Белоруссию (1579).

За Москвой остались только Невель и Себеж. Когда польский король Сигизмунд III в эпоху смутного времени вторгся в пределы Москвы, то захват московской территории начался с осады Смоленска. В конце июня 1611 года Смоленск был взят. Правительство царя Михаила по Деулинскому перемирию 1618 года оставило в руках поляков Смоленск и вернуло Невель и Себеж. В 1632 году, в польское безкорольевье, московское правительство пыталось вернуть Смоленск, но его осада кончилась сдачей в плен всего войска во главе с Шеиным. Присоединение Украины к Москве создало новую войну с Польшей. Война велась на территории Белоруссии. В 1654 году вся Белоруссия с Витебском и Полоцком была завоевана Москвою. Московский царь включил в свой титул «царя Белой России». Взятие Витебска и Полоцка сопровождалось опустошением всей территории и отправкой местного населения в Москву. И в церковном отношении Белоруссия стала находиться под властью московского патриарха. И на этот раз Москва не удержала Белоруссию. По Андрусовскому миру (1667) белорусский край обратно возвращался Польше. За Москвой оставался только один Смоленск с городами: Невелем, Себежем и Велижем. Московская оккупация сопровождалась недоразумениями между оккупационными войсками и местным населением. Особенно были напряжены эти отношения в Могилеве. 1 февраля 1661 года в Могилеве вспыхнуло восстание, и обезоруженные войска были перебиты. Король Ян Казимир 9 июня 1661 года выдал Могилеву благодарственную грамоту, подтвердил его привилегии, даровал некоторым мещанам дворянское достоинство, а за другими оставил купленные ими земли. Белорусская шляхта также относилась отрицательно к московскому влиянию. Часть ее бежала в Литву, а оставшиеся шли и присягали Алексею Михайловичу или, оставаясь верными Речи Посполитой, отправлялись в Москву в качестве военнопленных. Отосланные в Казань были вынуждены присягнуть Москве и даже принять православную веру. Вместе с этим казанские пленные постановили не выбирать ни на какие должности тех лиц, которые присягнули московскому правительству. Во время Северной войны Белоруссия была театром военных действий. По территории Белоруссии проходили шведские, русские и польские войска, и Белоруссии приходилось перенести все отрицательные стороны военного нашествия с контрибуциями, насилиями.

Первое время правительство Петра следило за тем, чтобы населению Белоруссии русскими войсками не чинилось никаких бедствий. Это особенно сказалось в мероприятиях правительства по отношению к гор. Могилеву. Когда же войскам пришлось оставить Белоруссию под напором шведов, то она подверглась опустошению. Полному разорению подвергались города, державшиеся Станислава Лещинского, сторонника шведской ориентации. Особенно пострадал при этом гор. Витебск. Разоренный в XVII веке московскими и польскими войсками, гор. Витебск был доведен до такого состояния, что в 1671 году король Август II был вынужден освободить витеблян от уплаты долгов Риге, а

также от всяких налогов в продолжение 7 лет. После разорения Витебска в 1708 году, он обеднел и опустел. Ништадтский мир 1721 года отдал Ливонию с Ригой Москве. Белоруссия была опять отрезана от моря. С другой стороны, владение ключом Белоруссии, городом Смоленском, грозило Белоруссии присоединением к Русскому государству. Все Подвинье в XVIII веке было связано тесными экономическими узами с Русской империей, откуда получалось сермяжное сукно, готовые сермяки, тулупы овчинные, рукавицы, полотно, мыло, звериные шкурки. Развивавшаяся торговля по Двине ставила Белоруссию в экономическую зависимость от Москвы. Неурядицы польского государственного строя решили судьбу Белоруссии. По первому польскому разделу (1772) Россия получила Полоцкое воеводство, Витебское, Мстиславское и часть Минского, а по второму польскому разделу (1793) к Москве отошли остальная часть Минского воеводства и северо-восточный угол Виленского воеводства. Судьба Белоруссии окончательно определилась: она вошла в состав Российской империи. Вековая попытка московского правительства кончилась удачно. Но для Белоруссии эта борьба стоила дорого. Разоренная войнами, она была лишена возможности поднять свое экономическое благосостояние.

XI. ЕВРЕИ В БЕЛОРУССИИ

Положение евреев в Литовско-Русском государстве. Еврейский исход. Колонизация евреями Белоруссии в XVII веке.
Численность еврейского населения в XVIII веке.

Евреи в Литовско-Русском государстве были старинными обитателями. Уже в конце XIV столетия существуют еврейские общины в Бресте, Гродно и Троках. Великий князь Витовт дал евреям в 1388 году грамоту, определявшую их положение. По привилегии Казимира Ягеллончика в 1441 году трокские евреи получили магдебургское право на таких же основаниях, на каких пользовалось магдебургским правом христианское население. По всем делам, гражданским и уголовным, евреи подлежат суду еврейского войта, который выбирался ими из своей среды и пожизненно утверждался королем. В XV веке евреи имели большое значение в Литве как откупщики и финансовые агенты правительства. В 1495 году литовско-русское правительство изменило свою политику по отношению к евреям. Великий князь Александр, желая погасить долговые обязательства евреев, постановил «жидову земли наше вон выбити». Изгнанные евреи ушли в Польшу, Кафу и Константинополь. Имущество евреев было конфисковано. Часть его перешла в руки отдельных лиц и учреждений. В 1503 году евреям было разрешено вернуться обратно в Литву. Евреи получали обратно свое имущество, однако с обязательством уплатить расходы тем лицам, кто владел этим имуществом, кто затратил деньги по уст-

ройству и хозяйственному улучшению недвижимости. Лица, купившие еврейскую недвижимость или принявшие ее под заклад, имели право на получение вознаграждения. В 1507 году Сигизмунд I подтвердил старые привилегии евреев, которые были внесены в литовский Статут 1529 года. Благодаря окрепнувшему юридическому положению, литовские евреи усилили свое влияние как в области хозяйственной жизни страны, так и в финансовых операциях правительства. Впрочем, некоторый удар материальному положению евреев был нанесен беззастенчивыми действиями тех сыщиков, которые производили розыски по поводу слухов о соращении христиан в еврейство. Евреи боялись показываться на ярмарках. Торговые обороты падали. Уменьшились доходы правительства. Распоряжения великого князя Сигизмунда от 10 июля 1532 года прекратили неправомерные розыски среди евреев. Литовско-русская шляхта была, видимо, недовольна усилением еврейского капитала. На сейме 1559 года родовая шляхта выступила с требованием, чтобы откупщиками были христиане. Великий князь литовский отклонил просьбу шляхты и предложил христианам быть более щедрыми в назначении откупных ставок и тем самым взять в свои руки откупа. Отрицательное отношение к еврейству со стороны рядовой шляхты было полным контрастом покровительственному отношению евреям со стороны крупных магнатов, неоднократно обращавшихся за ссудой к еврейским капиталистам. С конца XVI столетия начинается процесс расселения евреев по всей Литве и Белоруссии. Главный приток эмигрантов шел из Чехии, Бранденбурга, Италии и Брауншвейна. В половине XVI столетия еврейское население имелось в Бресте, Гродно, Пинске, Кобрине, Новгороде, Клецке, Добучине, Городце. С 1569 года евреи появляются в Слониме, Мстибогове, Витебске, Полоцке, Бобруйске, Дриссе и Желудке. Главный приток еврейства в Белоруссию был после 1648 года в связи с еврейскими погромами на Украине. В административном отношении еврейство делилось на ряд округов: Белорусскую синагогу и на округа Минский, Мстигобовский, Слонимский, Брестский, Гродненский, Пинский, Слуцкий. Города Вильна и Полоцк с прикагалками составляли особые административные округа. Для решения различных вопросов, касающихся жизни еврейства, евреи собирались на общелитовские и окружные воады, постановления которых были обязательны для всех еврейских кагалов и прикагалков. Общая численность евреев на Литве в 1766 году составляла 157 250 человек. Богатые евреи занимались откупами. Еврейская беднота была занята мелкой торговлей и ремеслом. Еврейские ремесленники были организованы в цехи, хотя самостоятельная еврейская цеховая организация возникла не без трений и не без борьбы с христианскими цехами. Громадная часть еврейских ремесленников принадлежала к цеху портных, скорняков, шапошников, меховщиков, басонщиков, позолотчиков, золотых дел мастеров, пекарей и мясников. В XVIII веке в связи с гайдамацкими движениями на Украине шла усиленная колонизация в Белоруссию. Особенно увеличилось еврейское население в Могилевской и Витебской губерниях.

ХII. БЕЛОРУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В XVII—XVIII ВЕКАХ

Судьбы белорусского крестьянства. Экономическое положение западнобелорусского крестьянства. Крестьянство Восточной Белоруссии.

К концу XVI столетия в Литовско-Русском государстве исчезло свободное крестьянство. Акты того времени указывают на всевозможные сделки с крестьянами. На крестьян вместе с семействами совершаются запродажные записи, купчие крепости и различные любовные сделки. Во всех сделках крестьяне рассматриваются как общественная группа, потерявшая какая-либо юридические права. Крестьянская масса, как и в XVI веке, делилась на две группы: на государственных и частновладельческих. Положение тех и других в значительной степени отличалось друг от друга. В западной части Белоруссии и правительство, и частные землевладельцы перешли к волочной помере, причем экономическое обеспечение и крестьянское тягло были неодинаковы в государственных владениях и частновладельческих. В первом случае крестьянские наделы были больше, а повинности меньше. Крестьянский надел в государственных имениях во второй половине XVI столетия равнялся одной волоке, а на землях частных владельцев такие большие наделы являлись редкостью. В XVII и XVIII веках происходит уменьшение наделов до половины волоки, а иногда и меньше, как на землях государственных экономий, так и в частновладельческих имениях. К концу XVI столетия стала исчезать двухдневная барщина и в государственных экономиях. Став с конца века трехдневной, она к половине XVIII столетия превратилась в четырехдневную. Еще тяжелее было положение крестьян частновладельческих. С момента введения волочной померы барщина равнялась трем дням в неделю, а в XVII и XVIII веках она местами становится ежедневной. Кроме того, крестьяне были обязаны выходить на гвалт, нести подводную повинность, вымолачивать господский хлеб, работая для этого ночью, отправлять сторожу, работать на мельницах, заниматься вывозкой дров. Рядом с увеличением барщинных повинностей на частновладельческих землях увеличиваются и натуральные повинности, которыми мужское и женское население были обязаны своему помещику, обыкновенно предметами своего крестьянского хозяйства.

Крестьяне частновладельческие, как и государственные, не могли без согласия администрации экономии уйти на заработки, продавать скот посторонним, покупать на стороне водку. Частный землевладелец мог увеличивать повинности крестьян по собственному усмотрению. Повинностное положение государственного тяглового и осадного крестьянства определялось инвентарями, нарушать которые господарский староста не имел права, и тем не менее такие нарушения бывали довольно частыми.

В общем, к концу XVIII века положение крестьян в Западной Белоруссии было очень тяжелое. Отсутствие скота, инвентаря, орудий, полуразрушенные хижины, убогая обстановка — вот картина жизни как частновладельческого, так государственного крестьянина. До половины XVI столетия сельскохозяйственная культура Восточной Белоруссии не пустила глубоких корней. Помещичье землевладение не имело большого развития. Государственная и крестьянская масса, живя общинами, имея свою выборную администрацию, занималась эксплуатацией речных и лесных богатств. Отношения к правительству в повинностном отношении определялись стариной. Провинциальная администрация, нарушая эту старину, вызывала в населении недовольство и раздражение. В 1555 году правительство предприняло описание восточных областей. Определив повинности, правительство не прекратило недоразумений, возникавших между населением и администрацией. Со времени Ливонской войны в придвинских местностях развивается частное землевладение. Начинается развитие сельскохозяйственной культуры. С конца XVI века и государство, и частный землевладелец стремятся старые формы землепользования заменить новыми, по образцу западных волостей. Эти аграрные мероприятия осуществлялись с конца XVI столетия и в течение XVII столетия. Новые аграрные мероприятия вызывали часто волнения среди крестьянской массы. Эти волнения приходилось усмирять военной силой. Новые аграрные мероприятия раздробили крупные крестьянские хозяйства и содействовали переходу к индивидуальному землевладению. В XVIII веке положение крестьянства, как и в западных областях, ухудшилось. Уменьшились крестьянские надель, но зато увеличились повинности. К концу XVIII столетия огромная часть государственных имений стала частновладельческими.

XIII. ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В БЕЛОРУССИИ В КОНЦЕ XVIII И НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

Политика Екатерины II. Административное деление. Генерал-губернатор Чернышев и его плакат. Принятие населением русского подданства. Раздача имений. Сословная и национальная политика Екатерины II. Финансовая политика. Административное деление Белоруссии. Общий характер русской политики в Белоруссии.

Первый раздел Польши оторвал Белоруссию от Польши. По первому польскому разделу к России перешли воеводства: Лифляндское, большая часть Полоцкого, Витебское без Оршанского и Мстиславского поватов и часть Минского. На этой территории числилось 1 227 000 жителей.

Согласно проекту князя Вяземского, было образовано особое белорусское генерал-губернаторство, состоящее из 2 губерний: Псковской и Могилевской. Опубликованная инструкция губернатором новых губерний возлагала на последних обязанности поддержания в краю порядка, спокойствия, охраны имущества и этичности населения во вновь присоединенных губерниях. Екатерина II давала обещание держаться также и терпимой религиозной политики по отношению к иезуитам, предполагая, что иезуиты, найдя убежище в Белоруссии, покровительствуемой русским правительством, будут поддерживать русское правительство в его административных действиях и тем будут содействовать объединению края с Россией.

Генерал-губернатор Чернышев от имени Екатерины II обратился ко всему населению вновь присоединенной Белоруссии с сообщением о переходе ее под власть России. Вместе с этим граф Чернышев предлагал проявлять верность монархине. Все население было обязано в течение месяца принести присягу на подданство. Если же кто из собственников не пожелал бы присягнуть, то он был обязан в течение 3 месяцев продать свое имущество и выехать за границу. В противном случае его имущество будет секвестровано. На духовенство возлагалась обязанность упоминания во время богослужения имени государыни. Плакат Чернышева объявлял о религиозной терпимости, о сохранении вольности, о неприкосновенности отношений подданных к своим помещикам. Белорусское население без всяких возражений присягнуло новой государыне. Нигде не было никаких протестов. Белорусскую шляхту беспокоило обещание Чернышева о неприкосновенности всей шляхетской вольности. Однако нашлись шляхтичи, отказавшиеся принести присягу. Среди последних выделялись магнаты, князья Радзивиллы, Огинские, Чарторыйские, Сапеги, Соллогубы, Потен. Их имущество было конфисковано и роздано русским подданным. Всего было конфисковано 51 владение с 110 357 крестьянами. Это все были крупные имения, которые при раздаче иногда делились на части. В течение 1763—1779 годов было роздано 107 владений, в которых числилось 94 160 крестьян. Лица, близкие к Екатерине II, были наделены в изобилии крестьянами. Следующая таблица дает отчетливое представление о распространении крупного русского землевладения.

Имена владельцев	Количество душ	Имена владельцев	Количество душ
Князь Потемкин	14 227	Князь Дондуков	2090
Граф П. Румянцев	13 326	Козьмин	1918
Граф Чернышев	5071	Адмирал Мордвинов	2090
Генерал Завадовский	4737	Л.-мед. Крузе	1528
Граф Н. Панин	3090	Князь Вяземский	1520
Елагин	3712	Князь П. Голицын	1260
Князь А. Голицын	3152	Безбородко	1222
Камер. А. Васильчиков	2927	Т.-сов. Волков	1011
Граф Остерман	2740	Граф Сиверс	1006
		Об.-полиц. Архаров	1006

Насаждение крупного русского землевладения должно было содействовать более тесному сближению с Россией.

Указом 8 мая 1778 года восстанавливалось действие земских судов, провинциальных и губернских. Правом выбора пользовались все шляхтичи, имевшие не меньше 10 крестьян. Для избрания в судьи требовался ценз в размере 20 душ. Делопроизводство в судах велось на польском языке и по польскому праву. Рядом с этими судами были суды губернские и провинциальные, делопроизводство в которых велось на русском языке, а судебное решение выносилось на основании русского права. Эти коронные суды ведали уголовные дела, сбор с налогов, продажу крестьян, распродажу имущества. Этот контроль давал возможность правительству следить за мобилизацией земельной собственности и крестьян и не позволять усиливаться там польскому землевладению. Перемена подданства не внесла никаких перемен в положение крестьянской массы. Указом 15 ноября 1775 года запрещалась запродажа крестьян без земли. Граф Чернышев издание этого указа объяснял тем, что продажа крестьян без земли уменьшает количество тех лиц, которые обязаны платить подати государству. Однако Сенат думал по-другому: раз русское дворянство пользовалось правом продажи крестьян без земли, то и белорусская шляхта должна была сохранить свои права. В общем, указ практического значения не имел. Сохраняя за евреями все их права и преимущества, русское правительство разрешило приписываться к купеческому сословию с уплатой определенного процента с объявленного капитала. Вместе с тем правительство запретило евреям винокурение, выработку пива и меда, ставшие монополиями шляхтичей. Кроме того, евреи в своих кагалах могли касаться только религиозных вопросов. При замещении городских и купеческих должностей евреи были связаны определенными ограничениями. Экономическое положение Белоруссии в момент присоединения к России было весьма тяжелое. Этого не отрицал и сам Чернышев. Тем не менее, согласно его проекту, финансовые тяготы, падавшие на Белоруссию, были значительно тяжелее прежних повинностей. За вторую половину 1773 года Белорусские губернии уплатили 587 019 руб. 24 коп., тогда как при польском владычестве с них поступало в казну 172 835 руб. 82 коп. Ввиду явной невозможности уплатить такие податки в Петербурге была организована комиссия для пересмотра ее финансового положения. Стремясь к слиянию России и Белоруссии, правительство указом 15 ноября 1776 года разрешило дворянскому заемному банку в Петербурге и в Москве принимать в заклад польские имения. Учреждения о губерниях 1775 года распространялись и на Белоруссию. Последняя разделялась на 2 губернии: Полоцкую и Могилевскую. Первая делилась на 11 уездов: Полоцкий, Дрисский, Себежский, Невельский, Динабургский, Режицкий, Люценский, Витебский, Велижский, Городокский, Суражаский. Могилевская губерния делилась на 12 уездов: Могилевский, Чаусский, Старобыховский, Оршанский, Бабиновический, Капысский, Сенский, Мстиславский, Чериковский, Кли-

мовический, Рогачевский, Белецкий. В 1793 году после второго польского раздела, когда остальная часть Белоруссии отошла к России, то была образована новая губерния — Минская. Введение общерусских учреждений было отменой прежнего устройства губерний в целях более тесного слияния с Россией. Такая русификация края встречала со стороны отдельных государственных деятелей отрицательное к себе отношение, так как население привыкло к прежним польским законам и прежним порядкам. При Павле I указом 12 декабря 1796 года было введено новое административное деление. Губернии Полоцкая и Могилевская сливались в одну под названием Белорусской с губернским городом Витебском. Но и это губернское деление было заменено другим. В 1807 году указом 27 февраля Белорусская губерния была снова разделена на 2 части: на Витебскую и Могилевскую. Обе губернии сначала назывались Белорусскими. С 1840 года они стали называться по губернским городам. Павел I отказался от русификаторской политики в Белоруссии, восстановив действия прежних судов и учреждений, а также и местного права. Такой же политики держалось и правительство Александра I. Только со времен Николая I русское правительство стало на путь русификации края в целях освобождения его от польского и еврейского влияния.

XIV. ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРОГРАММА БЕЛОРУССКОЙ ШЛЯХТЫ В XVIII—XIX ВЕКАХ

Наказы смоленской шляхты. Шляхта и разделы Польши.
Шляхта и Франция. Белорусская шляхта и польские разделы.
Восстание Костюшки и отношение к ней белорусской шляхты.
Белорусская шляхта и Наполеон I. Польское восстание
1830 года и отношение к нему шляхты.

Часть белорусской шляхты, именно смоленская, еще с 1667 года вошла в состав Русского государства и составляла с ним одно нераздельное целое. Она уже не чувствовала никакого тяготения к Польше и была проникнута общедворянскими интересами. Последние во всей своей отчетливости выступают в наказах 1767 года. Дворянство жалуется на побег крестьян в Польшу, а между тем помещики обязаны платить подушные деньги и всякие государственные повинности. Шляхтичи просят о выключении беглых крестьян с подушного сбора; затем дворянство просит о замене натуральной рекрутской повинности деньгами, так как многие помещики, не имея одиночных крестьян, должны отдавать в рекруты семейных людей. Последние убегают в Польшу и постепенно переводят туда все свое семейство.

Ссылаясь на указ 1762 года, дворянство просило, чтобы ни на какие должности не назначали без согласия дворянства. По мнению бельского дворянства, всякие назначения на должности принудительным

путем находятся в противоречии с указом 1762 года. Если кто-нибудь из дворян добровольно пожелает принять должность, то ему нужно назначить жалованье и поручить таким лицам разбирать различные судебные дела между крестьянами и помещиками. Дорогобужское дворянство, ссылаясь на прежние привилегии, данные польскими королями и утвержденные московскими государями, ходатайствует о предоставлении ему права «свободно домашними нашими, происходящими от земли продуктов пользоваться». Бельское дворянство ходатайствует об учреждении казенных провиантских магазинов. О том же просит и Дорогобужское дворянство. На необходимость учреждения казенных магазинов на случай неурожая указывает также и вяземское дворянство. Указывая на бедность крестьян, дворяне Бельского уезда просят об освобождении их крестьян от обязательной повинности по постройке мостов и форпостов. В крайнем случае они ходатайствуют о переводе натуральной повинности на деньги. На тяжесть той же повинности указывает и рославльское дворянство. Оно также предлагает заменить ее деньгами через обложение по 3 копейки с души. Затем в наказах 1767 года высказывались пожелания об открытии училищ, об облегчении уплаты податей, о создании в областях новых судебных учреждений, о назначении комиссарам и другим должностным лицам по выбору жалованья, об изменении законов, касающихся права распоряжения недвижимым имуществом. Таким образом, требования шляхты Смоленской губернии не выходили за пределы узких сословных требований и интересов. Белорусская шляхта, принеся присягу на верность России, оставалась верна польским симпатиям. Отдельные шляхтичи уходили в Польшу и принимали участие в возникавших там конфедерациях. С большой симпатией белорусская шляхта отнеслась к восстанию Т. Костюшко. Многие из участников восстания лишились своих имений. Последние были розданы Екатериной II своим приближенным. Западноевропейское Просвещение незаметно проникало в сознание белорусской знати. Экономическая доктрина физиократов заставила представителей крупнопоместного владения поставить на очередь крестьянский вопрос. Впрочем, количество лиц, стремившихся изменить положение крестьян путем организации их управления и облегчения их повинностного положения было весьма небольшое. Политика Екатерины II вызвала большое недовольство белорусской шляхты. Воспользовавшись присутствием на коронации в Москве, она решила обратиться к Павлу I с определенным ходатайством об изменении направления русской политики по отношению к землям, оторванным от Польши и отошедшим к России. Позиция шляхты была враждебна России. Так, при выборе делегации минские шляхтичи хотели заявить требование, чтобы на Литве не было ни одного русского, ни войска, ни русской администрации, чтобы никто не мог быть арестован без суда, чтобы католическая вера оставалась в неприкосновенности, чтобы судопроизводство велось на польском языке, чтобы польское право оставалось в неприкосновен-

ности. Настроение шляхты было явно антирусское. Во время походов Наполеона белорусская шляхта была на его стороне, так как надеялась с его же мощью восстановить Речь Посполитую в пределах 1772 года. Этим же объясняется сочувствие белорусской шляхты польскому восстанию 1830 года.

Польско-белорусские шляхтичи всячески помогали повстанцам, за что многие из них заплатили смертью или ссылкой в Сибирь на каторгу или на поселение с конфискацией всего имущества.

XV. БЕЛОРУССИЯ В 1812 ГОДУ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Наполеон I и польское землевладение. Отношение к Наполеону русского населения. Муниципалитеты. Разорение края.
Состояние торговли и сельского хозяйства
в первой половине XIX века.

Во время 1812 года Белоруссии пришлось испытать нашествие французов. Польская шляхта всецело сочувствовала Наполеону, и все ее симпатии были на стороне Варшавской конфедерации, так как видела в Наполеоне спасителя Польши от русского влияния. Впрочем, польская шляхта в Полоцкой и Могилевской губерниях отнеслась отрицательно к Варшавской конфедерации. Русское население было явно враждебно Наполеону. Благодаря этому Наполеону не удалось привлечь население к участию в управлении в оккупированных французами местностях. И в Витебске, и в Могилеве, и в Смоленске вся власть находилась в руках военных властей. Однако в городах были организованы муниципалитеты из лиц, назначенных французским правительством. Муниципалитеты не столько должны были заботиться о городе и его населении, сколько исполнять различные требования французских военных властей, и все-таки назначенные муниципалитеты, являясь защитниками населения от действий военных властей, в значительной степени способствовали облегчению населения от тягостей военного нашествия. По окончании войны добровольные и невольные участники муниципалитетов были судимы. Их участие в управлении было определено как государственная измена. Многие из них были сосланы в Сибирь на поселение.

Военные действия в Белоруссии способствовали разорению и обеднению края. Население края значительно уменьшилось. Рабочий инвентарь был уничтожен. У крестьянской массы были взяты ее последние экономические ресурсы. Дворянская помещичья масса в усиленной эксплуатации крестьянского люда видела способ возмещения понесенных убытков. Эта разнузданность помещичьей власти еще более разоряла крестьян, и без того разоренных иностранным нашествием.

Экономическая жизнь в Белоруссии в конце XVIII века и первой половине XIX века определялась торговыми оборотами с западноевропейским рынком. Центром такой вывозной торговли для Белоруссии была Рига, а главной торговой артерией — З. Двина. Ежегодно по З. Двине сплавлялось в Ригу огромное количество разного рода продуктов, составлявших отпускную торговлю России, Польши, Лифляндии, Курляндии, Эстляндии и Литвы. И сами рижские купцы закупали товары непосредственно у крестьянской массы, продавая последней разного рода фабрикаты, в которых крестьянский люд чувствовал необходимость и потребность. Размеры рижской торговли отчетливо выясняются на основании данных о приходе судов в Ригу и выходе оттуда. Эти данные представляются в следующем виде:

Годы	Количество приходящих судов	Количество вышедших судов
1792	856	854
1793	885	885
1794	898	893
1795	704	713
1796	688	684
1800	794	779
1804	1151	1147
1806	987	983

До 1795 года количество приходящих и уходящих судов непрерывно возрастает. С 1795—1800 годов заметно падение вывозной торговли. С начала царствования Александра I вывозная торговля опять поправилась, и 1804 год был в этом отношении исключительно благоприятным.

На западноевропейский рынок преимущественно вывозились: зерно, лен, пенька, воск, лес, мачты, балки, доски, льняное семя, конопля, льняное масло, поташ, железо полосное, чугунные плиты, листовой табак, парусина, кожа, мех, свиная щетина.

Общая ценность всего вывоза в 1794 году составляла 14 023 990 руб. В 1805 году по З. Двине было сплавлено 1 185 995 пудов разного зерна, 44 075 пудов льняного и конопляного семени, 1 096 541 пудов пеньки, 711 350 пудов льна, 72 672 пудов сала и свечей. С 1807 года благодаря континентальной торговле отпускная торговля падает. Наладились она только с окончанием борьбы с Наполеоном. Так, данные 1817 года дают полное представление о вполне наладившемся товарообмене. В 1817 году было вывезено: зернового хлеба 1 542 184 кулей, 548 пудов аниса, 768 пудов меду, 4119 кулей льняного семени, 33 600

пудов конопляного масла, 190 пудов сала, 64 пудов клею, 100 пудов красной краски, 19 980 пудов сальных свечей, 450 пудов топленого сала, 279 пудов окороков, 3 550 пудов солонины, 437 пудов перьев, 120 пудов цикория, 14 638 ст. бумаги, 30 670 пудов железа, 8400 замков, 118 112 фунтов табака, 1 210 пудов мыла, 34 166 хлебного вина, 16 415 пудов щетины, 11 500 пудов пеньковой пакли, 537 132 пудов пеньки, 430 аршинов холста, 3000 ш. стеклянной посуды, 1 650 сукна и выделанных кож, досок — 4 510, строевых бревен — 13 112 штук. В общем, продукты сельского и лесного хозяйства составляли главные предметы вывоза. Вывозная торговля приняла весьма значительные размеры после отмены крепостного права. Следующие данные могут подтвердить вышесказанное:

Годы	Количество судов	Количество плотов	Количество рабочих
1851	6100	618	9098
1854	5145	1937	34 538
1855	4079	820	26 716
1858	9959	1119	44 892
1859	10 256	2698	56 412
1860	9405	3278	53 112

Ежегодный средний отпуск товаров для Риги составлял 17 737 000 руб., причем среди товаров, прошедших через рижскую таможенную, первое место занимают лен (6 766 570 руб.), пенька (3 660 777 руб.), льняное семя (2 561 277 руб.); хлеб, овес, рожь, ячмень, пшеница занимали четвертое место на сумму 2 307 366 руб., лесные товары — на сумму 1 184 489 руб.

Спрос на сельскохозяйственное сырье оказал большое влияние на помещичье крепостное хозяйство. Последнее давно стало предпринимательским, рассчитанным для сбыта на внешнем рынке. Рост хозяйства, расширение задачи последнего прежде всего отразились на положении крестьянской массы. Ее эксплуатация стала чрезмерной, и белорусский крестьянин вел полуголодное существование. Необходимость защиты крестьянина от чрезмерной эксплуатации даже сознавалась правительством Николая I, пытавшегося ввести в Северо-Западном крае сельскохозяйственные инвентари, встретившие дружный отпор и протест со стороны помещичьей массы, и благодаря этому правительственная попытка увенчалась полным неуспехом. Рядом с этим в Белоруссии явно обнаружилась тенденция к обезземелению крестьянской массы. Это выразилось в наличии значительного количества дворовых людей. Численность дворовых и крестьян, сидевших на земле, представляется в следующих цифрах:

Губернии	Крестьяне		Дворовые		Итого	
	мужской пол	женский пол	мужской пол	женский пол	мужской пол	женский пол
Витебская	208 869	220 824	5951	5884	264 820	226 708
Минская	265 305	281 497	7442	6987	272 747	288 474
Могилевская	269 975	286 322	7728	7455	277 703	293 777
Смоленская	343 433	366 073	23 682	25 332	367 115	391 405

Рост дворовых и уменьшение крестьянских наделов указывали на определенную эволюцию в организации помещичьего хозяйства. Земля стала считаться ценностью. Крепостные рабочие руки были уже невыгодны для ведения сельскохозяйственных работ. Необходимость ликвидации крепостного права отчетливо сознавалась наиболее прогрессивными в хозяйственном отношении землевладельцами. Задержка сельскохозяйственной техники благодаря крепостному праву была очевидна для расчетливого хозяина. Но, признавая принципиально необходимость ликвидации крепостных отношений, дворянство настаивало на безземельности самого освобождения. Но эта экспроприация крестьянства в пользу дворянства с государственной точки зрения была неприемлема, на что оказали влияние национально-политические мотивы и соображения.

XVI. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

Законодательные акты. Положение крестьян.
Аренды и инвентари.

Польское восстание 1830 года оказало огромное влияние на русскую политику в Белоруссии. Николай I решил стать на путь русификации края, но делал это весьма неумело. Николаевские мероприятия вызывали только одно раздражение; между тем основа польского влияния в крае, польское землевладение и крепостное право оставались в неприкосновенности. Все николаевские мероприятия ограничивались лишь изданием целого ряда запретительных указов, вызвавших в шляхетском населении только одно недовольство. Закрытие Виленского университета указом 1 мая 1832 года лишило край центра польской культуры, но в то же самое время Николай I оставил русский край без высшего учебного заведения. Для борьбы с полонизацией в 1839 году правительство Николая I своими полицейскими мероприятиями и принудительным обращением в унию задело народную совесть, свывнувшуюся с унией. Отмена в 1831 году действия литовского Статута и введение общерусского права внесли путаницу в гражданско-правовые отношения края и заставили местную шляхту еще более враждебно

относиться к России. В целях русификации края было запрещено преподавание на польском языке. Были закрыты католические, униатские школы, но ничего не было сделано для открытия народных школ. Не изменяя юридического положения крестьян, правительство в издании ограничительных законов относительно евреев видело путь к улучшению материального положения крестьян. Еще в 1823 году евреям было запрещено содержать в селениях шинки и кабаки, постоянные дворы и почты. Указ 1835 года запретил евреям продавать крестьянам в долг вина и другие крепкие напитки, признавал недействительными долговые обязанности крестьян к евреям, возникшие благодаря залогам одежды, домашней утвари, земледельческих орудий.

Николаевское правительство считало крепостное право злом, но еще большим злом, по его мнению, было «к оному касаться». Не принимая никаких мер для улучшения экономического быта крестьян и для изменения их юридического положения, правительство Николая I было вынуждено отступить от своей политики невмешательства в крестьяно-помещичьи отношения. Развивавшийся перевод крестьян во двор способствовал обезземелению крестьянства. Рост податей и повинностей делал невыносимым положение крестьянской массы. Благодаря бедности края многие из помещиков целыми деревнями сдавали своих крестьян в наем. Каждый год происходил своего рода исход белорусского народа. Правительство Николая I ограничилось лишь запрещением об отдаче в наем крестьян целыми деревнями. Впрочем, это распоряжение не имело никакого практического значения. В целях улучшения положения крестьян правительство Николая решило ввести так называемые инвентари. Последние не были новостью для Белоруссии. Еще в эпоху польского влияния и частные владельцы, и государственные экономии составляли инвентари своих имений, в которых были переписаны крестьяне с их наделами и определены те повинности, которые они были обязаны нести в пользу помещика и казны. Со времени Екатерины II многие государственные экономии были переданы частным лицам на правах аренды. Обыкновенно с арендаторами заключались контракты — своего рода хозяйственные инвентари, изменять которые арендатор не имел права. Несмотря на инвентари, крестьянская масса не была защищена от эксплуатации своих арендаторов. Раздача аренд в Белоруссии широко практиковалась в царствование Николая I. Благодаря эксплуатации крестьянами-арендаторами крестьянские хозяйства были очень жалки. Почти четверть крестьян имела по одной голове рогатого скота, и столько же не имело совсем скота. Не лучше было положение и крестьян частновладельческих. Указом 28 декабря 1839 года было признано необходимым произвести так называемую «люстрацию», то есть выяснить состав каждого имения и равномерно распределить казенные земли между крестьянами, а также и лежащие на них повинности. Предполагалось, что правители казенного имения не могут наказывать крестьян собственной властью. Они должны были сообщать сельской расправе, кото-

рая выносила судебное решение на основании судебного устава. При составлении люстраций крестьяне казенных имений переводились на оброк. Перевод на оброк был закончен в 1859 году. При распределении между крестьянами земельного надела, при трехпольной системе земледелия, на двор отводили от 12 $\frac{1}{4}$ до 22 $\frac{1}{2}$ десятин земли. Одновременно с казенными люстрациями было решено приступить к составлению инвентарей и частновладельческих имений. Новые инвентари должны были быть составлены по образцу казенных люстраций, только с некоторым повышением повинностей в пользу помещика. В 1844 году были составлены губернские комитеты, которые на основании данных, полученных от помещика, были обязаны составить инвентари, определить повинности крестьян. По окончании работ составленные инвентари поступали на рассмотрение генерал-губернатора и министра внутренних дел. Губернские комитеты отнеслись к своей работе без особенного рвения. Помещики находили для себя убыточным получение с крестьян $\frac{1}{3}$ валового дохода. Помещики Витебской и Могилевской губерний требовали трехдневной барщины. Инвентари вводились медленно. В 1852 году министр внутренних дел Бибиков решил ввести инвентари по образцу Юго-Западного края. Помещики всячески противодействовали их составлению, а с уходом Бибикова в отставку, при Александре II, вопрос об инвентарях был снят с очереди. Единственное, чего добился Бибиков, — это запрещения получать казенные имения в аренду на содержание (25 декабря 1853 года).

XVII. РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Образование православных епархий. Политика Павла I и Александра I. Ираклий Лисовский. Правительство Николая I и ликвидация унии. Белорусская католическая епархия. Иезуиты и их судьба в Белоруссии.

Первый раздел Польши отдал Белоруссию России. Православная церковь была взята под защиту русским правительством. Указом 14 декабря 1772 года Белоруссия в церковно-административном отношении была разделена на 2 епархии. Часть белорусских провинций была приписана к Псковской епархии, а другая часть составила отдельную Могилевскую епархию. Эти мероприятия, отделив полоцкую и витебскую части Белоруссии от провинций Могилевской, Оршанской, Мстиславской, Рогачевской, уничтожили единство Белоруссии в церковно-административном отношении. Считаясь с фактом унии, русское правительство признавало, что «устроение унии есть дело самодержавной власти», а потому оно не допускало, чтобы греко-униатские архиепископы были подданными иностранных государств. В целях русифи-

кации края Екатерина II покровительствовала православным, приветствуя их возвращение на лоно православия. Русские администраторы часто проявляли энергическую деятельность, насильственно присоединяя к православию и вызывая недовольство в униатском духовенстве и населении. При Павле I, с усилением влияния католицизма, была прекращена антиуниатская пропаганда. Закрытые в 1795 году униатские епархии были вновь восстановлены указом 28 апреля 1798 года. Правительство Александра I держалось той же политики. Засилие иезуитов в религиозных делах Белоруссии вызвало антипольское движение в среде высшего духовенства. Униатский архиепископ Иракий Лисовский действовал в двух направлениях. С одной стороны, он старался изменить церковные обряды в духе восточной церкви, с другой стороны, униатский архиепископ пытался добиться перемен в управлении церковью. Последняя зависела от римско-католической коллегии, тогда как архиепископ Лисовский хотел поставить во главе церкви Святейший Синод. Единственное, чего он добился, — это организации униатского департамента при римско-католической коллегии. Сам архиепископ был поставлен во главе департамента и был возведен в сан митрополита. Правительство Николая I, решив стать на путь русификации Белоруссии, приступило к ликвидации унии, найдя себе союзников в лице Иосифа Семашко и других епископов. Подготавливая воссоединение униатов с православными, правительство Николая I подчинило греко-униатскую коллегию Святейшему Синоду, а указом 30 апреля 1833 года была восстановлена полоцкая епархия. Ретивый епископ Смарагд стал насильно обращать униатов в православие, вызывая одобрение русского правительства и протесты населения. Наконец, в 1839 году правительство решило приступить к ликвидации унии. 12 февраля высшие представители греко-униатской церкви собрались в городе Полоцке и подписали акт воссоединения с православной церковью. Воссоединившиеся епископы и духовенство, опираясь на администрацию, стали проявлять большую ретивость в смысле насильственного обращения в православие, вызывая естественный протест и недовольство как в униатском сельском духовенстве, так и среди самого населения.

До присоединения Белоруссии на территории России было небольшое количество католиков. С присоединением Белоруссии Россия приобрела много новых католических подданных. Перед русским правительством стал вопрос об организации управления католической церковью. С этой целью была открыта Белорусская католическая епархия, во главе которой был поставлен епископ Станислав Сестреневич. В его ведении находились все католические церкви в России. Новому архиепископу пришлось столкнуться с иезуитами. Екатерина II, несмотря на закрытие иезуитского ордена папой (1773), отказалась изгнать иезуитов, рассчитывая своей терпимой политикой привлечь иезуитов на свою сторону и с помощью их содействовать укреплению в Белоруссии, в особенности среди белорусской шляхты, русского влияния.

Католический архиепископ должен был уступить иезуитам первое место. Они добились открытия в Полоцке новициата. Последний явился центром иезуитизма. Добившись от правительства разрешения иметь собственного генерала, иезуиты освободились от зависимости от полоцкого католического архиепископа. При Александре I иезуиты добились больших преимуществ. Указом 12 января 1812 года Полоцкая иезуитская коллегия превращалась в высшее учебное заведение — Академию с 3 факультетами: лингвистическим, факультетом свободных наук и богословским. Полоцкая академия, взяв в свое ведение все низшие училища в крае, на всю систему образования наложила отпечаток католицизма. Распространение последнего среди русского общества заставило правительство переменить свою политику по отношению к иезуитам. Указ 13 марта 1820 года признавал деятельность иезуитов вредной. Полоцкая академия и иезуитские училища закрывались. Сами иезуиты изгонялись из России. Несмотря на изгнание иезуитов, все народное образование находилось в ведомстве католической церкви, проводившей в деле воспитания и учения те же идеалы, что и иезуиты.

XVIII. КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 ГОДА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Принципы Общего Положения. Частные положения о крестьянах в Белоруссии. Крестьянские наделы.

Землеустроительная политика. Крестьянское малоземелье.

Аренда. Крестьянский банк. Колонизация. Землеустроительная политика после 1905 года. Крестьянские волнения в Белоруссии в эпоху первой революции.

Положение 19 февраля 1861 года ликвидировало крепостное право в Белоруссии. Согласно Общему Положению о крестьянах, освобождение крестьян сопровождалось наделением землею. Однако помещики сохраняли право собственности на землю, вследствие чего крестьянская масса являлась только постоянным пользователем земли, связанным обязательными поземельноповинностными отношениями с помещиком. Только покупка надела в собственность превращала крестьянина в земельного собственника. Впрочем, крестьянская масса могла сразу ликвидировать свои отношения к помещикам, приняв так называемый даровой надел. Последний вместе с усадьбой должен был равняться 1/4 высшего надела. Для определения размеров крестьянского надела на территории европейской России устанавливались так называемые высшие и низшие наделы, причем последний надел равнялся 1/3 первого надела. Для губернии Могилевской были приняты высшие наделы 4 десятины (в Мстиславском уезде); 4 десятины 1200 кв. с. в уездах: Гомельском, Климовичском, Копытском, Могилевском, Оршанском, Сенинском, Чаусском и Чери-

ковском; 5 десятин 200 кв. с. в уездах Быховском и Рогачевском. В Витебской губернии в уездах Городецком, Полоцком и Суражском высший надел равнялся 5 десятинам, в Велижском уезде — 5 десятинам 1200 кв. с., а в уездах Витебском, Лепельском, Невельском и Себежском — 4 десятинам 1200 кв. с. В уездах Динабургском, Дриссенском, Люценском, Режицком Витебской губернии, а также в губерниях Минской, Виленской, Ковенской и Гродненской за крестьянами остаются все те усадебные и полевые земли и угодья, которыми крестьяне владели до утверждения Положения. Земли же, находившиеся у крестьян во временном владении за плату деньгами или произведениями, возвращались обратно помещику. Крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости, назывались временнообязанными и только в случае выкупа земли становились собственниками, причем расценка земли была принята значительно выше действительной рыночной цены на землю. Благодаря этому в плату за выкуп земли была включена плата за свободу от крепостного права. Выкуп был обоюдно добровольным, но обязателен по требованию помещика. Повинности крестьян губернии Могилевской и части Витебской разделялись на оброк и барщину.

За пользование высшим наделом в губерниях Могилевской и части Витебской был назначен душевой оброк в 9 рублей. Если же крестьяне получают меньше высшего количества десятин на душу, то крестьянский оброк уменьшается. Для распределения оброка по десятинам была принята система градаций. За первую десятину платилось больше, чем за остальные. При 9-рублевом оброке на долю первой десятины приходилось 4 рубля. Остальные раскладывались равномерно на всю остальную часть надела. В барщинных имениях предполагалось отправление барщины за высший надел в размере 40 дней мужских и 30 женских. В губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской для определения оброка принимается означенная деньгами в инвентаре имения общая ценность повинностей, приходящихся на тот или другой крестьянский участок. Притом губернскому по крестьянским делам присутствию разрешается повышать оброк, который, однако, не может быть выше той общей денежной оценки повинностей, которая значится в инвентаре. Что касается другой части Витебской губернии, то все имения, в зависимости от густоты населения, делятся на несколько разрядов примерительно плотности населения каждого имения. В зависимости от этого оброки колебались между 1 руб. 60 коп. и 3 руб. Переход земли по оброчному обложению из одного разряда в другой зависел от усмотрения мирового посредника. При определении барщинной повинности в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской и Витебской принимается во внимание издельная повинность, установленная инвентарем имения, но притом общее количество рабочих дней, приходящихся на одну десятину удобной земли, не должно превышать 23 дней в году, причем $\frac{3}{5}$ рабочих дней отбывается в течение летнего времени, $\frac{2}{5}$ в течение зимнего времени. Что касается остальных уездов Витебской губернии, то размеры барщины, приходящиеся на деся-

тину земли, распределяются между 23 и 12 днями в году в зависимости от степени густоты населения в имении.

Общее количество крестьян, освобожденных от крепостного права в белорусских губерниях Витебской, Могилевской, Минской и Смоленской, было следующее. В Витебской — 283,9 тыс., в Могилевской — 305,8 тыс., в Минской — 3359,6 тыс. в Смоленской — 427,7 тыс. Крестьяне государственные, получившие 24 ноября 1866 года свое отдельное положение о поземельном устройстве, в общем, были наделены землею в большем количестве, чем крестьяне частновладельческие. Характер наделения землею белорусских крестьян можно представить в следующей таблице.

Крестьяне, получившие наделы (%)			
Губернии	Щедро	Достаточно	Недостаточно
Могилевская	38,7	44,9	16,4
Минская	38,7	4	57,3
Смоленская	15,3	29,5	55,2
Витебская	13,8	48,1	38,1

Таким образом, в губерниях Минской и Смоленской более половины всех крестьян оказались наделенными недостаточно; более трети крестьян в Витебской оказались в таком же положении и одна шестая в Могилевской губ. Если взять только крестьян бывших владельческих, то картина наделения крестьян землею представится в следующей таблице:

Крестьяне, получившие наделы (%)				
Губернии	Число			
	внад. крест.	Щедро	Достаточно	Недостаточно
Могилевская	264,4	34,7	48,1	17,2
Витебская	211,4	2,6	47,1	50,3
Минская	286,0	37,0	—	63,0
Смоленская	327,0	2,5	33,0	64,5

Итак, большая часть помещичьих крестьян в 3 губерниях оказались наделенными недостаточно. Это недостаточное наделение землею — основа крестьянского малоземелья в Белоруссии.

После крестьянской реформы во владении крестьян оказалось следующее количество земли (в тыс. десятин и процентах):

Губернии	Удобные		Итого	Всего по отношению к земельной площади
	земли	неудобные земли		
Витебская	1249,8	197,1	1491,9	40,4
Минская	1827,6	256,6	2084,2	28,5
Могилевская	1502,7	224,4	1727,1	42,2
Смоленская	1891,9	136,3	2028,2	44,4

Общее количество казенных земель представляется в следующем виде:

**Количество земли в тыс. десятин и процентах по отношению
ко всей земельной площади**

Губернии		
Витебская	229,1	6,2
Минская	848,2	11,9
Могилевская	103,4	2,6
Смоленская	70,7	1,6

В белорусских губерниях государственное крестьянство не имело большого распространения. Так, в Витебской губ. на 25,6 % бывших государственных крестьян приходилось 74,4 % бывших владельческих крестьян. В Минской губ. на 15,8 % бывших государственных крестьян приходилось 84,2 % бывших владельческих крестьян. В Могилевской губ. на 13,7 % бывших государственных крестьян приходилось 86,3 % бывших владельческих крестьян. В Смоленской губ. на 23,8 % бывших государственных крестьян приходилось 76,6 % бывших владельческих крестьян.

После отмены крепостного права средний надел, приходившийся на долю крестьян, представляется в следующем виде:

Губернии	Средний надел	
	бывшие государственные	бывшие частновладельческие
Витебская	6,0	4,1
Минская	6,6	5,1
Могилевская	5,7	4,8
Смоленская	5,8	4,0

Если принять во внимание крестьян обоих разрядов, то степень сравнительной обеспеченности наделной землею представляется в следующем виде:

Губернии	Щедро, более какого количества десятин	Достаточно, в среднем на 1 душу	Недостаточно, менее какого количества
Витебская	6	4—6	4
Минская	6	5—6	5
Могилевская	5	4—5	4
Смоленская	5	4—5	4

По характеру землевладения наделные земли распределяются следующим образом.

Губернии	Земля в пользовании всех крестьян (%)		Земля в пользовании государственных крестьян		Земля в пользовании частновладельческих крестьян	
	Общая	Подворная	Общая	Подворная	Общая	Подворная
Витебская	38,0	62,0	20,0	70,4	46,5	53,5
Минская	3,1	96,9	1,1	98,9	3,6	96,4
Могилевская	83,8	16,2	17,0	83,0	96,7	3,3
Смоленская	95,9	4,1	95,0	4,5	96,4	4,0

Таким образом, подворное землевладение преобладало в Минской и Витебской губерниях. В Могилевской и Смоленской губерниях доминировало общинное землевладение. Согласно Положению 19 февраля, временнообязанные крестьяне становились собственниками при условии выкупа земли. Выкуп был добровольным, но обязательным по требованию помещика. Впрочем, по закону 1 марта 1863 года добровольный выкуп в 9 северо-западных губерниях становился обязательным. При производстве выкупа поверочные комиссии делали поверку повинностей. С 1 января 1864 года обязательные отношения крестьян к помещику были прекращены. Крестьяне причислялись в разряд собственников и с переводом на обязательный выкуп из 6 % капитализованных оброков, причем последние понижались на 20 %. Перевод крестьян на обязательный выкуп объяснялся политическими мотивами, польским восстанием 1863 года, хотя со стороны министерства внутренних дел делались возражения по поводу обязательного перевода крестьян в земельные собственники. В белорусских губерниях, кроме вышеуказанных двух разрядов сельского населения, были и другие сельские обыватели, к которым относятся панцирные: панцирные бояре, однодворцы, вольные люди, чиншевики, бобыли и батраки. Панцирные бояре сохранились в Витебской губ. Это были потомки тех бояр, которые в литовское время освободились от несения натуральных повинностей, получали землю на вечные времена и за это были обязаны нести военную службу. К праву панцирных бояр также относилось право селить крестьян на своих землях. Указом 1866 года панцирные бояре были переданы в ведение общегубернских по крестьянским делам учреждений, а указом 27 марта 1873 года панцирные бояре сливались с городскими и сельскими обывателями. Сами же бояре, сидевшие на земле, приобретали права крестьян-собственников. Безземельные приписывались к городскому сословию. И однодворцы сохранялись как наследие литовско-польского периода. Законом 19 февраля 1868 года однодворцы, водворенные на казенных землях, подчинялись действию правил для бывших государственных крестьян. Однодворцы, водворенные на собственных землях, считались собственниками земель, а проживавшие на частновладельческих землях — арендаторами последних

по частному договору. Старообрядцы в белорусских губерниях появились с конца XVIII в. Они владели землей на правах аренды. Законом 22 марта 1876 года старообрядцы, поселившиеся до 17 июля 1873 года, получали право бессрочной аренды и могли на общих основаниях выкупать эти земли. Одновременно был поднят вопрос об устройстве быта православных арендаторов. И только в 1891 году было опубликовано Положение, разрешающее православным арендаторам выкупать арендуемые участки с содействием правительства в виде получения всей выкупной суммы. В белорусских губерниях был еще один разряд сельского населения, так называемые вольные люди. Они состояли из колонистов, иностранцев, шляхтичей, не доказавших свое шляхетство, и крепостных крестьян, показанных помещиками вольными. Законом 25 июля 1864 года вольные люди перечислялись в разряд сельских обывателей. Наконец, чиншевики, поселившиеся на чиншевых землях до 1870 года, в 1886 году были признаны имеющими право на землю. В течение 3 лет чиншевики могли вступить в соглашение о приобретении чиншевого участка в собственность или взамен чинша в аренду. По истечении 3 лет выкуп чиншевой земли является обязательным.

Временнообязанные крестьяне могли перейти в разряд собственников только при условии выкупа своих наделов. Закон и в этом вопросе давал существенные преимущества помещичьей власти, так как переход на выкуп был обязателен для крестьянина, если таково будет желание собственника. Помещики, нуждаясь в оборотных средствах и до постановления об обязательности выкупа, пошли навстречу выкупной операции, крайне выгодной для частного землевладения в виду высоких ставок, что для бедной и малопроизводительной Белоруссии имело огромное значение для дальнейшего материального положения сельского населения. Высота выкупной цены по сравнению с банковской оценкой земли весьма рельефно выступает в следующей таблице.

Губернии	Банковская оценка	Сумма разр. выкупных платежей (руб.)	Выкупные платежи по банковской оценке	Действительная разница
Витебская	15,46	1 008 268	797 322	210 976
Минская	13,99	745 107	1 319 144	574 037
Могилевская	13,01	1 528 080	956 795	570 285
Смоленская	16,97	1 877 635	1 165 736	711 899

Таким образом, только в Минской губ. выкупные платежи были меньше банковской оценки на 77,0 %, что объясняется политическими условиями. В Витебской губ. платежи были на 20,9 %, а в Могилевской и Смоленской губ. на 36,3 % и 37,9 % выше банковской расценки. Такая высота выкупных платежей, при наличии других государственных и зем-

ских платежей, была не под силу крестьянам. Рост недоимок становился по отдельным губерниям прямо-таки угрожающим, правительство 28 декабря 1881 года произвело общее понижение выкупных платежей. В то же время с 1 января 1883 года выкуп становился обязательным. При наличии прежней финансовой системы понижение платежей мало способствовало ослаблению податного тягла. Правительству пришлось их отменить, так как крестьянские волнения принимали стихийный характер. С 1 января 1907 года выкупные платежи отменялись, хотя на крестьянах всей России числился безнадежный долг в размере 1107 млн руб., но по вычислениям князя Д. И. Шаховского недоимка была незначительна, а А. Е. Лосицкий предполагает, что крестьяне, внеся 2,5 млрд руб., оплатили ее полностью. Как бы то ни было, но выкупные платежи лишали крестьян тех средств, хотя бы и минимальных, которые могли быть вложены в хозяйство, которое велось по старине, без всяких технических улучшений.

Крестьянская реформа положила начало крестьянскому землевладению, но последнее в белорусских губерниях в значительной степени уступало частновладельческому. Если взять распределение земельной собственности по видам платежей, пользуясь для этого данными 1905 года, то для наглядности можно представить его в следующей таблице.

Губернии	Земли частной собственности (десятины)					Отношение к общей площади (%)			
	Дворян	Крестьян	Прочие	Всего	Надельные	государ- ственные и общественные	частновлад.	надельные	государ- ственные
Витебская	1 294 716	359 457	480 344	2 134 517	1 945 988	810 478	65,6	24,3	10,1
Минская	4 041 851	484 219	730 907	5 256 977	1 619 326	181 719	56,1	39,5	4,4
Могилевская	1 401 828	652 882	249 026	2 303 740	2 136 393	2 044 783	42,5	29,4	28,1
Смоленская	961 894	935 415	736 384	2 633 692	1 592 147	326 559	52,6	39,3	8,1

Таким образом, до 1905 года частное землевладение, безусловно, преобладало над надельным землевладением и государственно-общественным. Дворянское землевладение шло на убыль в Смоленской губ. Крестьяне, купцы, мещане являлись покупателями дворянской земли. Но в остальных губерниях дворянское землевладение до 1905 года держалась прочно; хотя и тут была утечка за исключением Минской губ., но не столь значительная, как в Смоленской.

Следующая таблица наглядно показывает степень убыли и движение дворянского землевладения.

Губернии	В 1878 году (тыс. десятин)	В 1905 году (тыс. десятин)
Витебская	1606,4	1294,716
Минская	3983,7	4041,851
Могилевская	1976,4	1401,828
Смоленская	1915,5	961 894

Средний крестьянский надел, приходившийся на одну ревизскую душу, составлял в губерниях Витебской — 4,5 десятин, Минской — 5,3, Могилевской — 4,9 и Смоленской — 4,4. В действительности, принимая во внимание наличные души, душевой средний надел понижался в губерниях Витебской до 3,3 десятин, Минской — до 4,0 десятин, Могилевской — до 3,7 десятин, Смоленской — до 3,9 десятин. При таком среднем душевом наделе крестьянское хозяйство не могло обойтись без аренды частновладельческой земли, но степень распространенности последней и ее характер не могут быть изображены во всей отчетливости и ясности за отсутствием вполне достоверных статистических данных, за исключением только данных для части Смоленской губ.

Недостатки крестьянской реформы были очевидны уже для правительства в конце 1870-х годов, но последнее пока совершенно их игнорировало и не принимало никаких мер для урегулирования крестьянского землевладения. Придерживаясь взгляда, что частная собственность на землю неприкосновенна, правительство учреждением Крестьянского поземельного банка 18 мая 1882 года решило косвенным образом содействовать переходу земли во владение недостаточного крестьянства. Конечно, земля, купленная через банк, была только паллиативом и не могла удовлетворить ту нужду в земле, которую чувствовало крестьянство. За первые 7 лет деятельности Крестьянского банка покупки представляются в следующем виде:

Губернии	Сельск. общ.	Товар.	Отдел. крест.	Домо-хозяев	Количество десятин	Цена одной десятины
Витебская	24	27	31	440	4232	37,66
Минская	27	60	37	2461	40 707	19,33
Могилевская	169	200	53	94 107	10 398	18,26
Смоленская	294	212	8	10 304	104 845	22,44

Таким образом, в течение первых семи лет существования Крестьянского банка меньше всего сказалось его влияние в Витебской губ. И в последующее время Витебская губ. и по количеству покупок, и по количеству домохозяев, покупавших землю, занимает последнее место среди белорусских губерний. Так, в течение 1911—1915 годов, когда были особенно многочисленны покупки земли через банк благодаря большому предложению частновладельческой земли, покупки белорусских губерний можно представить в следующей таблице:

Губернии	Домохозяев	Купленные земли (тыс. десятин)
Витебская	6497	88,1
Минская	16 147	147,7
Могилевская	21 301	141,2
Смоленская	25 354	192,7

Конечно, отдельные покупки через банк могли несколько повысить норму среднего душевого надела в белорусских губерниях, но они не могли удовлетворить крестьянской потребности в расширении крестьянского землевладения.

Аграрная политика правительства после 1861 года отличалась в одном отношении неизменной устойчивостью. Она не допускала даже мысли о возможности принудительного отчуждения частновладельческой собственности. Зато политика по отношению к общине подвергалась различным колебаниям в зависимости от разных политических и экономических влияний. После 1905 года политика правительства и в этом отношении принимает устойчивый характер. Правительственная землеустроительная политика строится на принципе индивидуализации крестьянского землевладения и принудительного разрушения общинного землевладения. Белорусские губернии знали индивидуальное подворное и общинное землевладения. Впрочем, Минская губ. почти не знала общинного землевладения, Смоленской губ. почти не было знакомо подворное землевладение. Только Витебской и Могилевской губ. были известны оба вида землевладения.

XIX. ЗЕМСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Земство и политика правительства. Положение
2 апреля 1903 года. Положение 14 марта 1911 года.

* Земское Положение 1864 года не было распространено на белорусские губернии, за исключением только Смоленской губ. Правительство опасалось преобладания в губерниях польско-дворянского землевладения и его влияния на сельское население края. Так как в губернии Смоленской все помещичье землевладение принадлежало лицам русской национальности, то правительство имело полное основание не бояться распространения действия Земского Положения и на Смоленскую губ. В течение 35 лет вопрос о введении земств в белорусских губерниях неоднократно поднимался, но всякий раз по политическим соображениям был снимаем с очереди. Нарушить же принципы сословного земства и дать в земстве преобладающее значение крестьянской массе в ущерб польскому землевладению правительство не решилось. Наконец, указом 2 апреля 1903 года было издано «Положение об управлении земским хозяйством в 9 западных губер-

ниях». Согласно этому положению, в Могилевской, Минской и Витебской губ. учреждались губернские комитеты по делам земского хозяйства. Губернский комитет состоял под председательством губернатора из разных должностных лиц и местных землевладельцев, назначавшихся земскими гласными по представлению губернатора и министра внутренних дел на 3 года, в числе от 2 до 5 на уезд. Губернский комитет являлся распорядительным органом. В каждом уезде учреждался уездный комитет, состоявший под председательством уездного предводителя дворянства из местных должностных лиц, 2—5 волостных старшин по назначению губернатора, непременных членов уездной управы и уездных гласных.

Уездный комитет располагал подготовительными совещательными функциями. Органом исполнительной власти были губернская и уездная управы. Первая состояла из председателя и 3—5 членов, назначаемых министром внутренних дел; уездная — под председательством уездного предводителя дворянства из местных должностных лиц, двух гласных и непременных членов по назначению губернатора. Несмотря на такой бюрократический состав, все сметы и раскладки подлежали утверждению министров и Государственного Совета. Бюрократические земские учреждения весьма мало содействовали развитию земского хозяйства. Указом 14 марта 1911 года правительство решило распространить на западные губернии действие Земского Положения 1892 года. Впрочем, последнее подверглось значительному изменению, так как правительство считало нужным обеспечить в земском самоуправлении справедливые нужды русского населения. С этой целью понижался избирательный земельный ценз, а недвижимое имущество должно было быть по земской оценке не ниже 7500 руб. Затем христианское духовенство получало избирательные права, а в составе губернских гласных обязательно вводился один гласный от сельских обществ от данного уезда. Сельские общества составляли особые избирательные курии. Частные же землевладельцы, обладающие полным избирательным цензом, также составляли отдельную курию. Землевладельцы, не имевшие полного ценза для выбора уполномоченных, составляли два избирательных съезда. В первом избирательном собрании участвуют владельцы не менее $\frac{1}{5}$ земельного ценза или прочего недвижимого имущества не ниже 1500 руб. Во втором съезде — владельцы менее $\frac{1}{5}$ земельного ценза и недвижимого имущества не менее $\frac{1}{10}$ его стоимости. Наконец, для борьбы с польским засильем избирательный съезд и собрание делились на 2 национальных отделения. Это национальное разделение применяется и при избрании губернских гласных земскими собраниями. В земских управах большинство должностных лиц должно было принадлежать представителям русской национальности и депутатам от сельского общества. Такого рода бюрократические учреждения весьма мало способствовали развитию земского хозяйства в Белоруссии.

XX. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Помещичье и крестьянское землевладения. Сельское хозяйство.
Фабрично-заводская промышленность.

В первой половине XIX века Белоруссия оставалась страной сельского хозяйства по преимуществу. Сельскохозяйственное население составляло преобладающую массу. Процент городского населения был небольшой, и фабрично-заводская промышленность в жизни края имела совершенно ничтожное влияние и значение. Таковой оставалась Белоруссия и в последующее время, несмотря на решительный прирост населения после ликвидации крепостного права. Преобладающий сельскохозяйственный характер белорусских губерний наглядно можно представить в следующих процентных отношениях:

Губернии	Сельское население, %	Городское население, %
Витебская	85,4	14,6
Минская	89,4	10,6
Могилевская	91,3	8,7
Смоленская	92,2	7,8

В сравнении с эпохой литовско-польской некоторые города потеряли свое значение. Полоцк лишился своего первенствующего значения, но зато укрепил свою позицию Минск, ставший самым многолюдным и важнейшим центром во всей Белоруссии; выросли Бобруйск, Двинск, Витебск.

До отмены крепостного права экономическая жизнь края определялась преобладающим влиянием крупного помещичьего хозяйства. Ликвидация крепостного права нанесла некоторый удар белорусскому крупному землевладению, сократила размеры, понизила сначала технику, но впоследствии помещичье хозяйство оправилось, приспособилось к новым условиям жизни и рынка и поставило крестьянскую малоземельную массу в крепкую от себя экономическую зависимость.

Отмена крепостного права создала новый вид землевладения — крестьянское надельное. Рядом с этим крестьяне могли также покупать земли на правах частной собственности, но последнее, конечно, не могло иметь большого развития. Точно так же землевладение других общественных групп не имело большого значения. Распределение поземельной собственности в Белоруссии в 1878 году можно представить в следующем виде:

Губернии	Частное земле- владение	Крестьянские наделы (тыс.)	Казенные десятины	Остальные земли	Итого
Витебская	1925,8	1492,9	229,1	47,6	3695,4
Минская	4231,3	2084,2	868,2	80,1	7313,8
Могилевская	2207,8	1732,7	105,4	49,6	4095,5
Смоленская	2401,7	2038,8	70,7	57,1	4568,3

Соотношение между видами землевладения в % можно представить в следующем виде:

Губернии	Частное земле- владение	Крестьянские наделы (тыс.)	Казенные десятины	Остальные земли	Итого
Витебская	52,1	40,4	6,2	1,3	100
Минская	58,5	28,5	11,9	1,1	100
Могилевская	53,9	42,4	2,6	1,2	100
Смоленская	52,6	44,6	1,6	1,2	100

И по обследованию 1887 года соотношение между видами землевладения представлялось в таком же виде. Если взять распределение частной земельной собственности по сословиям, то первое место, конечно, занимают дворяне. Землевладение других общественных групп большого значения не имеет. В процентном отношении распределение частной земельной собственности по сословиям представляется по данным 1887 года в следующем виде:

Губернии	Дворяне	Купцы	Крестьяне	Мещане	Прочие
Витебская	82,4	6,6	4,4	5,0	1,6
Минская	93,4	2,7	1,4	2,1	0,4
Могилевская	82,3	3,6	8,1	4,8	1,2
Смоленская	61,3	17,8	15,7	4,5	0,7

По данным 1887 года Белоруссия — территория дворянского землевладения по преимуществу.

Вследствие общих условий дворянское землевладение после 1886 года в значительной степени сократилось. Так, по данным 1897 года для Витебской губернии оно составляло 64,2 %, Минской — 79,4 %, Могилевской — 70,0 %, Смоленской — 49,4 %. Сокращение дворянского землевладения неуклонно продолжалось и в последующее время, хотя этот процесс развивался довольно медленно, и дворянское землевладение в белорусских губерниях оказывалось довольно устойчивым. Так, в литовско-белорусских губерниях в руках дворянства, офицерства, чиновничества сосредоточилось 10 224,6 тыс. десятин, из числа которых было потеряно в течение 1905—1911 годов только 733,4 тыс. десятин. Параллельно этому решительно увеличилось землевладение купцов, по-

четных граждан и крестьян, покупавших землю и в личную собственность, и в собственность обществ и товариществ.

Частная личная земельная собственность по размерам владений распределилась следующим образом по данным 1887 года.

Губернии	До 50 десятин	От 50—100 десятин	Свыше 1000 десятин	Общее количество владений
Витебская	60,1	33,1	6,8	5723
Пинская	70,0	22,8	6,4	9114
Могилевская	79,0	16,7	4,3	10 793
Смоленская	70,0	26,6	3,4	14 040

Таким образом, белорусские губернии — территория с преобладающим мелким землевладением, составляющим 71,2 % общего количества владельцев, тогда как крупное землевладение составляло только 4,8 %. Несмотря на преобладание, и притом резко выраженное, мелкого землевладения, крупное землевладение поглощало мелкое. Во всей области владения свыше 1000 десятин составляли 74,4 % всей земельной площади, тогда как мелкое землевладение равнялось совершенно ничтожному % — 3,6. Итак, Белоруссия — область с преобладанием крупнопоместного владения. После 1887 г., несмотря на мобилизацию земельных владений, общая картина частного землевладения остается прежнею. Большая часть земельной площади сосредоточивается во владении сравнительно небольшого количества владельцев.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 года — отправной пункт для исторических судеб крестьянского землевладения. Благодаря увеличению населения в белорусских губерниях, как и в других районах, происходило дробление наделов, создавшее малоблагоприятные условия для крестьянского хозяйства. Главное ядро крестьянства составляли владения от 3—5 десятин, второе место занимали владения от 5 до 8 десятин, третье место — свыше 8, и последнее — меньше трех десятин, как это можно видеть из прилагаемой таблицы.

Губернии	От 0—3 десятин	От 3—5 десятин	От 5—8 десятин	Свыше 8 десятин
Витебская	4,6	55,4	35,2	4,7
Минская	6,8	31,4	32,9	28,9
Могилевская	2,0	50,4	44,3	3,0
Смоленская	3,0	71,0	17,0	8,4
Вся территория	4,3	52,1	31,4	12,2

На развитие народного хозяйства на территории Белоруссии оказывало огромное влияние распределение всего земельного пространства по угодьям. По данным 1887 года последнее представлялось в следующем виде:

Губернии	Пахоты	Сенок. и пастб.	Лесного	Неудоб.
Витебская	29,3	13,9	32,8	17,8
Минская	23,6	12,4	40,2	21,9
Могилевская	30,3	13,6	37,1	15,6
Смоленская	31,2	18,5	38,6	9,2
По району	27,8	14,4	37,6	16,9

Таким образом, на территории Белоруссии большая часть пространства занята лесом, сенокосом и пастбищами. Значительный % составляет неудобная земля. Благодаря этому в районе Белоруссии сельское хозяйство и скотоводство и лесное хозяйство имеют большое значение в общем обороте белорусского народного хозяйства; причем в помещичьем хозяйстве лесное хозяйство и скотоводство имеют большее значение в сравнении с крестьянским. Развитие скотоводства необходимо для интенсивного удобрения пахотной земли, в общем мало удобной для земледелия.

Исследователи помещичьего и крестьянского хозяйств уже отметили лучшее состояние первого и большую его производительность. Техника сельского хозяйства в помещичьих имениях выше; подесятинная доходность помещичьей земли выше подесятинной доходности крестьянской. Поднятие первой только было возможно благодаря применению более высокой сельскохозяйственной техники: лучшему удобрению, лучшей обработке, более рациональному севообороту. На землях крестьян, индивидуальных собственников и сельских обществ преобладает трехполье; и только кое-где начинает применяться севооборот с искусственным травосеянием. Большое пространство, занятое лесами, развивает хищническую систему земледелия — «лядное хозяйство». Система выжигания леса очищает большие пространства леса с помощью крестьянских рук, обыкновенно берущих такие ляды в аренду на несколько лет. Такие краткосрочные арендаторы не склонны особенно заботиться об арендуемых участках. В результате хищнической эксплуатации последних требуется большая затрата труда и капитала, дабы арендуемый участок земли привести в состояние сельскохозяйственной годности. После отмены крепостного права сельское хозяйство значительно стало интенсивнее. Лучшим показателем последнего является развитие полевого травосеяния. Так, в Витебской губернии в 1881 году под кормовыми травами было 4,5 тыс. десятин, а в 1901 году площадь, занятая полевым травосеянием, составляла 22,1 тыс. десятин, в том числе 4 тыс. десятин на наделных землях. Слабое развитие травосеяния — лучший показатель отсталости крестьянского хозяйства. Аналогичные явления можно отметить и в других белорусских губерниях. Полевое травосеяние пустило глубокие корни преимущественно в Могилевской и Минской губерниях. До конца XIX века в белорусских губерниях преимущественно велось зерновое хозяйство. С начала XX века последнее хозяйство падает. Урожайность хлебов стоит на одном месте, зато увеличивается площадь картофеля и

льна, благодаря спросу на последний в фабрично-заводских районах. Среди зерновых хлебов преобладающее значение имеют рожь, ячмень, овес. Производство пшеницы имеет второстепенное значение. Если взять среднюю урожайность главнейших хлебов с одной десятины крестьянской надельной и частновладельческой, то соотношение между ними представится в следующем виде:

Губернии	Рожь озим.		Пшен.		Овес		Ячмень		Горох		Картофель	
	вл.	кр.	вл.	кр.	вл.	кр.	вл.	кр.	вл.	кр.	вл.	кр.
Витебская	5,5	4,4	5,1	4,4	7,7	7,1	6,2	5,1	5,0	4,6	43,4	38,2
Минская	4,4	3,8	5,0	4,5	6,0	5,5	5,6	4,5	4,0	3,5	44,7	37,2
Могилевская	4,8	4,2	5,5	5,6	8,2	7,7	5,5	5,0	5,0	4,0	55,5	46,7
Смоленская	6,6	5,1	6,3	5,0	9,3	7,9	6,5	5,4	5,0	4,0	51,0	40,6

Кроме земледелия, население Белоруссии занимается садоводством и огородничеством. И то и другое ведется и для собственных нужд, и для продажи. Огородничество, рассчитанное на сбыт, распространено в районе городов, но в общем в обороте народного хозяйства предпринимательское огородничество не имеет большого значения.

То же следует сказать и относительно садоводства. После отмены крепостного права помещичье садоводство пало, и только с развитием сети железных дорог оно стало развиваться с предпринимательской целью. Благодаря сравнительно мягкому климату предпринимательское садоводство особенно глубокие корни пустило в Минской губернии, но и в других губерниях увеличивается тенденция по производству фруктов, рассчитанному на сбыт на рынке. Впрочем, эта тенденция проникла пока только в частновладельческое садоводство. Отсутствие капиталов не позволяет крестьянскому хозяйству приспособить свое садоводство к потребностям рынка.

Сельское хозяйство в Белоруссии, как и в других частях России, в первой четверти XX столетия обнаруживает в техническом отношении переход к более интенсивным формам ведения хозяйства. Этот процесс захватывал и крестьянское хозяйство и являлся отражением того сельскохозяйственного подъема, который совершался на протяжении большей части территории России. Но рядом с этим внутри народного хозяйства шли и регрессивные процессы. Это особенно заметно в движении численности рогатого скота. Абсолютно она значительно увеличилась, как это видно из следующих данных, относящихся ко всей европейской России:

Годы	1881	1892	1907	1910
	Миллион голов			
Лошадей	15,5	16,6	20,5	21,0
Крупн. рогат. скота	22,1	24,0	29,7	31,0
Овец грубошерстн.	32,2	40,0	37,9	37,0
Овец тонкорун.	12,3		2,9	
Свиней	9,3	8,8	11,6	10,3

Таким образом, свиноводство и овцеводство сокращается. Общее падение скотоводства особенно отчетливо выступает при определении количества голов рогатого скота, приходящегося на 100 жителей европейской России.

Годы	Лошадей	Крупн. рогат. скота	Овец	Свиней
1905	24	36	47	11
1908	18	26	34	10
1910	18	26	32	9

Таково состояние скотоводства на протяжении всей европейской России. Аналогичные процессы можно отметить и специально для Белоруссии. Так, в Витебской губернии абсолютная численность скота значительно сокращается. В течение 1900—1908 годов количество лошадей сократилось на 8,1 %; крупного рогатого скота — на 16,5 %; овец — на 40,9 % и свиней — на 10,2 %. Несмотря на общее сокращение численности рогатого скота, в Белоруссии начинает развиваться молочное хозяйство, предназначенное для сбыта по преимуществу на местном рынке. И только в некоторых помещичьих имениях Могилевской и Минской губерний ведется хозяйство, предназначенное для сбыта на более отдаленных рынках. В помещичьих имениях скот значительно лучше. Винокуренные заводы, довольно распространенные на территории Белоруссии, дают частным землевладельцам возможность кормить рогатый скот бардой и, улучшая его породу, увеличивать количество молока и его продуктов, рассчитанных на сбыт на рынке. Обилие лугов, возможность осушения болот являются весьма благоприятными данными для развития молочного хозяйства на территории Белоруссии. Рядом с молочным хозяйством развивается птицеводство, главным образом в Минской и Могилевской губерниях. Крестьянское хозяйство обыкновенно продукты птицеводства сбывает на местном рынке. Капиталистическое помещичье хозяйство, ведя птицеводство в более широком масштабе, предназначает продукты его для более отдаленного рынка, на котором существует особенный спрос на продукты птицеводства.

Эксплуатация лесных богатств — экономическое явление весьма давнишнего происхождения. Еще при Сигизмунде Августе была предпринята попытка поставить лесное хозяйство в определенные условия, предназначив все производство лесных продуктов для сбыта на внешнем рынке. Эксплуатация лесных была предметом внимания и правительства Речи Посполитой, издавшего в 1631 году особую уставу для ведения лесного хозяйства. И эта устава имела в виду предпринимательское лесное хозяйство, рассчитанное для сбыта по преимуществу на внешнем рынке. Литовско-польское правительство совершенно правильно определило значение лесного хозяйства для народного хозяйства Белоруссии. Эксплуатация лесных промыслов не потеряла преоб-

ладающего значения и в течение всего последующего времени. Белорусская территория в значительной степени покрыта лесами, а система рек давала возможность сплавливать лесные продукты вниз по рекам, направляя их на запад по Западной Двине и Вилии, на восток по Припяти к Киеву и на юг по Днепру, что позволило на юге открыть в бассейне Нижнего Днепра несколько лесопильных заводов.

Лесная площадь на территории Белоруссии составляет от 30 %—40 % всей белорусской территории. Главными собственниками лесной площади являются частные землевладельцы и казенное ведомство, но при этом размеры земельных владений казенного ведомства уступают частновладельческим лесным площадям. Так, в Витебской губернии частным владельцам принадлежит 806,8 тыс. десятин; казенные леса составляют только 167,2 тыс. десятин, крестьянские наделные — 8,1 тыс. десятин; удельное ведомство владеет 8,2 тыс. десятин. Частное помещичье лесовладение преобладает и в остальных губерниях: в конце XIX века в Минской губернии на долю помещичьего землевладения приходилось более 2 млн десятин, тогда как казенных лесов числилось около 800 тыс. десятин; в Могилевской губернии частному землевладению принадлежала площадь в размере 1,271 тыс. десятин; казне — 120,810 десятин и крестьянам — 96,480 десятин.

Система лесного хозяйства была все время крайне экстенсивной. Леса вырубались для приготовления дров и разного рода строительных материалов. Приготовленные запасы сплавлялись вниз по рекам. Только с конца XIX и начала XX века заметна тенденция перехода к обработке лесных материалов на местах, чему в значительной степени содействовало падение цен на лесные материалы на юге благодаря тому, что белорусский лес нашел весьма существенного конкурента в великорусском лесе, отправляемом на юг по железным дорогам, что было возможно благодаря значительному понижению железнодорожного тарифа. С другой стороны, общее вздорожание жизни и рабочих рук делало невыгодным сплав леса. Начинает развиваться лесопильное дело, но пока для лесного хозяйства оно большого значения не имеет.

Белорусские губернии сплавляли строевой лес и дрова. По лесному экспорту первое место принадлежит губернии Минской, потом Могилевской и Витебской. В Смоленской губ. лесное хозяйство мало развито.

Экстенсивное лесное хозяйство ведет за собой быстрое обезлесение территории, грозящее серьезными последствиями для народнохозяйственной жизни края.

Отмена крепостного права имела огромное значение для народного хозяйства всей России, в частности для развития фабрично-заводской промышленности. Несмотря на медленность в развитии русского народного хозяйства, последнее незаметно втягивалось в сферу влияния капитала. Рост крупной промышленности — основной факт в народнохозяйственной жизни последних двух десятилетий XIX века. Общий промышленный подъем особенно был заметен в течение 1893—

1899 годов. Показателем последнего служит общий рост капиталов акционерных банков. В 1887 году они равнялись 119,4 млн руб., а в 1900 году — 280 млн руб. Параллельно росту акционерных банков увеличивается количество и акционерных компаний, как русских, так и иностранных. В 1894 году количество вновь учреждаемых акционерных обществ равнялось 63 с основным капиталом в 54,6 млн руб., а в 1900 году их было учреждено 202 с основным капиталом 250,8 млн руб.

Промышленный подъем выразился в быстром росте железнодорожного строительства. Так, эксплуатационная длина составляла в 1892 году 29,1 тыс. верст, в 1899 году — 40,3 тыс. верст и в 1902 году — 44,8 тыс. верст в пределах европейской России. В зависимости от быстрого развития железнодорожного строительства растет железнодорожный подвижной состав и отчасти речной транспорт. Все эти явления в связи с постройкой новых военных судов увеличили спрос на продукты железодельной промышленности, что оказало влияние на горные и каменноугольные предприятия, лесную промышленность, кирпичное, цементное, стекольное производства, а также и на развитие нефтяной промышленности. Прогрессивные явления фабрично-заводской промышленности особенно резко отразились в росте основного капитала акционерных промышленных, торговых и транспортных предприятий. В сравнении с 1893 годом общее увеличение основного капитала составит 134 %, причем наибольшее повышение приходится на производство: металлическое (665 %), керамическое (433 %), горнопромышленное (302 %), химическое (242 %), животное (170 %), бумажное (141 %), волокнистое (54 %), лесное (79 %); сельскохозяйственное (79 %). Участие Белоруссии в этом торгово-промышленном подъеме второстепенное. Общее количество фабрик на 1 января 1900 года равнялось 6047 с 36 235 рабочими, причем наибольшее количество фабрично-заводских производств приходилось на Минскую губ. (20 390), Смоленскую (8780), Могилевскую (7498) и Витебскую (4099 рабочих).

Среди фабрично-заводских производств первое место занимают производства по обработке питательных продуктов (53,1 %), потом идут производства волокнистых веществ (11,2 %), производства дерева (9,1 %), керамические производства (5,4 %), бумагоделательное и полиграфское (5 %), химическое, (4,9 %), производство металлов (2,6 %).

Таким образом, в фабрично-заводской промышленности Белоруссии производство химическое и металлов занимают последние места, тогда как в подъеме всероссийской промышленности указанные два вида производства занимают доминирующее место. Среди производства питательных продуктов первое место занимает Смоленская губ., далее идут Минская, Могилевская и Витебская. Производство Минской губернии по своим размерам является наиболее крупным. При сравнительно небольшом количестве заводов — 233 — сумма их производительности составляет 15 226 тыс. руб., т. е. на 1 завод или

фабрику в среднем приходится около 65 тыс. руб., тогда в Могилевской губ. при 2203 фабриках и заводах и сумме производительности в 2958 тыс. руб. приходится на одно производство около 2 тыс. руб. В Смоленской губ. при общей сумме производительности в 2165 тыс. руб. и 1078 фабриках и заводах на одно производство в среднем приходится немного больше 2 тыс. руб. Несколько больше средняя производительность в Витебской губ. — 492 предприятия при общей сумме производительности в 3,295 тыс. руб. Среди производств по обработке питательных продуктов первое место занимает винокуренное производство. Число всех заводов в 1891—1892 годах доходило до 2017, а с 1900 года до 2213 при общей сумме выкуренного спирта 86,5 млн ведер вместо 68,4 млн ведер вышеуказанной даты. Рост винокуренного производства — отражение промышленного подъема 1893—1900 годов. Что же касается роста винокуренного производства в Белоруссии, то значительнее всего последнее сказалось в Минской губ. В 1893 г. наличные 138 заводов имели оборот несколько более 8 млн руб., тогда как в 1900 году производительность заводов поднялась до 15 629 тыс. руб. Производительность увеличилась более чем в 1 1/2 раза. В Могилевской губ. заводов было всего только 90 при общей производительности 975 649 руб. К 1900 году производство увеличилось на ничтожную сумму — 7 тыс. руб. Производство винокурения в Витебской и Смоленской губ. — совершенно незначительно. В первой производительность равна 286 тыс. руб., а во второй — 455 тыс. руб. Винокурение носит предпринимательский характер и сосредоточено исключительно в помещичьих имениях, в которых в связи с винокурением развивается племенное скотоводство. В связи с винокуренным производством стали развиваться производства: дрожжевое, ректификационное, водочное и винокуренно-дрожжевое. Все эти производства с оборотом в 763 тыс. руб. имеют второстепенное значение для промышленности края. Параллельно росту винокуренного производства увеличивалось и пивоваренное производство на протяжении всей России. В течение 1898—1908 годов бросаются в глаза два факта: сокращение количества заводов, увеличение численности рабочих и производства.

	1900 год	1901 год	1907 год	1911 год
Число заводов	1035	976	923	1000
Число рабочих	14 478	15 779	20 477	24 000
Вываренное пиво	43,7 млн ведер	46,7 млн ведер	75,6 млн ведер	89 млн ведер

В народном хозяйстве Белоруссии пивоваренное производство занимало незначительное место. Наиболее было распространено пивоварение в Витебской губ. с производством 294 тыс. руб. В Смоленской губ. оно равнялось 284 тыс. руб., Могилевской — 176 тыс. руб., Минской — 156 тыс. руб. Рост пивоварения мало отразился на Белоруссии в

1900 году в сравнении с 1893 годом, когда пивоваренное производство в Могилевской губ. достигло 146 020 руб.

Общий торгово-промышленный подъем за 1893—1900 годы отразился и на мукомольном деле. К 1903 году в России насчитывалось 1849 крупных товарных мельниц, из числа которых 1724 были в европейской России. К 1908 году общая численность поднялась до 2416, причем производство увеличилось с 435,4 млн пудов до 657,3 млн пудов. В народном хозяйстве Белоруссии мукомольное производство занимает весьма видное место, второе в производстве питательных продуктов. Так, по данным 1892 года в Минской губ. было мукомолен 36 с оборотом 732 тыс. руб., а с 1900 года оборот достиг 774 тыс. руб.

В Могилевской губ. в 1893 году мукомолен было 17, с оборотом 222 306 руб., а к 1900 году оборот увеличился до 706 000 руб. В Витебской губ. мукомолен к 1892 году было 285, с оборотом 417,5 тыс. руб.

К 1900 году производство пало до 333 тыс. руб. Мукомольное производство в Смоленской губ. имеет весьма малое распространение. К 1900 году ежегодный оборот достигает 192 тыс. руб. Таким образом, первое место в мукомольном производстве занимает Минская губ., и растет последнее сравнительно медленно, тогда как в Могилевской губ. обороты увеличились более чем в три раза. Параллельно мукомольному производству развивалось крупяное с оборотом 88 тыс. руб. к 1900 году. Доминирующее место занимает Могилевская губ. с оборотом 71 тыс. руб. Второстепенное занятие в народном хозяйстве Белоруссии имеет производство растительных масел, а также производства: сыроваренное, крахмальное, паточно-крахмальное, паточное, булочное и хлебное, кондитерское, конфетное, пряничное, колбасное и изюмного вина, фруктовых вод, уксусное. Производство имеет в виду удовлетворение местного рынка, является большей частью мелким и с весьма незначительным ежегодным торговым оборотом.

Производство волокнистых веществ, так называемая текстильная промышленность, составляет вторую группу по количеству производительности и числу рабочих на фабриках. С 1887 года текстильная промышленность в России быстро увеличивается. В 1886 году ее продуктивность составляла 463 млн руб., в 1896 году — 946 млн руб., а в 1912 году — 3100 млн руб. На долю Белоруссии приходится сравнительно мало.

Белоруссия не принадлежит к числу районов с развитой фабрично-заводской промышленностью. Текстильная промышленность имеет наибольшее значение для Смоленской губ. Второе место занимает Минская губ. Совершенно не развита текстильная промышленность в Витебской губ. В 1903 году в текстильной промышленности было занято, по данным фабричной инспекции, 773,1 тыс. рабочих. На долю Белоруссии приходится весьма незначительный процент, так как в 1900 году число рабочих на фабриках и заводах равнялось 5574, а общая производительность — 4557 тыс. руб. Среди текстильной промыш-

ленности первое место занимают бумаготкацкое и бумагопрядильное производства с производительностью в 3975 тыс. руб., что составляет 87 % всего производства. Среди остальных производств по обработке волокнистых веществ второстепенное место занимают производства: шерсто-крутильное, шерстяное, суконное, канатное и веревочное. Ничтожное значение имеют для народного хозяйства льно- и пенькотрепальные фабрики, войлочные, ваточные и чулочные. С 1893 по 1900 год производство увеличилось на 2,7 %. В процессе развития народного хозяйства промышленность по обработке дерева дала весьма существенные результаты. Ее продуктивность в 1886 году составляла 25 млн руб., в 1897 году — 106 млн руб., в 1912 году — около 125 млн руб. На долю Белоруссии в 1900 году приходилось только 3710 тыс. руб., причем к 1912 году общая сумма производств поднялась до 4,5 млн руб. Первое место в производстве по обработке дерева занимает Минская губ., потом идут Могилевская, Смоленская и Витебская губ. Среди деревообрабаточных производств наибольшее распространение имеет лесопильное, составляющее 90% всего деревообрабаточного производства. Особенно быстро развивается лесопильное производство в Минской губернии. Почти не развитое в 1893 г., оно увеличило свою производительность к 1900 г. до 1,912 тыс. руб. Потом идет Смоленская губ. — 760 тыс. руб., Могилевская — 327 тыс. руб. и Витебская — 192 тыс. руб. Остальные производства, как то: производство деревянных сапожных гвоздей, сухой перегонки дерева, древесной массы, спичечной соломки, коробок, рогожи, составляют только 9 % всего деревоиздельного производства. Наибольшей концентрации вышеуказанные производства достигли в Минской губ., где на 57 фабриках и заводах работало 1799 рабочих. Самое лесопильное производство сделало необычайно большие успехи. В 1893 году производительность лесопильного производства оценивалась только в 452 тыс. руб., а в 1899 г. она поднялась до 3191 тыс. руб. И в области керамической промышленности Белоруссия занимает второстепенное место. Продуктивность последней в общерусском масштабе в течение 25 лет с 1887—1912 годов увеличилась с 28,9 млн руб. до 100 млн руб. в год, тогда как общая сумма производств в Белоруссии в 1900 году составляла только 2219 тыс. руб. Увеличение производительности керамических производств в общерусском масштабе сопровождается таким же параллельным процессом и в Белоруссии, где с 1893 года по 1900 год эта производительность увеличилась на 10,7 %. Среди керамических производств важное место занимает производство кирпича. Оно сосредоточено в Смоленской и Минской губ., где и заводы являются более крупными. В губерниях Могилевской и Витебской кирпичное производство не пустило корней, да и само производство является мелким. Второе место занимает стекольное производство. Оно имеет слабое распространение во всех губерниях. Первое место занимает Смоленская губ. Из годовой производительности 1900 года — 676 тыс. руб. — на его долю приходится более 1/3 — 239 тыс. руб., а остальная ежегод-

ная производительность почти поровну делится между двумя остальными губерниями. Еще меньшее развитие имеет кафельное производство с преобладанием последнего в Могилевской губ., на долю его приходится 320 тыс. руб. из общей суммы производительности 590 тыс. руб. Еще меньшее развитие в народнохозяйственной деятельности имеют производства: хрустальное, известковое, гончарное, мозаичное и костопальное.

В народном хозяйстве Белоруссии сравнительно большое развитие имеет бумагоделательная и полиграфическая промышленность. С 1893 по 1900 год производство увеличилось на 91,1 %. Наиболее развитой является писчебумажная промышленность. В общерусском масштабе писчебумажное производство с 1887 года по 1912 год увеличилось с 21 млн до 100 млн руб. В Белоруссии имеется только одна фабрика с писчебумажным производством в с. Добруше Гомельского уезда со средней производительностью в 1460 тыс. руб., что составляет 71 % всего производства указанной выше промышленности. С 1893 года по 1900 год ее производительность значительно увеличилась. В 1896 году эта средняя производительность достигала 900 тыс. руб., а в 1900 году она поднялась до 1600 тыс. руб. Самое производство является крупным. На фабрике в 1900 году работало до 900 рабочих. Остальные виды производства, как то: картонное, типолитографское, обойное, папиросных гильз, бумажной массы, фотографическое, переплетное, оберточно-бумажное, пока большого развития не получили и не вышли за пределы относительно мелкого производства.

Обработка животных продуктов — самый отсталый вид русской промышленности. Она составляет только 3,8 % общей производительности. Производство животных продуктов занимает только пятое место среди белорусской промышленности.

С 1893 по 1900 год общая производительность увеличилась на 62,8 % при ежегодном обороте в 2005 тыс. руб. Первое место надо отнести кожевенной промышленности. Ее производительность составляет 62 % общей производительности. Центром кожевенной промышленности являются Могилевская и Витебская губ. Второе место занимает производство стеариновых свечей с центром в Минской губ. Самое производство является крупным. Далее идут заводы: маслобойные, восковых свечей, производство салотопное, щетинное, шорное, седельное, кишечночистительное и клееваренное. Все эти производства имеют весьма небольшую производительность.

Химическая промышленность в течение 1887—1912 годов значительно увеличила свою производительность: она поднялась с 21,5 млн руб. до 125 млн руб. В Белоруссии производительность химической промышленности в 1900 году едва достигла 2 млн в год, но зато она с 1893 по 1900 год быстро развивалась. Ее производительность увеличилась до 243,8 %. Первое место среди химических производств занимает спичечная промышленность. Ее производительность в 1900 году равнялась 1729 тыс.

руб., что составляет 86,6 % всего производства. В общерусской спичечной промышленности белорусское производство составляет около 50 % всей спичечной промышленности. Центром ее являются Минская и Витебская губ. Сильно развивалось производство фосфорных спичек, но последнее почти вытеснено бесфосфорными спичками. Производство спичек надо считать крупным. Мелкие заводы теряют свое значение. Увеличение акциза в 1905 году особенно отразилось на мелких фабриках и заводах, в особенности производивших фосфорные спички. Производства сургучное, синельное, лаковое, олифное, политурное, красильное, эфирного масла, поташное имеют второстепенное значение.

Совсем малое влияние в народнохозяйственной жизни имеет металлическое производство. Его производительность в общерусском масштабе поднялась с 112,6 до 460 млн руб. в год на протяжении 1887—1912 годов. И белорусское производство увеличилось с 1893—1900 годов на 166,1 %. В 1900 году ежегодная производительность составляла 1,043 тыс. руб., причем первое место занимает производство гвоздей на единственном заводе в Оршанском уезде. Затем идет машиностроительное производство, игольное, пуговичное. Наконец, на долю табачного производства приходится 1 млн руб. в год. Фабрики работают большей частью с помощью женского и детского труда, и в общерусской табачной промышленности она занимает одно из последних мест.

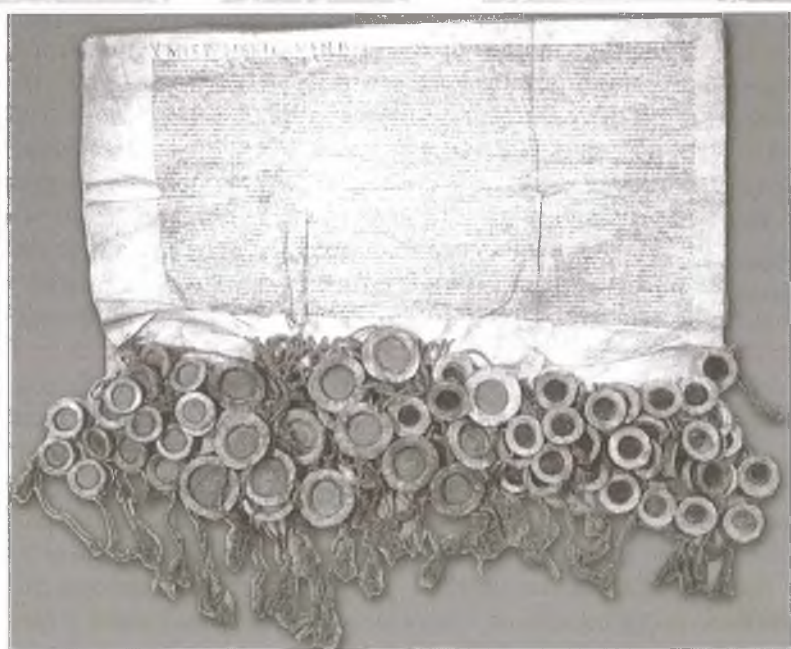
Подводя итоги всему сказанному, следует признать слабую индустриализацию края, но последняя все-таки совершается параллельно индустриализации России. С 1893—1900 годов увеличение производительности по всем отраслям промышленности составляло 61,7 %. Рядом с крупной промышленностью существовали кустарные промыслы. Медленная индустриализация страны поддерживала кустарей. Тяжелые экономические условия жизни крестьянства заставляли его поддерживать свое существование кустарными промыслами. К тому же земледелие к 90-м годам XIX века перестало служить источником дохода для значительной части населения. Бедность в деревне была импульсом, поддерживавшим кустарные промыслы, несмотря на все тяжелые условия существования и развития кустарного производства. Кустарное производство в большинстве случаев имеет только местное значение. Кустарное производство выразилось в промыслах по отделке дерева, обработке металлов, животных продуктов, минеральных и волокнистых веществ и разного рода других видов. Кустарное производство в том или другом виде распространено среди населения по всей территории Белоруссии и имеет большое значение в народнохозяйственной жизни края как источник поддержания огромной части населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1) Начальная Летопись по Ипатьевскому списку.
- 2) Русская Правда — изд. Ключкова, под ред. А. И. Яковлева.
- 3) Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, I т., посл. издание.
- 4) Русско-Ливонские акты — 4 т.
- 5) Акты Западной России, т. I—V.
- 6) Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов, т. I—XXXVIII.
- 7) Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России, т. I—XI.
- 8) Сапунов. Витебская Старина, т. I—V.
- 9) Шляхетские и областные привилеи. (Любавский. Очерки истории литовско-русского государства).
- 10) Литовский Статут 1529, 1566 и 1588 гг.
- 11) Положение 19 февраля 1861 г.
- 12) Середонин. Историческая география.
- 13) Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV в.
- 14) Голубовский. Очерк истории Смоленской земли до начала XV ст.
- 15) Довнар-Запольский. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст.
- 16) Niederle Slované starozitnosti.
- 17) Пресняков. Княжое право в древней Руси.
- 18) Грушевский. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до начала XV столетия.
- 19) Аристов. Промышленность древней Руси.
- 20) Довнар-Запольский. История народного хозяйства, т. I.
- 21) Святловский В. Примитивно-торговое государство.
- 22) Рожков. Русская история с социологической точки зрения.
- 23) Покровский. Русская история, т. I.
- 24) Бережков. Торговля русских с Ганзой в XIII—XIV вв.
- 25) Мельгунов. Очерки русской торговли.
- 26) Грушевский. Киевская Русь, т. I.
- 27) Готье. Очерк истории землевладения в России.
- 28) Любавский. Лекции по древней русской истории.
- 29) Русская история в очерках и статьях под ред. Довнар-Запольского, т. I.
- 30) Любавский. Очерк истории литовско-русского государства, изд. 2.
- 31) Он же. Областное деление и местное управление ко времени издания первого Литовского Статута.

- 32) Он же. Литовско-русский сейм.
- 33) Максимейко. Сеймы литовско-русского государства.
- 34) Довнар-Запольский. Государственное хозяйство в. к. Литовского при Ягеллонах, т. I.
- 35) Он же. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в.
- 36) Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в литовско-русском государстве.
- 37) Ясинский. Уставные земские грамоты литовско-русского государства.
- 38) Якубовский. Земские привилегии великого княжества Литовского.
- 39) Грушевский. История Украины Руси, т. IV—V.
- 40) Малиновский. Рада великого княжества Литовского в связи с Боярской Думой древней России, т. I и II.
- 41) Карпов. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским.
- 42) Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория.
- 43) Лаппо. Литовско-русский совет и его сеймик.
- 44) Kutzzeba. Unia Litwy z Polska.
- 45) Бершадский. Литовские евреи.
- 46) Коялович. Люблинская уния.
- 47) Чисгович. Очерк истории западно-русской церкви.
- 48) Жукович. Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией до 1609 г.
- 49) Он же. Сеймовая борьба после 1609 г. (Христианское чтение с 1905—1912 гг.).
- 50) Харлампович. Западно-русские православные школы XVI и начала XVII вв.
- 51) Он же. Западно-русские церковные братства и их просветительная деятельность в конце XVI и в начале XVII века.
- 52) Владимиров. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык.
- 53) Довнар-Запольский. В. Н. Тяпинский, переводчик евангелия на белорусское наречие.
- 54) Сапунов. Река Западная Двина. Историко-географический очерк.
- 55) Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время.
- 56) Янсон. Очерк статистического исследования о крестьянских наделах и платежах.
- 57) Материалы Редакционных Комиссий.
- 58) Корнилов. Крестьянская реформа.
- 59) Кеппен. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России.
- 60) Тройницкий. Крепостное население России по 10-й народной переписи.
- 61) Россия. Полное географическое описание нашего отечества под редакцией В. П. Семенова, т. IX.
- 62) Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем.
- 63) Фин-Енотаевский. Современное хозяйство России.

История Литовского государства до Люблинской унии

I. ОБРАЗОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ

Литва и соседи

Литовские племена, поселившиеся среди непроходимых болот и лесов в бассейне Немана и Вислы, до XIII века не имели, видимо, какой бы то ни было политической организации, походившей на государственную. Благодаря господству в быту родовых отношений, литовцы делились на множество отдельных племен, мелких родовых отделений, во главе которых стояли князьки-старейшины. Только единство религиозных верований и представлений являлось отчасти некоторой объединяющей силой. Соседями литовцев были с одной стороны поляки, с другой — русские земли; несмотря на малодоступное положение Литвы, соседи постоянно воевали с ней, правда, без особенных результатов. Летописные известия X—XIII веков полны известий о походах русских на Литву, по преимуществу соседних галицко-волыньских князей на соседних ятвягов. Конечно, покорить последних фактически было невозможно, и дело ограничивалось собиранием дани, грабежом населения и уводом пленников. Походы русских не имели, однако, никакого влияния на политическую организацию литовцев, так как постоянных зависимых отношений между Литвой и русскими князьями не было. Лишь полоцким князьям удавалось не только пограбить и увести пленников домой, но и поставить литовских старейшин в некоторые зависимые отношения, что, впрочем, не нарушало существование тогда родовых делений.

Литва и немцы

И литовцы иногда собирались с силами и, в свою очередь, отвечали набегами, подчас очень смелыми, на Подвинье и Поднепровье. Отметим походы Литвы на Полоцкую землю, в 80—90-х годах XII века на Волынь и отчасти на Польшу. Но в начале XIII века внешнее положение литовцев стало более затруднительным. При устье Двины вырос Ливонский орден, а несколько позже, по приглашению Конрада Мазовецкого, в другом месте Балтийского моря возник Тевтонский орден, специально для борьбы с пруссами, с которыми сам Конрад не мог справиться. Первоначально два рыцарских братства были вполне независимыми друг от друга религиозно-политическими организациями, но в 1237 году братства соединились в одно. Рыцари обоих орденов стали сразу держаться совместной агрессивной политики по отношению к литовцам. Они постоянно делали набеги на Литву, а превосходство феодальной военной организации ордена и внутренняя слабость литовцев гарантировали им, конечно, полный успех.

Рыцари отнимали у литовцев земли, обращали жителей в своих рабов, облагая население податями и налогами, а самое главное, насильно обращали в христианство, и в результате, после долгой и упорной борьбы, прибалтийские и придвинские племена — пруссы, корсь, летьгола, зимигола — стали зависимыми от ордена. Только Жмудь и собственно Литва оставались пока независимыми, но дальнейшая борьба с немцами могла привести и их к поглощению орденом. Правда, и покоренные племена, не вынося феодального рабства, поднимались, но их восстания кончались новым, еще более тяжелым порабощением.

Разложение рода

Борьба с соседями, и в особенности с немцами, имела большое значение для политической организации литовцев. Она пробудила в них чувство национально-религиозного единства и стремление сплоченными усилиями победить наступавшего врага, отстояв национально-религиозную самобытность. Это внешнее давление к объединению совпало с подобным же процессом, совершавшимся внутри самого племени и выражавшимся в распадении старых родовых организаций. Из них сумели выделиться отдельные лица и подчинить себе более слабые родовые элементы. Воюя с немцами, эти лица всегда выступали окруженные людьми, находившимися в лично зависимых отношениях от них. Немецкие хроникеры, называя таких лиц «Kunige, reguli, nobiles, die Edelsten», подчеркивают, что в сражениях они участвуют, окруженные дружинниками (*cum codilibus*). Такие вожди были в то же время представителями крупного землевладения, уже прочно сложившегося к этому времени, чему, конечно, содействовало разложение родовых делений и подчинение более слабых экономически более сильным. Такие сильные землевладельцы стали вождями группы населения, живущей на определенной территории, и в сущности между этими князьями — Рушкевичами, Булевичами — было так же мало солидарности, как и между родовыми организациями. Но все-таки литовские князьки стали более щепетильными по отношению к тем убыткам, которые они терпели от соседских набегов. Стремление их отразить заставляло князей действовать солидарно, организуя нечто вроде союза. Но такие княжеские федерации так же быстро распадались, как и создавались, и, возникая всякий раз по тому или другому поводу, они, конечно, не могли привести к национальному объединению, не могли побудить и укрепить стремление к нему.

Старшие и младшие князья

Несомненно, что среди территориальных князьков скоро исчезло политическое равновесие. Одни стали богаче, сильнее, другие не удержались на занятой позиции и немного опустились. Очертить в деталях подобный процесс мы не в состоянии по недостатку данных, но упоминание Галицкой летописи о посольстве к Романовичам на Волынь литовских князей, среди которых были старшие князья и несколько младших, является некоторой иллюстрацией к вышесказанному. Немецкие хроники тоже говорят о каких-то старших и младших князьях. Так, в XIII веке наме-

чался процесс исчезновения мелких территориальных организаций и замена их более крупными, что являлось большим шагом вперед для политического объединения. Дальнейший процесс в этом направлении должен был заключаться в выделении из среды князей крупного и сильного князя и в подчинении ему остальных князьков. Конечно, это случилось бы само собой путем медленной эволюции жизни народа, но внешние столкновения, особенно с немцами, значительно ускорили объединительный процесс.

**Начало
объединения.
Миндовг**

Первоначальное образование Литовского княжества связано с именем Миндовга, которому удалось образовать военное государство, подчинив себе литовских князьков. Мы не можем, ввиду отсутствия данных, дать картину борьбы, после которой значительная часть Литвы очутилась в его руках, а прежние «старейшие» князья стали «младшими». Ведь первоначально Миндовг был только одним из старейших князей. По крайней мере Галицкая летопись отмечает его в числе старейших в посольстве литовских князей к волынским в 1219 году, которое положило конец враждебным галицко-литовским отношениям. Политика Миндовга была отмечена и современными хроникерами, и летописями. Немецкий хроникер прямо называет Миндовга «королем литовцев».

**Увеличение
территории**

Первоначальным ядром, из которого выросло и развилось Литовско-Русское государство, была собственно Литовская земля по правым притокам Немана, особенно по реке Вилии. Вокруг этой области и сгруппировались остальные части Литовского княжества. Но уже при Миндовге территория отчасти расширилась за счет части соседней Черной Руси по левым притокам Немана с городами Гродно, Волковыск, Слоним. Во второй половине XIII века он учредил свою столицу в Новгородке

Миндовг. С гравюры из «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини. 1581 год

Литовском, наиболее значительном городе земли. Местным князьям пришлось опуститься до положения подручных князей. На этом территориальные приобретения Миндовга не остановились. Миндовг начинает нападать и на другие русские области. Усиление княжества было необходимо для борьбы с Ливонским орденом, а внутреннее состояние русских областей вполне благоприятствовало тенденциям литовской политики: русские князья были ослаблены и разорены татарским нашествием; они сами, естественно, тянулись к такому центру, который мог стать на их защиту. Внутри них самих взяли верх центробежные силы, что зна-

чительно парализовало возможность активного сопротивления с их стороны. Старые враги, галицко-волынские князья, были заняты внутренними усобицами и не могли противодействовать активной политике Миндовга: столь опасный раньше Полоцк был занят домашними спорами, разрушившими старое единство земли и, естественно, ее ослабившими. Что касается немцев, то по отношению к ним у Миндовга, конечно, не могло быть никакой определенной политики. Большею частью он держался оборонительной тактики, изредка переходя в наступление, кончавшееся, в конце концов, печально для Миндовга. Его политика — политика ухищрений, мирных договоров, мелких войн, принятия христианства и отступления от него.

Итоги политики

Наступательная политика Миндовга скоро дала весьма существенные результаты. К 50-м годам XIII века была присоединена Полоцкая земля, куда Миндовг послал князем своего племянника Товтивилла; была попытка завоевать Смоленскую землю, но, внутренне единая, она была слишком сильна, чтобы молодое, еще неокрепшее военное государство могло ее покорить.

Протест князей

Объединительная политика Миндовга вызвала естественный протест со стороны группы литовских князей, очевидно, не желавших превращаться в подручников великого князя. Недовольные составили заговор и убили Миндовга (1263). Конечно, с его смертью объединительной политике был нанесен весьма существенный удар, и возникшие тогда усобицы на время, задержали политический рост Литвы и значительно расшатали только что народившееся государство. Однако внешнее положение Литвы оставалось старым: опасность порабощения не только не ослабела, а даже усилилась, благодаря победе в самой Литве центробежных сил. Все это и должно было, в конце концов, толкнуть литовских князей на путь объединительной политики, которая, собственно, отчасти соответствовала и материальным выгодам князьков, так как опасность разорения и нападения значительно уменьшилась.

Более активное и с этого момента непрерывное расширение территории начинается со времен Гедимина (1315—1341).

Гедимин

Уже его предшественники отчасти сломали сопротивление князьков, приводя их в подобающее положение и даже отчасти возобновив активную политику по отношению к соседям. Но разрешение задачи, поставленной Миндовгом, блестяще было начато только при Гедимине и его сыне Ольгерде. Расширение территории, в общем, шло довольно быстрым

Гедимин. С гравюры XVI века

темпом, и большая часть земель была присоединена не при посредстве внешней силы: соседние области, нуждаясь в более сильных защитниках, охотно подчинялись власти литовских князей, признавая над собою верховенство великого князя. Кроме того, и сами князья часто предпочитали добровольно стать «подручниками» литовского князя, но оставить за собою свои владения. Гедимину и Ольгерду удалось объединить под своей властью все литовские племена, сломив даже резко выраженный индивидуализм Жмуди, бывшей не в состоянии собственными средствами продолжать войну с немцами. В начале XIV века, при Гедимине, власть литовского князя распространяется на Минское княжество. Около того же времени потеряли самостоятельность и турово-пинские князья, владения которых так раздробились, что скорее напоминали собою вотчины и поместья, а не государства.

Присоединение Турово-Пинской земли

Турово-пинские князья, таким образом, не представляли из себя крупной политической единицы. Занятые междоусобицами, они не могли оказать соответствующего сопротивления агрессивной политике галицко-волынских князей и в половине XIII века стали зависимыми от них. Стремление освободиться от последних и заставило князей довольно рано вступить в сношения с Литвой, а территориальная близость располагала к этому. Это и привело, в конце концов, к установлению литовского владычества князей, совпавшего с моментом ослабления значения галицко-волынских князей. С присоединением турово-пинских князей в состав территории Литовского княжества вошла область древних дреговичей.

Присоединение Полоцкой земли

Благодаря прекращению княжеской линии в Полоцке, он окончательно утвердился за Литвой, а выделившаяся из Полоцкой земли Витебская, благодаря женитьбе Ольгерда на великой княжне Марии, отдана ему в виде приданого.

Дальнейшее расширение Литовско-Русского государства

Политические успехи Гедимина не ограничивались только пределами Минского княжества и литовского Полесья. Гедимину удалось подчинить себе и соседнее Подляшье — Берестейскую землю по среднему течению Западного Буга — политически единую и замкнутую в себе, с половины XIII века освободившуюся от влияния волынских князей. Помимо этого, литовское влияние отчасти распространилось на территории древлян — по Березине, Нижней Припяти и ее притокам Днепру и Сожу. Гнезда мелких князей киевских, черниговских, смоленских чувствовали на себе влияние Гедимина. Кажется, сам Киев находился в сфере политического влияния Литвы, так как некоторые из историков находят возможным признать киевского князя Федора подручником Гедимина. Впрочем, последнее можно считать научной гипотезой, имеющей за собой некоторое основание, но точно установить факт невозможно. Распространилось также

влияние Литвы на Волынь, где был князем Любарт Гедиминович, женатый на дочери владимирского князя, но в 1340-х годах, когда польский король Казимир вмешался в галицко-волынские отношения, влияние на Волынь Любарта уменьшилось: у него оставалась только одна Луцкая земля. Как бы то ни было, но многолетняя борьба за галицко-волынское наследство была моментом благоприятным для территориального расширения Литвы.

Ольгерд. С гравюры XVI века

**Ольгерд и его
присоединения.
Чернигово-
Северская земля**

Ольгерд (1341—1377) деятельно продолжал активную политику отца, распространяя литовское владычество вглубь русских земель, в бассейны Днепра, Днестра и отчасти южного Буга. Раньше других признали литовское верховенство чернигово-северские князья. Как раз к этому времени в семье наиболее значительных из князей Северщины — Брянских — начались усобицы: центробежные силы взяли верх. Ольгерду не стоило никаких усилий распространить литовское влияние на Северщину. Уже в 1360-х годах в городах западной части ее (Брянск, Новгород, Чернигов, Стародуб) сидели литовские князья, а в восточной — местные, не признавшие зависимости от Литвы. Расширение сферы политического влияния на Северщину толкало Ольгерда на поступки в том же направлении. Это и определило не совсем удачное столкновение со Смоленском, которому временно удалось сохранить свою самостоятельность.

**Киевская
и Переяславская
земли**

За Северщиной наступила очередь Киевской земли. Летописец сообщает, что Ольгерд совсем прогнал из Киева князя Федора, посадив на княжеский стол сына Владимира. Это случилось в 1362 году. За Киевской землей и Переяславская земля, тянувшая к Киевщине, подчинилась Литве.

**Волынская
земля**

Кроме Киевщины и Переяславщины, после упорной борьбы Ольгерда и Любарта с Казимиром Польским, часть Волынской земли, а именно земли Луцкая, Берестейская, Бельская, Холмская, были отданы литовским князьям. Но борьба этим не окончилась, и только по смерти Казимира Любарту удалось сосредоточить в своих руках всю Волынь, отказавшись от всяких притязаний на Галицию. Нельзя забывать о той поддержке, которую несение Волыни оказывало Любарту в его борьбе с Польшей за независимость Волыни.

**Подольская
земля**

Наконец, после сражения с татарами на Синей Воде (1363), восточное Подолье с Брацлавом и Винницей было занято литовскими князьями. Таков состав территории княжества к концу XIV века.

Смоленская земля

Наконец, Смоленская земля была присоединена после Ольгерда Витовтом, о чем нам придется сказать несколько ниже.

Характер государства

Образовавшееся государство в своем складе имело некоторые оригинальные черты. Князья довольствовались только внешним признанием литовского суверенитета, отнюдь не посягая на самостоятельность народной жизни. Каждая из составных частей продолжала жить своею жизнью, так что связь между отдельными землями и княжествами была чисто внешняя: в общем по своему устройству сформировавшийся политический организм напоминал собою федерацию областей, спаянных с центром очень некрепкими узами, могущими порваться при первой возможности. Кроме того, в молодом Литовском государстве литовцы составляли ничтожное меньшинство, расплывавшееся среди моря русского населения.

Двойственный национальный состав государства впоследствии имел огромное влияние на жизнь Литовского государства, которое справедливее называть Литовско-Русским.

Влияние Руси

Включение в состав молодого политического организма группы русских волостей имело огромные культурные следствия. Воинственная Литва была ниже русских в культурном отношении, и первый период в жизни Литовско-Русского государства можно отметить как момент наибольшего влияния русской культуры. Сами князья называют себя литовскими и русскими, тем самым признавая влияние и значение русской национальности. Среди литовцев начинает делать довольно быстрые успехи православная вера. В городах появляются православные церкви. Князья, получившие уделы в русских областях, обыкновенно принимали православие и женились на русских, и многие из литовских князей стали горячими поборниками православной веры. И великие князья, очень терпимые в своей религиозной политике, поддались влиянию православия. Правда, Гедимин оставался язычником, но зато Ольгерд, женатый на двух православных княжнах (Витебской Марии и Тверской Юлиании), перед смертью принял православие. И Витовт, до своего перехода по политическим соображениям в католичество, держался православия. Наглядным доказательством силы русского влияния служит употребление русского языка в государственных актах того времени, да и в домашнем обиходе князей и литовской знати русский язык заменял родной. Конечно, русское влияние сказалось и в области права: русские юридические нормы и обычаи впоследствии вошли в Статут, а до этого времени обычное литовское право изменилось под непосредственным влиянием русского права.

II. УДЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (КНЯЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ)

Уделы после Гедимины

Первые литовские князья не нарушали установившегося на Руси правопорядка. Представители литовской объединительной политики должны были приноровиться к существовавшим политическим отношениям и поэтому не разрушать удельного правопорядка, а, наоборот, поддерживать его и укреплять. Вот почему Гедимин разделил еще при жизни свое государство между братом и своими сыновьями. Полоцк получил брат его Воин, Монвид — часть Черной Руси с городом Слонимом и в собственно Литве город Кернов на реке Вилии. Вся остальная Черная Русь со старой столицей Новгородком досталась Кориату. Ольгерд владел Витебским княжеством, а в собственно Литве областью с городом Креве и землями до реки Березины. Кейстут получил Троки, Жмудь, Гродно и Берестье, а Любарт остался на Волыни. Самый младший из сыновей, Явнутий, не имевший при жизни отца удела, остался с матерью в стольном городе Вильне и владел Бреславлем, Билькомиром и Огименою. Однако такое распределение волостей недолго удержалось. Ольгерд как наиболее активный из сыновей Гедимины прогнал Явнута из Вильны, и Литовское государство фактически разделилось на две половины: западную и восточную. Во главе первой стал Кейстут, а во главе второй части — собственно Литвы, западной и юго-западной Руси, Ольгерд. Такое деление соответствовало стратегическому положению государства. В Жмуди Кейстут вел неустанную борьбу с немцами, а на востоке преследовалась объединительная политика. Кейстут в сфере своей политической деятельности был вполне самостоятелен: его удары немцам поднимали авторитет Литовского государства, но великокняжеский суверенитет оставался теоретически в руках Ольгерда как наиболее сильного из всех удельных князей.

Великий князь Ягайло

После смерти Ольгерда территория государства разделилась между его сыновьями, получившими свои уделы еще при жизни отца. Старшим в роде оставался Кейстут, а старшим сыном Ольгерда был Андрей, княживший в Полоцке. Однако ни тот, ни другой не получили великокняжеского престола. Великим князем, по желанию отца, стал Ягайло, сын от второй жены Юлиании Тверской. Кейстут признал верховенство своего племянника, но добрые отношения между дядей и

Кейстут. Гравюра начала XIX века

Ягайло. С гравюры XVI века

племянником продолжались недолго. Ягайло боялся Кейстута и, чтобы от него отделаться, вступил в сношения со старинным врагом Литвы — Ливонским орденом. Тогда Кейстут захватывает Вильну и прогоняет своего племянника. Между дядей и племянником возгорелась борьба. Удельные князья стали на сторону Кейстута, часть — на сторону Ягайлы. Поэтому, когда Кейстут был убит и Ягайло вокняжился в Вильне, произошло перераспределение княжеств между князьями. Ягайло соединил в своих руках Витебск, Минск, Мстислав и Новгород, не говоря о собственно Литовской земле и Жмуди. Многие из князей были изгнаны. Витовт лишился отцовского удела, часть ко-

торого, Городенскую и Берестейскую земли, получил только впоследствии. Трокское же княжество было отдано Скиргайле Ольгердовичу.

Междукняжеские отношения

Таким образом, в преемстве великокняжеского стола нельзя подметить никакого определенного порядка, никакой системы. Престол обыкновенно доставался в руки сильнейшего князя. Литовское государство представляло из себя ряд отдельных княжений, подчиненных великому князю: в руках последнего находилась довольно большая территория, составлявшая его удел, который он постоянно пытался увеличить. Размеры этого удела давали великому князю средства держать в подчинении себе удельных князей. Отношения последних к великому князю определялись в княжеских договорах и грамотах, и фактически все сводилось к обещаниям верной службы и военной помощи, когда последняя понадобится от них. Гедиминовичи не церемонились с удельными князьями, произвольно лишая то тех, то других их владений, присоединяя последние к своей вотчине и превращая князей в высший разряд землевладельческого класса в Литве. Окончательный удар удельному правопорядку был нанесен великим князем Витовтом.

Разрушение удельного строя. Витовт

В 1385 году совершилось для Литвы событие первостепенной важности. Великий князь Ягайло заключил унию с Польшей. Уния была встречена собственнно в Литве враждебно, в особенности в среде литовского боярства. Выразителем мнений и желаний последнего явился сын Кейстута, Витовт, которому удалось утвердиться на литовском великокняжеском столе и договорами определить свои отношения к Польше. Все государственование Витовта сводится к упорной и продолжительной борьбе с удельными князьями, а внешнее положение Литвы — борьба на три фронта с поляками, немцами и Москвой — требовало более сильной государственной власти, что и определило

разрушение удельного строя. К тому же Витовт, выступая как представитель национальной независимости Литвы, не встретил в этом отношении поддержки со стороны удельных князей, для которых отдаленность Ягайлы, жившего в Польше, более соответствовала их реальным интересам, чем близость Витовта. Уничтожая уделы и посылая туда своих наместников, Витовт в то же время старался подчеркнуть, что его стремление связать земли более крепко с центральным правительством отнюдь не касается их внутренней автономии, закрепленной при нем уставными грамотами.

Борьба Витовта с удельными князьями началась с Полоцка, откуда он прогнал Скиргайлу. Уже при Ягайле, до его примирения с Витовтом в 1392 году, Андрей Полоцкий был прогнан со своего стола и заменен братом Скиргайлой, а затем такая же участь постигла Федора Любартовича, у которого Ягайло отобрал Луцкую землю, передав ее Витовту. Другая же часть владений Любартовича, Бельско-Холмская земля, стала польской провинцией, так как была присоединена к Галиции. Пока за Федором оставалась только Владимирская земля. С 1392 года борьбу с князьями ведет уже Витовт. Скиргайле пришлось проститься с Полоцком, Трокским княжеством, куда был послан великокняжеский наместник. Сам же Скиргайло получил небольшие владения в Луцкой земле и Киевщине. И Витебская земля, сначала принявшая Свидригайлу своим князем, в конце концов должна была принять наместника из рук великого князя.

Затем наступила очередь князей южнорусских. Была отобрана Владимирская земля от Федора Любартовича, Новгород-Северский от Корибута — за непризнание Витовта великим князем, был прогнан из Киева Владимир Ольгердович, сыновья Кориата Гедиминовича за непослушание были лишены своих владений в Подольской земле. Правда, прогнанные князья получили владения в других волостях: так, Федор Любартович в Северщине, Скиргайло в Киевщине, Свидригайло, главный противник Витовта, получил княжество в Черниговской земле, но эти владения они получили во временное владение, до господарской воли. Из князей-отчичей, со всей полнотой княжеского суверенитета, они превращались в слуг великого князя с сохранением некоторых княжеских прав. Что касается части Подолья, именно Поднестровья, то Витовт отдал ее Ягайле. Эта временная отдача стала впоследствии яблоком раздора между поляками и литовцами. Для поляков это был исторический прецедент, доказывающий присоединение Подолья к Польше, хотя при отдаче Подолья Ягайле, видимо, не было и речи о государ-

Витовт. С гравюры XVI века

Ольгерд

отобрана Владимирская земля от Федора Любартовича, Новгород-Северский от Корибута — за непризнание Витовта великим князем, был прогнан из Киева Владимир Ольгердович, сыновья Кориата Гедиминовича за непослушание были лишены своих владений в Подольской земле. Правда, прогнанные князья получили владения в других волостях: так, Федор Любартович в Северщине, Скиргайло в Киевщине, Свидригайло, главный противник Витовта, получил княжество в Черниговской земле, но эти владения они получили во временное владение, до господарской воли. Из князей-отчичей, со всей полнотой княжеского суверенитета, они превращались в слуг великого князя с сохранением некоторых княжеских прав. Что касается части Подолья, именно Поднестровья, то Витовт отдал ее Ягайле. Эта временная отдача стала впоследствии яблоком раздора между поляками и литовцами. Для поляков это был исторический прецедент, доказывающий присоединение Подолья к Польше, хотя при отдаче Подолья Ягайле, видимо, не было и речи о государ-

ственно-правовом положении Подолья, и вся сделка носила временный и личный характер.

Земские уставные грамоты Так при Витовте исчезла самостоятельность удельных княжеств: Витовт мог быть доволен результатами своей политики. Дарование же областям уставных грамот являлось лучшим приемом удержания в верности населения областей. Несомненно, все области получили уставные грамоты, впоследствии подтвержденные при дальнейших литовских князьях: Казимире, Александре и Сигизмунде. Сами же оригиналы привилеев не сохранились: так, Витебская грамота сторела при пожаре, а другие иными путями.

Земские уставные грамоты, коими закрепляются существующие местные юридические обычаи и нормы, являются документом первостепенной важности, дающим возможность изучить не только законы, регулирующие местную жизнь, но и вообще понять социально-политическую эволюцию в строе русских и литовских земель.

Социальные группы Судя по грамотам, уже при Витовте не может быть и речи об однообразии структуры литовско-русского общества. В части земель уже бросается в глаза раннее развитие сословности, и тогда уставная грамота является скорее общеземским шляхетским привилеем. Это можно сказать относительно Киевской и Волынской уставных грамот, где сословность строя, в особенности в последней, является резко выраженной. Что касается остальных грамот, а именно Полоцкой, Витебской, Смоленской и Жмудской, они несомненно всесословного характера, и всесословность строя даже не была еще разрушена шляхетскими привилеями XV века. Конечно, в этих землях уже складывались те общественные элементы, которые явятся основой сословного строя. Несомненно, во всех этих землях видную роль играют бояре — это *reguli, nobiles, die Edelsten* немецких хроник, а с XIV века, под влиянием русской терминологии, *die Edelsten baioren, die Bestin, bajoren, baiori et meliores patriae*.

Бояре В большинстве случаев это только представители крупного землевладения. Бояре разделяются на бояр великих и младших. Положение всех этих элементов определялось не нормой закона, а сравнительной материальной обеспеченностью, определявшей и политическое положение боярина. Звание его не было наследственным, а в наследственности — главное отличие боярства от позднейшего шляхетства. Кроме того, боярство не было замкнутым классом: боярство наполнялось разными элементами, а замкнутость — тоже принадлежность шляхетства. Но боярство не было сословием, которое пользовалось правами, отличными от других общественных групп. К этим элементам надо прибавить мелкопоместных людей, бывших на службе у князей и частных землевладельцев, — это слуги — и, наконец, специалистов в военном деле — дружину, *milites*.

III. УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ И ОБЛАСТНЫЕ СОБРАНИЯ

Уставные грамоты XIV—XVI веков не отличаются единством плана и построения, но изучение текста грамот дает возможность установить, что имел в виду законодатель, выдавая грамоты. Если взять все грамоты в совокупности, то видно, что имелось в виду при их составлении: 1) подтверждение прав церкви и духовенства, 2) ограждение личных прав всего свободного населения земли, 3) обеспечение его имущественных прав, 4) привилегии шляхты, духовенства и отчасти мещан, 5) подтверждение основных прав земли и ее самоуправления, 6) финансовые платежи, 7) закрепление местных гражданских и уголовных норм. Конечно, в одних грамотах одни вопросы детализированы, о других законодатель счел возможным говорить кратко. Но в общем тенденция одна: «з ласки господарской» сохранить старину в неприкосновенности, закрепить социальный, политический и правовой порядок, выработанный веками в Жмуди и русских землях. Каждая грамота рассматривает область, землю как отдельное государство, связанное государственными узами с литовскими великими князьями. Отсюда обещание великого князя не жаловать никого волостями и городами и, в частности, воевод по частному праву (Полоцкая и Витебская грамоты).

Выбор должностных лиц

Литовские князья осуществляют свою власть при посредстве наместников. В Жмудской земле они назывались старостами, в других землях — воеводами. Население принимает участие в назначении наместников (Витебская, Полоцкая, Жмудская грамоты): неугодного населению наместника великий князь обещает отстранять от должности — «ино нам им воеводу иншого дати по их воле». И это не было только словами. Кроме того, в Жмуди и население принимало участие в назначении тивунов: великий князь обещает давать им только тех тивунов, «которых бы они себе обрали, альбо хотели обрать с своих поветов, або которых бы у нас просили». Собственно, то же было в землях Смоленской и Киевской, вероятно, и в Волынской. Все волостное управление находилось в руках местного боярства. В Смоленской и Киевской землях оно распределялось между боярами погодно: остается неясным только самый процесс замещения должностей. Можно сказать, что провинциальное управление было в руках туземцев под высшим контролем княжеского наместника. Впрочем, частью области управлял воевода при посредстве своих тивунов (Жмуды).

**Судебная власть
воеводы** В руках воевод и старост сосредоточивалась и судебная власть, но только ей ставились некоторые существенные ограничения. Суд производится на месте. Обращение к господарю в Литву недопустимо (Полоцкая, Витебская). Воеводские судебные решения считаются окончательными,

если приговор вступил в силу (Полоцкая, Витебская). Судит воевода не один, «а досмотревши права с князи и з бояры и з мещаны» (Полоцкая, Витебская), «с окольнічыми и иншими врьдниками» (Смоленская). По Волынской грамоте, воевода «мает при себе посадити князей и панов и землян — теж мает его судити». Это охранители местного обычного права. Воевода и старосты являются первой инстанцией в разборе уголовных дел: гвалт, шляхетская рана, поджог. По гражданским делам возможен разбор дела непосредственно перед государем, в качестве первой инстанции (Волынская).

Права населения

Населению областей гарантируется личная безопасность: наказывать можно только по суду (явному суду христианскому), никто не может быть лишен имени иначе, как только по суду. Население имеет право обращаться к верховной власти с челобитьями (Полоцкая, Витебская). Всякий имеет право выезда из своей земли «чолом ударивши и нашему воеводе объявився и своей братьи» — «ино ему путь чист, куды хто хочет, без каждое зачепки» (Полоцкая, Витебская). Грамоты обеспечивали старинное процессуальное право, торговый суд, личность и имущество от притеснений местной администрации и определяли обязательства населения по отбыванию государственных податей и повинностей (Полоцкая, Витебская, Смоленская), определяли права шляхетства (Волынская, Киевская). С ними нам придется еще встретиться.

Областное собрание

Уставные грамоты говорят об активной политической жизни областей. Факты последующего и более раннего периода являются прекрасной иллюстрацией к характеристике уставных грамот. Источники дают возможность установить функционирование областных собраний — вече в Полоцке, Витебске, Смоленске, Киеве, Волыни. В собственно Литве областные собрания практиковались до половины XV века: так, Судебник 1468 года был составлен на всесословном вече, «со всем посполством согадавши», а в Жмуди — до конца XV столетия. Состав таких собраний далеко не одинаков. На Волыни и в Киеве они уже имели печать резко выраженной сословности. Функционирующее вече всегда выступает как верховный распорядитель земли. На вечах заметна партийная борьба «лучших и меньших» людей. Эта борьба — специфическое достояние всех веч. Фактические отношения между двумя этими элементами были следующие: «меньшие меж себе раду чинят, а старшие науку дают».

Впрочем, такие отношения, по существу, были только в идеале. Временами партийная борьба требовала вмешательства власти, и ничем иным, как только партийной борьбой, можно объяснить посылку грамоты в Полоцк в 1456 году с тем, «чтобы местные бояре, мещане, дворяне, городовые и все посполство были между собою в згоде, а дела бы наши городские вершили все с общего согласия: по давнему сымались бы (собирали сейм) все вместе на том месте, где прежде издавна собирались, а без бояр мещанинам, дворянам и черным людям сеймов

не надобе чинити». И в Смоленской земле эта партийная борьба резко бросается в глаза, в особенности в половине XV века, в момент сепаратистского движения, охватившего русские волости. Сами просьбы о подтверждении грамот могли быть формулированы только на сословном или всесословном вече. Даже в XVI веке, когда сословность в общественных отношениях пустила уже глубокие корни, всесословность собраний еще не исчезла. Полоцк «по старому справовал, як Великий Новгород и Псков».

IV. ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКИЕ УНИИ И ЛИТОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

Внешнее положение Литвы и Польши

Первая уния Литвы с Польшей есть результат довольно своеобразной политической комбинации, задуманной поляками в виде выхода из создавшегося в XIV веке международного положения дел. Литва и Польша были соседями и одинаково чувствовали свое стесненное положение. На Литву напирала Германия: литовские князья, занятые внутренними делами, не проявляли особенной активности по отношению к немцам, делавшим систематические набеги на пограничные литовские земли. Разорение последних было полное, и Ягайло, чтобы развязать себе руки на западе, уступил даже ордену Жмудь. Но и ценою уступки части территории мир не был куплен: набеги по-прежнему продолжались. Положение поляков было несколько другое, но тоже не из блестящих. Те же немцы загородили выход на запад. Территория Польши значительно сократилась: она потеряла Силезию и Поморье, и Людовику Венгерскому (1370—1382) при избрании на польский престол было поставлено в виде условия возвращение Поморья. Впрочем, Людовик не думал об исполнении своего обязательства, приковав свое внимание к южным границам государства: Галицко-Волынская земля и Подолье были очень богатыми землями, лежащими на большом торговом пути. Раздобыть их для Людовика было важнее: это расширяло территорию его государства и упрочивало положение его династии в Венгрии. Борьба эта была старая: фактически Галиция была в польских руках, но Людовику, ссылавшемуся на то, что венгерские короли никогда не отказывались от Галиции и считали себя государями, удалось отобрать ее от Польши, включить в состав венгерского королевства и тем лишить Польшу всех приобретений, достигнутых Казимиром Великим. Только в 1377 году Ядвиге и малопольским панам удалось отобрать ее от венгерцев, но на Галицию и Волынь заявляли притязания литовцы. Добровольно литовцы не отдадут русских земель: борьба с ними под натиском немцев не входила в польские планы, и поэтому польские дипломаты придумали мирное разрешение вопроса в виде женитьбы Ягайлы на Ядвиге. Такова сущность придуманной политической ком-

бинации. К предложенной комбинации Ягайло отнесся сочувственно. С Ядвигой не особенно считались. Начались взаимные переговоры, кончившиеся заключением унии в 1385 году в Криве.

Кревская уния

Условия соединения 1385 года явились только политической декларацией и в жизни не осуществились, но в них, собственно, заключается вся политическая программа польской дипломатии, неуклонно ею проводимая, хотя реализованная только в 1569 году.

Условия Кревского акта были неприятны и тяжелы для национального самолюбия литовцев. Ягайло обязывается креститься в католическую веру и крестить своих братьев, бояр и свой народ, вернуть отобранные от Польши и Литвы земли, заплатить 200 тысяч флоринов неустойки бывшему жениху Ядвиги, отдать свои деньги на нужды Польши и, самое главное, «на вечные времена присоединить к Польше свои литовские и русские земли». Таким образом, заветной мыслью была инкорпорация. Кревский акт был подписан самим Ягайлой и его братьями за себя и за неприсутствовавших удельных князей. Если понимать точно смысл этого акта, то после коронации Литва прекращает свое существование как самостоятельное государство, и литовско-русские земли низводятся до положения польских провинций. После коронации Ягайло потребовал от удельных князей присяги в верности польской короне за себя и за своих детей, с условием никогда от нее не отступаться. Они выдали ему присяжные грамоты. Впрочем, не все присяжные грамоты строго идентичны по содержанию. В части грамот не говорится о верности и послушании королю польскому и его жене, «велебной госпоже Ядвиге»; упоминается только про помощь и обещание никогда не покидать Польшу, не отделяться от Польши и не искать себе другого государя. Во всяком случае, полное молчание о Литве характерно для этих грамот, еще раз подчеркивающих превращение Литовского княжества в польскую провинцию.

Условия Кревской унии не были осуществлены. Пока говорить об инкорпорации было несколько преждевременно, и на деле Кревскую унию можно отнести к разряду так называемых личных уний и не более, но зато культурные последствия унии огромны, и с ними приходится очень и очень считаться.

Литва и уния

Династические планы Ягайлы были встречены в Литве с негодованием. Условий унии не признала часть удельных князей и крупная знать. Слишком был непопулярен акт, говоривший о полной инкорпорации Литвы. Литовское боярство, конечно, об этом не думало, рассматривая создавшиеся отношения между Литвой и Польшей как личную унию, а об отказе от своей национальной самобытности не могло быть и речи.

Выразителем охватившего страну негодования явился Витовт, вступивший в борьбу с Ягайлой за национальную независимость Литвы. Боярство его усиленно поддерживало, и это заставило Ягайлу пойти на

уступки, в результате которых и явилось Островское соглашение 1392 года. Новая уния радикально расходилась с актом 1385 года. В ней нет упоминания об инкорпорации Литвы: Витовт признавался великим князем стола, «на котором сидел дядя Ольгерд и отец Кейстут». От Витовта потребовали только присягу «никогда не покидать королевы и короны польской». После смерти Витовта все его владения переходят к королю и его преемникам и короне Польской, за исключением части земель, отданных брату Сигизмунду и записанных жене в виде вена. Витовт как великий князь хотя и зависел от польского короля как верховного господаря, но фактически его действия самостоятельны: он сгоняет удельных князей с их столов, принимает от них присягу, назначает на должности. Конечно, это было не то, о чем мечтала польская политическая мысль, но приходилось примириться, хотя и временно, с новым положением дела. Для литовцев условия Островского соглашения можно считать отчасти приемлемыми: они гарантировали Литве автономный государственный режим, и даже не без выгоды, так как обессиленное княжество в лице Польши приобретало сильного союзника. В конце XIV века пошатнулось международное положение Витовта: его агрессивные действия против татар кончились крупной неудачей. На реке Ворскле (1399) литовцы были разбиты; гибель большей части военнотружительногo класса ослабляла боевую готовность Витовта; к тому же среди удельных князей замечалось оппозиционное течение. Поляки нашли этот момент очень подходящим для возобновления переговоров об унии. Витовт, не чувствуя себя в состоянии противодействовать планам поляков, согласился подписать новый трактат об унии.

Уния 1401 года

Условия унии несколько расходились с предшествовавшими трактатами, и хотя в некотором отношении были неприятны для национального самолюбия, с этим пока пришлось примириться. В грамотах, выданных от имени Витовта, князей и бояр, давалось торжественное обещание помогать полякам во всех затруднительных обстоятельствах, заботиться об их интересах и после смерти Витовта не искать никакого государя, помимо польского короля. Такие же обязательства давали и поляки по отношению к Литве: в случае смерти Ягайлы не избирать нового короля без согласия Витовта и литовцев. Новая уния признала за Литвой известного рода самостоятельность, хотя бы и связанную с именем только Витовта, и поставила ее в союзные отношения к Польше. Конечно, и такая постановка вопроса противоречила планам польской дипломатии. Новый акт унии был подписан князьями и боярами. Поляки не довольствуются уже подписями нескольких удельных князей: учитывая значение литовского боярства, поляки пожелали взять от них подписи в виде гарантии по исполнению условий унии 1401 года. Помимо этого, литовские князья снова выдали Ягайле присяжные грамоты. Поляки и после унии 1401 года не доверяли Витовту, и последнему приходилось по несколько раз выдавать Ягай-

ле присяжные грамоты, в которых лишний раз подчеркивалась политическая зависимость Витовта от Ягайлы. Впрочем, обстоятельства скоро стали складываться не в пользу Польши. Витовту удалось укрепить свое положение, приняв деятельное участие в решении всякого рода международных дел. Под Грюнвальдом ему удалось нанести решительное поражение Ливонскому ордену, отомстив одним ударом за прежние набеги на Литву. При таком положении дела условия унии, признавшие за Литвой право на самобытный государственный режим до смерти Витовта, не соответствовали положению, и Литва явно стремится к разрыву, сознавая свою силу и значение.

Городельская уния 1413 года

Поляки поэтому снова начали переговоры об унии и в 1413 году собрались на съезд в Городле на Буге, на котором присутствовала литовская знать и военнослуживый класс. Городельский съезд возобновил унию, но ее условия резко расходились с содержанием предыдущих союзных договоров. Трактат 1413 года признавал за Литвой право на самобытный государственный режим. Литва и впредь будет иметь свою власть. При этом ставилось условием, что после смерти Витовта бароны и шляхта никого не будут иметь и не изберут великим князем литовским помимо того, кого им даст Ягайло или его преемники по совету с польскими и литовскими прелатами и боярами. С другой стороны, польский король избирается с ведома и участия Витовта и бояр княжества.

Правда, в трактате есть статьи, упоминающие о более тесных отношениях Литвы и Польши, но эти заявления, противоречащие другим статьям трактата, не имели, конечно, никакого реального значения. Поляки при заключении унии учли значение боярства, взяв от него особую запись, в которой лишний раз подчеркивались союзные обязательства Литвы к Польше. Такую же запись выдали поляки литовцам. Таким образом, уния 1413 года значительно изменила содержание трактата 1401 года. Литва и после смерти Витовта будет иметь отдельного государя, связанного союзными отношениями с Польшей.

Проект коронации

Литовские сепаратисты в 1413 году одержали большую дипломатическую победу. Но политическая мысль Витовта и боярства рисовала себе иные перспективы: Витовт и боярство задумали короновать великого князя короной, еще раз в торжественной обстановке заявив о реальной самобытности Литвы. Вполне понятно, что поляки всполошились, узнав о предполагаемой коронации, тем более что в этих планах принимал активное участие Сигизмунд венгерский, старинный соперник Польши.

Ягайло посылал послов к Витовту по поводу коронации. Но его противодействие не имело никакого влияния, и Витовт летом 1429 года формально заявил, что если Ягайло не прибудет на коронацию, то он коронуется и без него. Чтобы отклонить Витовта от этого плана и сохранить унию, Ягайло и паны предлагали ему польскую корону, так

как Ягайло готов был отречься от трона. На Витовта это предложение не произвело никакого впечатления, и к коронации по-старому шли приготовления. Однако коронация не состоялась: отложенная в первый раз, она вторично не могла состояться за смертью Витовта в 1430 году.

Итак, первый период в литовско-польских отношениях не оправдал надежд польской дипломатии. Литовское боярство сумело отстоять свою политическую самобытность, несмотря на внешние обстоятельства, не всегда складывавшиеся для Литвы благоприятно.

V. НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В XV ВЕКЕ И СУДЬБА УНИИ

Культурные результаты уний Заключив унию с литовцами, поляки не добились цели — «втеления» в польский государственный организм Литвы. По крайней мере, во все времена «панования» Витовта об этом не могло быть и речи. Но зато результаты унии довольно скоро сказались на религиозно-культурном быте литовцев. Согласно унии 1386 года, Ягайло принял сам католицизм и обещал крестить свой народ. Крестились, в общем, неохотно, и литовское боярство оставалось верно вере предков. И привилеи Ягайлы пока не давали существенных результатов. Политика Ягайлы в общем была очень благоприятна по отношению к католицизму. По существу, таковой оставалась и политика Витовта. Католицизм начал делать большие успехи после унии 1413 года, когда католики — бояре и шляхта — получили ряд прав и преимуществ.

Борьба русского и польского влияний Вместе с католицизмом прививалась к Литве и польская культура, правда, захватывая пока только высшие классы. Польская культура столкнулась с русской, и победительницей должна была оказаться та культура, на чью сторону станет правительство. В Литве наступил период борьбы культурных влияний. Это не было мирное соревнование двух культур, благодаря которому лучше всего выясняется сила и значение той или другой из них. Под натиском польской культуры русской пришлось отступить, и не потому, что она была ниже по своим качествам. К культурной борьбе надо присоединить и борьбу национальную, совпадавшую с первой и являвшуюся следствием тех отношений, в которые стала господствующая народность — литовская — к русской национальности, составлявшей 90 % всего населения в княжестве. Антагонизм русской и литовской национальностей уже предрешал привилей 1413 года, образовавший литовско-католическую аристократию и закрепивший за ней значение не только землевладельческого, но и правящего класса. Согласно привилею, все высшие должности, установленные по польскому образцу, — воеводы, каштеляны — могли даваться только литовцам-

полякам. Они же составляли при князе и особый совет — раду. Благодаря привилею 1413 года литовская народность заняла господствующее положение в государстве. Оно особенно резко выразилось в борьбе Витовта за самостоятельность великого князя литовского. Привилегированное положение литовской народности пробуждало соответствующее чувство недовольства среди русских. Борьба земель-аннексов с собственно Литвой намечалась уже при Витовте, но ему кое-как удавалось держать в равновесии враждующие силы. Положение Витовта было тем затруднительнее, что за спинами русских скрывались враждебные Витовту удельные князья, не желавшие помириться с потерей своего прежнего политического значения. Антагонизм двух народностей, к которому присоединился и сепаратизм удельных князей, сейчас же вскрылся после смерти Витовта. Поляки и литовцы, конечно, были взволнованы смертью Витовта. Обе стороны надеялись учесть это явление в выгодную для себя сторону. Ни та, ни другая стороны и не думали об исполнении соответствующих статей Городельского акта. Впрочем, поляки в своем отрицании Городельской унии могли опереться на предсмертное заявление Витовта о возвращении обратно Ягайле полученного от него великого княжества. Благодаря этому заявлению литовское государство снова утрачивало свою самобытность, и создавалось весьма неблагоприятное для литовцев положение дел в духе Кревской унии 1385 года. Конечно, литовское боярство должно было найти выход из создавшегося положения. Но само по себе оно все-таки было слишком слабо, чтобы действовать решительно. Это и определило сближение литовского магнатства с русскими князьями и боярами. Собравшись все вместе на съезд, они, вопреки акту 1413 года, без согласия Ягайлы и польских панов избрали брата Ягайлы, Свидригайлу, великим князем. По словам современника, выбор был единодушным, и по своим свойствам

Свидригайло. С гравюр из «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини. 1581 год

он решительно удовлетворял и Литву, и Русь. Литва симпатизировала Свидригайле как убежденному противнику унии. Возведя его на престол, литовские магнаты могли надеяться встретить в великом князе силу, которая будет в состоянии дать Польше соответствующий отпор. Для Руси это был не только противник унии, а и защитник национальных интересов русского народа, о которых начинали забывать благодаря господствующему положению литовского магнатства и влиянию на него польской культуры. По существу, обе стороны оценивали Свидригайлу с разных точек, фактически непримиримых, и начав-

шее сближение Литвы и аннексированных земель должно было прерваться; избрание Свидригайлы великим князем, конечно, для поляков было большим дипломатическим поражением, и чтобы сохранить за Польшей хотя бы тень верховной власти над Литвой, Ягайле оставалось одно – утвердить избранника на великокняжеском столе, хотя такая политическая комбинация не предусматривалась никакими унитарными договорами.

Последствия избрания Свидригайлы

Избрание Свидригайлы было чревато своими последствиями. Оно повело к решительному возвышению Руси. Новый государь окружен русскими людьми, среди которых встречались и литовцы-кашлики. Во всяком случае, исключительному политическому господству литовцев был нанесен сильный удар, что впоследствии было оценено литовскими магнатами. С Польшей же Свидригайло сразу стал во враждебные отношения. Поляки поддерживали свои старые притязания на Подолье. Свидригайло с этим не согласился, и между обоими братьями началась упорная и долгая борьба.

Заговор на жизнь Свидригайлы и избрание Сигизмунда

Политическая деятельность Свидригайлы, выдвигавшего повсюду русский элемент, встретила в Литве враждебное отношение. Литовцы боялись потерять свое первенствующее значение в государстве, и единственным для них выходом было избрание нового великого князя, который уже не изменит литовской народности. Литовцы решились на государственный переворот, заранее обеспечив себе согласие Ягайлы и польских панов: для последних Свидригайло был опасен как убежденный сепаратист и защитник Подолья от польских притязаний. При благосклонном содействии Польши был организован заговор. Заговорщики во главе с князем Сигизмундом Кейстутовичем, княжившим в Стародубе, в сообщничестве других литовских князей и магнатов напали в городе Ошмянах на Свидригайлу, захватили в плен его семью, а сам Свидригайло успел убежать в Полоцк. Сигизмунд от имени Ягайлы был провозглашен великим князем, тоже вопреки унии 1413 года; но литовскому магнатству, под напором враждебной Руси и других союзников Свидригайлы, не приходилось ждать: нужно было поскорее использовать создавшееся положение дел, даже ценою уступок полякам. И Ягайло решил использовать переворот 1431 года в интересах унии. Им было послано в Литву посольство, которому были даны большие полномочия на подтверждение и возобновление унии обоих государств и для исправления некоторых статей. Обе стороны съехались в Гродно в 1432 году, где и выработали новое унитарное соглашение.

Уния 1432 года

Новый трактат признавал Сигизмунда пожизненным соправителем польского короля. После его смерти великое княжество переходит к Ягайле, за исключением отчинных владений, поступающих в законное распоряжение наследников Сигизмунда. Подолье уступало Польше «со всеми ме-

Знатные люди XV в.

стами, замками и округами». Та же судьба постигала и Волынь, но ее сначала нужно было завоевать, а потом думать о присоединении к Польше. Как бы уступая литовским сепаратистам, трактат 1432 года обуславливал присоединение Волыни только после смерти Сигизмунда. Великий князь обязывался быть верным союзником и защитником Польши, а чтобы отнять у литовцев всякую надежду на самостоятельность, Сигизмунда заставили дать обещание не обольщаться ничьими подговорами и не хлопотать о королевском венце без ведома и согласия польского короля и его преемников. Союзный договор скреплялся подписями литовских магнатов — свидетелей переговоров. Уния не предreshала в будущем инкорпорации, так как допускала возмож-

ность избрания преемника Сигизмунду, но только при обязательном участии обеих сторон. Новая уния была делом рук литовского панства, испугавшегося наплыва русского элемента, а следовательно, и потери приобретенного влияния. Сравнительно с условиями унии 1413 года новый договор был менее выгоден литовскому боярству: в нем вопрос о литовской самобытности в сфере государственных отношений был связан с личностью Сигизмунда и носил, таким образом, временный характер, что являлось отчасти возвращением к условиям третьей литовско-польской унии. По существу, подобную политику можно считать ущербом национальному делу, на что магнаты решились ввиду исключительных обстоятельств: в целях подавления и уничтожения выступившего на историческую сцену русского элемента.

Привилей 1432 года

Литовское боярство и поляки посадили Сигизмунда Кейстуовича на великокняжеский стол без ведома и согласия русских князей и панов. Ни Ягайло, ни магнаты не были расположены считаться с политическим влиянием и значением русского населения. Тем не менее обстоятельства заставили польского короля пойти на уступки ради примирения населения русских областей с совершившимся государственным переворотом: одновременно с ним Ягайло опубликовал новый привилей. Привилей 1432 года уравнивал в правах литовскую и русскую шляхту, распространяя на нее действие привилея 1413 года. Распространение привилея 1413 года на русскую шляхту объяснялось желанием «дабы на будущее время между обоими народами не было розни или какого-нибудь неравенства, коими может наноситься ущерб государству, чтобы все, утешенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, с одинаковым рвением и постоянством радели о благе и преуспейнии государства, ревностно и верно исполняли повеление короля Ягайлы и его брата

Сигизмунда». Впрочем, для польской политики опубликованный привилей не мог иметь большого значения: его действие распространилось не на все земли-аннексы, а только на Русь Литовскую; да к тому же пользование правами связывалось с принадлежностью к католическому вероисповеданию, которое среди русской шляхты XV века было распространено относительно слабо. Привилей 1432 года не отменил соответствующих статей Городельского привилея.

Свидригайло и Сигизмунд Земли-аннексы не признали происшедшего переворота и оставались верны Свидригайле. Поддержанный знатью и удельными князьями — сепаратистами по убеждению, Свидригайло начал борьбу с Сигизмундом, на стороне которого было крупное магнатство Литвы, Жмуди и мелкий военнослужильный класс Подляшья, оценивший значение привилея 1413 года. Численное превосходство было на стороне Свидригайлы, зато противники лучше могли направить свои силы против врага.

Во время хода военных действий Свидригайло сделал немало тактических ошибок, давших перевес литовскому оружию, поддержанному поляками в надежде на присоединение к Польше Подолья и Волыни, так как полная инкорпорация фактически в данное время была невозможна. Военные действия, в общем, затянулись надолго, чему, конечно, способствовало национальное упорство русских областей, а с другой стороны, внутренними усобицами воспользовался Прусский орден, чтобы начать войну с Польшей. Как только Сигизмунд Кейстутович сел на литовском столе, Ягайло захватил западное Подолье, прогнав оттуда наместника Свидригайлы, а затем вступил в оставленный Свидригайлой Владимир, приступив к осаде Луцка. Так Волынь попала в руки поляков. Для примирения обывателей Волыни с Польшей Ягайле пришлось пойти на существенные уступки, выдав Луцкой земле особый привилей князьям, панам, прелатам и рыцарям земли Луцкой как римской, так и греческой веры.

Это было сделано по просьбе перечисленных лиц, готовых принять польское подданство. Согласно привилею, права и вольности шляхты Королевства Польского распространялись на соответствующие станы Луцкой земли. Впрочем, привилей не имел практического значения: Луцкая земля перешла на сторону Свидригайлы, но он любопытен как факт, указывающий на ближайший курс польской политики по отношению к русским областям. Последовавший затем разгром Литвы и Черной Руси заставил Ягайлу заключить перемирие, согласно которому западное Подолье осталось за Польшей, а о Волыни не было и речи.

Положение Сигизмунда было довольно затруднительно: к нему в оппозиции находились не только русские земли, но и литовское магнатство, не говоря о других общественных элементах в Литве: магнаты, принявшие по необходимости из рук Ягайлы Сигизмунда, обращались с ним свысока и не признавали ни заключенной унии, ни его авторитета. И вторичное скрепление унитарного договора, для чего Ягайло спе-

циально приехал в Литву, не достигло намеченной цели: если литовские potentаты дали на нее свое согласие, то всецело из боязни поглощения Литвы Русью, в надежде с помощью Польши подчинить восставшие русские земли.

Сигизмунд и Ягайло, желая ослабить Свидригайлу, выдали в 1434 году населению новый привилей, являющийся, в сущности, повторением хартии, изданной два года тому назад, впрочем, с некоторыми дополнениями, о которых придется говорить ниже. Рознь католиков и православных была закреплена и новой хартией, по духу польско-католической.

Борьба Сигизмунда и Свидригайлы

Первоначально район военных действий ограничивался пределами Черной Руси и Литвы, но в 1437 году Сигизмунду удалось нанести своему противнику жестокое поражение под Вилкомиром, вслед за которым от Свидригайлы отпали Полоцк, Витебск и Смоленск. Ему оставались пока верны Волынь, Киевщина, Подолье и Чернигово-Северская земля. Сознывая, что один он не в силах бороться с польским королем и литовским великим князем, Свидригайло решился на акт, которому впоследствии придавали огромное значение: он согласился сдать польскому королю и короне Польской со всеми своими подданными, замками, местами и селами... По смерти Свидригайлы отчина его и все владения, которые принадлежат и будут принадлежать ему, должны перейти к королю и короне Польской.

Так возникло вассальное русское княжество, оторвавшись от Литвы. Но этот договор не был утвержден польским сеймом. Борьба продолжалась и окончилась только в 1439 году полным поражением Свидригайлы, в руках которого оставалась восточная часть Подолья. Но и Сигизмунд не удержался на престоле. Тиранический характер и крупные территориальные уступки погубили его. Магнаты Литвы хотели исправить также условия унии 1432 и 1434 годов. Великий князь был убит, и для литовской дипломатии предоставлялся полный простор в деле восстановления литовской автономии и возвращения обратно уступленных Польше русских областей.

VI. ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАЗИМИРА И ДАЛЬНЕЙШАЯ БОРЬБА ПРОТИВ УНИИ

Казимир Ягеллончик (в Польше Казимир IV)

При избрании преемника Сигизмунда литовской аристократии приходилось остановить свой выбор на таком кандидате, который не только являлся бы сторонником литовской государственной автономии, но и не был бы противником магнатства. Первое время, когда заходила речь о преемнике Сигизмунда, среди литовской аристократии не было требуемого единодушия. Возникли партии, выдвигавшие того или другого кандидата на престол. Были даже сторонники кандида-

туры Свидригайлы, но, конечно, она успеха не могла иметь. Правда, Свидригайло был сторонником автономического государства, но его связь с русским населением служила доказательством того, что симпатии его будут не на стороне литовских магнатов и им от него нечего ждать.

Выдвигалась кандидатура и сына убитого Сигизмунда, но пока отпала из боязни, что сын пойдет по стопам своего отца по отношению к магнатам, да к тому же будет мстить за смерть отца. В конце концов взяла верх партия, выставившая кандидатуру Казимира Ягеллончика (сын Ягайлы). Последнему было только 13 лет, за его малолетством правление должно было перейти в руки магнатов: это укрепляло положение магнатства, да и унитарный вопрос мог бы быть разрешен иначе. Польское правительство не сочувствовало предложенной кандидатуре, прекрасно сознавая, что это сразу изменит характер литовско-польской унии. Недаром король соглашался отпустить Ягеллончика в Литву только в качестве наместника, хотя это было бы нарушением условий унии 1413 и 1432 годов. Ввиду таких действий короля литовские магнаты объявили о расторжении унии и провозгласили великим князем Казимира. Польское правительство не признало происшедшей перемены, отказывало в признании за Казимиром великокняжеского титула, но литовское магнатство пока игнорировало недовольство польского правительства (1440).

Избрание Казимира было делом только одного литовского магнатства и вызвало недовольство не только в одних русских областях, но также и в демократической Жмуди и мелкопоместном Подолье, стоявшем на стороне Михаила Сигизмундовича: часть Волыни была в руках Свидригайлы. Впрочем, это движение было менее опасно, чем восстание Свидригайлы. Каждая область действовала особняком, на свой страх и риск, и литовскому правительству удалось без труда подавить сепаратистское движение. Так, Смоленское вече, прогнавшее великокняжеского наместника и избравшее бояр, сначала призвало к себе особого государя — мстиславского князька Юрия Лингвеньевича. Но утвердиться ему в Смоленске не удалось. Его резко демократическая политика и склонность к полному сепаратизму принудили литовское правительство поскорее принять соответствующие меры и вернуть Смоленск обратно Литве. Смоленску в скором времени пришлось принять обратно княжеского наместника, но чтобы привязать прочнее Смоленскую землю к княжеству, Казимир выдал ей подтвердительный привилей на права и вольности, пожалованные Витовтом. Такие же подтвердительные привилеи получили земли Полоцкая и Витебская, вероятно, в 1451 году, когда в Литве происходил общий сейм великого княжества. Отпавшая Киевская земля скоро была обратно

Казимир

возвращена Литве, и ей дали бывшего киевского воеводу Олельку. После смерти его сына Семена княжеский уряд был уничтожен раз и навсегда, и Казимир в 1471 году выдал Киевской земле новый привилей, включив туда все права и вольности населения, завоеванные при последних князьях. Восстание в Жмуди не потребовало вмешательства военной силы. Умелыми переговорами убедили жмудинов признать власть великого князя, а для закрепления состоявшихся переговоров Казимир выдал в 1492 году подтвердительную уставную грамоту. Совершенно мирной политики держалось правительство Казимира по отношению к Волыни, оставшейся вместе с восточным Подолем в руках Свидригайлы, признавшего в 1445 году Казимира великим князем. После смерти волынского князя его области, согласно завещанию, перешли к Казимиру, который выдал волынской шляхте привилей, снабдив его новыми правами и вольностями. Наконец, чтобы успокоить мелкопоместную шляхту Подолья, Казимир привилеем уравнивал ее в правах с польской шляхтой. В общем, удачными мерами Казимиру вновь удалось собрать воедино рассыпавшееся Литовское государство.

Избрание Казимира на польский престол

Первое время «панованя» Казимира поляки не поднимали вопроса об унии, словно примирившись с совершившимся фактом. Но затем обстоятельства начали складываться в благоприятном для Польши отношении. Польский престол в 1444 году стал вакантным, и поляки решили пригласить на польский престол Казимира.

Актом избрания Казимира на польский престол (1447) сразу создавались подходящие условия для возобновления унии на началах инкорпорации. Предложение поляков поставило Казимира и литовское магнатство в довольно затруднительное положение, но затем, когда в Польше стали выдвигать другую кандидатуру, «быть может, только по тактическим соображениям, решено было принять корону», но не соглашаться на унию на основании старых трактатов. Так снова унитарный вопрос был поставлен на очередь. Литовские паны соглашались на принятие Казимиром польской короны, но под условием сохранения в неприкосновенности государственной территории и самостоятельного государственного режима. Действительно, литовским панам, приехавшим в Брест для заключения унии, удалось взять от короля особую клятвенную запись, в которой Казимир признал существование только оборонительного союза между Литвою и Польшею, а земли Луцкую, Подольскую, Ватно, Ветлы, Лопатин и Олеско — территории, на которые заявляла притязания Польша, — землями литовскими. Литовцы отстаивали свой государственный режим и получили от короля право после смерти Казимира избрать отдельно или с поляками особого великого князя, «что было возвращением к договору об унии 1413 года». Правда, эта запись имеет более идеальный характер: с ней поляки никогда не считались. Наоборот, как только состоялся первый сейм в присутствии избранного короля, поляки потребовали подтверждения, что Подолье и часть Волыни остаются

за Польшей, как бы в отместку за несостоявшиеся перед тем переговоры, согласно которым поляки предлагали литовцам для уничтожения всяких недоразумений между обеими сторонами слияние в одно государство, с одним королем, с одинаковыми для шляхты правами и вольностями. Литовское магнатство не согласилось на подобную комбинацию. Но и Казимир не дал никакого ответа на требование поляков, отказавшись подтвердить их права и вольности, пока они не выяснят своих отношений к литовцам. Положение Казимира было довольно затруднительным: уния не налаживалась; ему не доверяли ни поляки, ни литовцы, а русские аннексированные земли, пользуясь затруднительным положением Литвы, как выше было указано, стремились к полному отделению. В целях примирения Руси и Литвы и привлечения на свою сторону более широких слоев в русской шляхте Казимир 2 мая 1447 года опубликовал новый привилей. Его содержание шире других привилеев, и главное его отличие от привилеев 1413, 1432 и 1434 годов — это распространение прав и вольностей на все русское население княжества, но статья конфессионального характера осталась неотменной: занимать должности по-прежнему могли только католики. В опубликованном привилее для польско-литовских отношений имеют огромное значение статьи о замещении разных урядов только туземцами и обещание держать Литовское княжество в тех границах, в каких оно было при Витовте, и защищать его («*In eisdem limitibus integre et plenarie tenere et defendere*»). Унитарный вопрос впоследствии выдвигался не раз, но решить его в том или другом направлении так и не удалось. Во время всего господства Казимира отношения Литвы к Польше оставались неопределенными, хотя старые земли поляки рассматривали как присоединенные к Польше. Патриотического чувства Литвы не успокоили и антипольские статьи привилея 1447 года: литовцы тяготились унией и хотели иметь отдельного князя в лице одного из сыновей Казимира, но последний не согласился, и литовскому магнатству оставалось ожидать с нетерпением смерти короля и великого князя. В 1492 году король умер. Смерть господаря подняла упавший дух литовского магнатства, которое, игнорируя поляков, немедленно избрало на престол сына Казимира — Александра: соответствующие статьи уний, таким образом, были нарушены литовцами, как раньше поляками.

Александр

Александр и Альбрехт

Последние избрали королем его брата Альбрехта. При избрании на престол Александра литовская аристократия заставила нового господаря выдать привилей, подтверждающий прежние льготы и права и закрепляющий за магнатами то решающее положение, которое они фактически занимали

в сфере государственной деятельности, благодаря постоянным поездкам Казимира в Польшу. Привилей 1492 года не дал никаких новых прав шляхте, но, закрепляя за аристократией как членами «господарской рады» активное участие в сфере внутренней и внешней политики, новый господарь существенно ограничивал прерогативы своей власти. Для литовских магнатов подобный привилей являлся необходимостью: только взяв кормило правления в свои руки, магнаты могли быть уверены в сохранении литовской независимости. В общем, привилей 1498 года юридически конструировал положение боярства, основанное на обычае. Новость — прочные правовые гарантии. Но вопрос об унии скоро стал очередным. Затруднительное внешнее положение благодаря борьбе с Москвой заставило искать союза с Польшей. Новое соглашение было подписано в 1499 году, и условия его могли быть относительно приемлемыми для литовцев. Уния 1499 года признала за Литвой права на самостоятельный государственный режим, причем Литва становилась к Польше в те же отношения, в каких она находилась раньше, согласно трактатам 1413 и 1432 годов. Но и новая уния оказалась недолговечной.

**Избрание
Александра
на польский
престол и уния
1501 года**

В разгар военных действий с Москвой умирает польский король, и литовцы сами поднимают вопрос о приглашении Александра на польский трон. Затруднительное положение Литвы было учтено поляками, решившими воспользоваться данным моментом для реализации давнишних политических мечтаний. Уния 1501 года по своему содержанию резко отличается от предыдущих трактатов: отныне Литва и Польша сливаются в одно государство, будут иметь одного государя, выбираемого на общем польско-литовском сейме, одну монету, но разные суды и должности. Оба государства будут неразлучны в счастье и несчастье. Признавая за прежними договорами обязательную силу, уния 1501 года для литовцев, конечно, была неприемлемой, но все-таки магнатам пришлось подписать ее. Впрочем, этот Мельницкий трактат на практике не был осуществлен. Польша слабо помогала Литве в ее войне с Москвой, а литовское правительство продолжало рассматривать себя как представителя независимой в политическом смысле Литвы. Поэтому уния 1501 года интересна как показатель, к каким конечным результатам стремилась польская дипломатия.

**Сигизмунд
(в Польше I)
Старый
(1506—1548)**

В 1506 году снова унитарный вопрос стал очередным. После смерти Александра литовцы не поехали на общий сейм, а на собственном сейме избрали «единственной волею» великого князя Сигизмунда, брата Александра. Поляки сделали то же самое у себя дома, пока не затрагивая и не обсуждая никаких вопросов из области государственного права. Собственно, с избранием Сигизмунда, независимо от желания

литовцев, условия Мельницкого трактата отчасти осуществились: Литва и Польша имели одного государя. Это самое главное. Остальное можно привести в исполнение в зависимости от дальнейшего хода дел.

VII. ОПОЗИЦИОННЫЕ БРОЖЕНИЯ НА РУСИ И ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИТВЫ

Отношение русских земель к литовско-польским униям

Привилей 2 мая 1447 года отчасти примирил русскую шляхту с политикой Казимира. Получив ряд прав и привилей, русская шляхта с этого времени перестает враждебно относиться к унии с Польшей ради полного уравнивания с поляками и ослабления влияния литовских магнатов. Изданием же Судебника в 1468 году, по своей терминологии и по многим статьям совершенно гармонирующего с «Русской Правдой», правительство тоже шло навстречу русскому населению, закрепляя в кодексе стародавние судебные обычаи, усвоенные к этому времени и литовцами. В общем, политика компромиссов отчасти примирила русскую шляхту с Казимиром и господством Литвы, но о полном примирении пока не могло быть и речи, раз русский элемент по-прежнему находился на втором месте. Вот почему русская шляхта не раз примет участие в движении против Литвы.

Русские князья и Казимир IV Ягеллончик

Но та же политика не могла встретить никакой поддержки и сочувствия в русской аристократии. Православные русские князья не могли мириться с существующим положением дел: политика Казимира не только была направлена на уничтожение уделов, но она также не давала русской аристократии никакой возможности играть какую бы то ни было политическую роль, благодаря сохранению конфессиональных статей в привилее 1447 года. Все это определило отрицательное отношение к политике Казимира и регулировало дальнейшие поступки русской аристократии. В 1471 году умер киевский князь Семен Олелькович. Правительство послало в Киев наместника, и хотя киевляне не желали стать на положение литовской провинции и просили оставить им какого-нибудь князя, но в конце концов им пришлось уступить и принять княжеского наместника — литовского магната Гаштольда. И на Волынь после смерти Свидригайлы был послан наместник. Такая политика Казимира вызвала большое движение среди русских князей, во главе которых стал брат последнего киевского князя, Михаил Олелькович. Русские князья выработали определенный план действий, целью которых был захват великокняжеского стола и передача его одному из князей южнорусских, которые не будут уничтожать удельных традиций. Но политика удельных князей потерпела полное крушение: Казимира вовремя предупредили; князья были схвачены и казнены.

Москва и Литовско-Русское государство

Заговор русских князей в 1481 году интересен и в другом отношении: заговорщики действовали не без надежды на московскую помощь, за что, как сообщают некоторые современные компиляторы, группа князей уступала московскому князю часть русских земель по реку Березину, хотя официально проверить эти факты невозможно. Вообще, отношения князей к московскому князю остаются до сих пор невыясненными, хотя тяготение князей к Москве несомненно. Только опираясь на великого князя московского, русские князья надеялись сохранить за собою свои княжества подобно тому, как Литва с помощью Польши надеялась провести свою политику уничтожения уделов. Для московских князей обращение к ним русских князей за помощью давало подходящий повод для вмешательства во внутренние дела Литовского государства под предлогом защиты русской национальности и веры, угнетаемой католиками, но, конечно, главным мотивом для вмешательства была собирательная политика московских князей, поставивших себе задачей объединение не только северо-восточной Руси, но и включение в состав Московского государства русских областей, отошедших к Литве. Это определило вековую вражду Литвы и Руси. Враждебные отношения Литвы и Москвы давнишние: всегда обе стороны относились друг к другу с подозрением и не желали дальнейшего усиления соперника. Пока силы обоих государств были приблизительно одинаковы, обе стороны не доводили дела до решительного столкновения, стараясь всячески помешать усилению друг друга. Вполне понятно, что сепаратизм великорусских князей встречал такую же поддержку в Литве, как в Москве поддерживали удельных князей русских. Эта противоположность политики литовской и московской выяснилась еще при Витовте, к объединительной политике которого в Москве относились с большим подозрением.

Вопрос о Смоленске

Захват Смоленска указывал на необходимость вмешательства для прекращения дальнейшего усиления Литвы, тем более что в Смоленске сформировалась московская партия во главе с рязанским князем и просила Москву о помощи. Впрочем, вмешательство не помогло. Смоленск остался за Литвой, и на восточной границе он долго будет яблоком раздора между обоими государствами. В конце княжения Витовта тверские и рязанские князья вступили с Витовтом в соглашение, обещая быть «с ним заодно». Интересы Литвы и Москвы сталкивались еще в Новгородской земле.

Великий Новгород

Новгородская аристократия всегда боялась нивелирующей московской политики и тяготела к Литве и ее политике уважения областной самостоятельности. Литовские князья не раз появлялись в Новгороде, правда на короткое время. Наконец, в 1478 году, когда Иван III готовился нанести новгородцам окончательный удар, они решили сдаться Казимиру при усло-

вии сохранения в неприкосновенности местного строя и местных правовых обычаев. Это обращение к Литве фактически было бесполезно: у Литвы и дома было много дел, оказать какую-нибудь существенную поддержку Новгороду она не могла. Впрочем, перевес Москвы над Литвой сказался еще в 40 городах, когда Тверь, Новгород, Псков, отчасти Рязань попали в сферу московского влияния. Уже тогда наметились результаты будущей борьбы Литвы и Москвы.

Чернигово- Северская земля

Пока шла борьба Москвы с удельными князьями, Литва давала убежище последним, но при Иване III уделы были уничтожены; границы Литовского и Московского государств соприкасались друг с другом; пограничные чернигово-северские князья начали переходить на сторону Москвы под предлогом угнетения православной веры. Литовское правительство не признавало законности этих переходов и пыталось воздействовать на московское правительство дипломатическим путем; последнее средство не помогло. Борьба была неминуема, но кончилась для Литвы неудачно: пограничные волости князей Новосильских, Одоевских, Ворожинских — все отошли к Москве, причем обе стороны обязывались взаимно не принимать князей с их волостями. Впрочем, переходы не прекращались: Москва как бы игнорировала существующий трактат. И выдача замуж Елены Ивановны за литовского князя Александра не только не примирила враждующих сторон, а явилась лишним поводом для дипломатических переговоров и военного вмешательства под предлогом нарушения брачного договора и насилия над религиозными убеждениями Елены. В 1500 году перешел на службу к Москве ряд князей, потомков выходцев из Москвы. В общем, поддалась вся Черниговская земля, и начавшиеся военные действия закончили присоединение Черниговских земель, окончательно отошедших к Москве по миру в 1503 году.

Конечно, перемирие 1503 года могло иметь только характер передышки в военных действиях, утомивших обе стороны.

Слишком уже непримирима была политика московского князя, объявившего русские земли в Литве своей вотчиной. Недаром после смерти князя Александра Василий Иванович писал своей сестре, чтобы та рекомендовала литовским панам избрать его великим князем при условии сохранения латинской веры в неприкосновенности, а также прав литовцев. Впрочем, кандидатура не имела успеха. Затруднительное внешнее положение осложнилось волнениями внутри самого Литовского государства.

Михаил Глинский и потеря Смоленска

Виновником их был князь Михаил Глинский, представитель русской партии при дворе великого князя Александра, занимавший важный пост маршала дворного и имевший большое влияние на самого великого князя. После смерти последнего положение Глинского значительно пошатнулось. Литовская партия снова усилилась. Тогда Глин-

ский, войдя в сношение с московским князем, поднял восстание, конечной целью которого, кажется, было возведение на литовский стол Глинского и образование нового западнорусского княжества. Однако это движение потерпело полную неудачу: северо-западная русская шляхта, уже окатоличенная и воспользовавшаяся всеми правами привилеев, осталась верна Сигизмунду.

Наоборот, православное киевское землянство, на которое, благодаря конфессиональным статьям, распространялись не все блага польского права, поддержало Глинского. Движение Глинского обнаружило симпатии части шляхты к Польше, а сочувствие православного землянства Глинскому намечало польской дипломатии дальнейший план действий для привлечения на свою сторону и православного землянства: надо было уравнивать в правах православную шляхту с католической, уничтожив соответствующие статьи привилея, что, впрочем, было сделано только в 1563 году, когда выяснилось, что без поддержки русской шляхты немислимо инкорпорирование части территории. Внутренними волнениями в Литве воспользовался Василий Иванович, захвативший Смоленскую землю.

Восстание Глинского, поднятое в интересах русской народности, было последним аккордом национальной борьбы в государстве. К началу XVI века национальный вопрос стал менее острым: уделы уничтожены, князей оставалось мало, и материальное положение их было очень плохо, многочисленная шляхта, начавшая пользоваться всеми правами, дарованными привилеями, пока была довольна достигнутыми политическими успехами, хотя политика магнатства и его привилегированное положение не встречали в шляхте сочувствия. Антагонизм шляхты и магнатства, как результат его дальнейшие политические успехи шляхты — это был вопрос будущего, впрочем, весьма недалекого. Помимо борьбы с Москвою, Литве приходилось выдерживать и жестокие нападения татар Крымской Орды, выделившейся из Золотой Орды.

Литва и татары

Собственно с татарами Литва была знакома и раньше, как только русские земли признали гегемонию Литвы. Русским князьям и под верховенством Литвы приходилось посылать татарам дань, но Литве все-таки пришлось столкнуться с татарами из-за Подолья, которое и было отнято у татар. Когда окончательно сформировалась Золотая Орда, литовские князья поддерживали с нею мирные отношения, находя в татарах надежного союзника против Москвы. Благодаря такой политике Литовско-Русское государство почти не знало татарских набегов. Впервые Литва почувствовала на себе татарскую руку после поражения Витовта на реке Ворскле (1399). Впрочем, и это враждебное столкновение явилось результатом того, что в орде произошла перемена ханов и престолом завладел хан, соперник Тохтамыша, которого поддерживал Витовт. После битвы на реке Ворскле татарские набеги стали хроническими, но

вся их тяжесть падала на русские земли. Особенно страдали Киев и Подолье. Правда, литовское правительство принимало ряд мер по укреплению границ в виде постройки валов и крепостей, но и это мало помогало, и набеги продолжались. Еще стало тяжелее окраинным землям после распада Золотой Орды (половина XV века). Крымские татары сначала были в союзе с литовцами, но союзные отношения прервались. Крым изменил свою политику по отношению к Литве, отчасти под влиянием московских князей, толкавших Гиреев на путь разорения Литвы. В течение XV и XVI веков набеги были почти непрерывными. Южнорусские земли превращались в пустыни, население разбредалось.

Битва с татарами. Гравюра XVI века

Местности с богатейшими почвенными условиями, лежавшие на большой торговой дороге, фактически были вычеркнуты из пределов государства. Правительство, занятое другими вопросами, почти не принимало мер для защиты населения, которое толпами уводили в плен, а затем продавали на восточных рынках.

Литва и орден

Только положение Литвы на западе можно признать удовлетворительным: Литве удалось после упорной борьбы нанести еще раз серьезное поражение ордену, лишив его части владений. Поморье и часть Пруссии отошли к Польше.

VIII. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ В ЛИТВЕ ДО ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

1) ВОЕННОСЛУЖИЛЫЙ КЛАСС

Развитие сословий

Ни Литва, ни Русь, конечно, не могли остановиться на тех формах социально-правовой жизни, которые были выработаны в древнейший период. Сущность эволюции в общественных отношениях и заключалась в постепенном образовании сословий и в получении высшим сословием, шляхетством, все больших и больших прав. С приобретением шляхтой прав, конечно, исчезло относительное равновесие в общественных отношениях. Экономически наиболее сильные и наделенные разными правами стали во

главе общества, а экономически слабые — крестьяне — постепенно теряли свою гражданскую правоспособность и дееспособность, попадая в крепостную неволю. Промежуточное место занимали мещане, имевшие особое положение в литовском обществе.

Образование шляхетства.

1) Состав его

Процесс образования в Литве шляхетского сословия заслуживает большого внимания, так как и до сих пор в деталях он остался невыясненным. Но нельзя придавать в этом процессе польскому влиянию того огромного значения, как это делают некоторые историки. Отрицать польское влияние, конечно, невозможно, но учесть его влияние надо по-иному. Польское право само по себе не создавало никакого сословия и не разрушало бессословности строя. Оно только юридическими нормами закрепило те отношения, которые фактически создались между различными общественными группами под влиянием разных условий.

а) Боярство. В древнейшем периоде, как известно, не было сословий, но уже тогда сложились подходящие для этого элементы, занявшие особую позицию в общественных отношениях, благодаря своему экономическому значению, как представители крупного землевладения. Они же составляли княжескую дружину, были членами княжеской думы, имели большое моральное влияние на вечевых сходках. Состав такого боярства не был постоянным: звание боярина не было наследственным — оно жаловалось князем; многие могли по разным причинам не сохранить своего положения, да и в среде самого боярства всегда удавалось проникать новым элементам.

Бояр-землевладельцев можно найти во всех русских землях, они выступают всегда в сопровождении собственных дружинников-послужильцев. Уставные грамоты, выданные при Витовте, считаются с этой местной аристократией, княжеской и боярской. Она выделена в грамотах в виде особой общественной группы. В Галиции боярам удалось даже осилить князей и стать заправилами земли, и все попытки Даниила и его потомков подавить «крамолу» и смирить «безбожных бояр галицких» фактически кончились ничем. Галицкое боярство сохранило добытую позицию. Вероятно, в Галиции, отошедшей к Польше, сословность строя потому так рано определилась, что предыдущее развитие наиболее подготовило Галицию к утверждению сословности. И в старых литовских землях еще до образования княжества выделялась знать, которую немецкие хроникеры называют *prepotentes, potiores domini, nobiles, die Edelsten*. Особенно был силен класс землевладельческой аристократии в Жмуди: он отстаивал местную автономию и независимость и благодаря своему престижу подчинил себе народную массу. С образованием великого княжества вся эта литовская знать сохранила свое положение, принимая активное участие в делах по управлению государством и заседая в думе князя. Таковую думу около себя имел не один только великий князь: думцев имели и удельные князья, и желание удельного князя опереться в своей деятельности

только усиливало местную аристократию. Эти думцы — *bagones* — явились основным ядром будущей литовско-русской аристократии. Нам уже известно, что и поляки, и Витовт учитывали значение литовской аристократии в борьбе за право на национальное самоопределение. Недаром польское правительство при заключении новых договоров об унии брало присяжные листы от бояр.

б) Удельные князья. Удельные князья как-то незаметно сходили со сцены, беднели, переходя на положение служилых князей. Разгромленные при Витовте, они отчасти сохранили за собою и владетельные права, и владения, и на общем основании с панами-землевладельцами свои титулы, но прежнего политического веса они не имели. Первые привилеи 1387 и 1413 годов еще не знают князей как особого «стана» литовско-русской аристократии. Они говорят только о *nobiles bojares* (знати и боярстве), но привилеи 1447 года распространяется на князей, панов и шляхту всех вообще русских и литовских областей великого княжества. Только после привилеи 1447 года можно говорить об уравнивании князей и боярства на почве признания за ними шляхетских вольностей. Если же удельные князья сохраняли за собой некоторые владетельные права, и в XV веке существенно отличавшие их от другой шляхты, то это гарантировалось особыми соглашениями с литовскими великими князьями. Окончательное же слияние со шляхтой можно отнести только к привилеям 1492 и 1506 годов, признавшим за князьями и панами равноправное участие в управлении государством. Последующее законодательство не видит никакой разницы в правах титулованного князя и нетитулированного панства.

Так образовался высший чин шляхетского сословия. Конечно, не всем потомкам старинных бояр удалось стать в ряды среднего военнослужилого класса, а некоторые, не сумевшие представить доказательств своего благородного происхождения, опустились еще ниже. В общем, около 70 фамилий княжеских и боярских, литовских и русских принадлежало к первому стану шляхетского сословия. На 50 боярских фамилий приходилось около 20 княжеств. Степень знатности и богатства каждого определялась количеством конных ратников, которых они выставляли в случае похода со своих вотчин, так как и старинную аристократию пришлось привлечь к несению ратной повинности, подобно тому, как ее несли с поместий. Из «пописа» 1528 года видно, что князья Острожские выставили 426 коней, Слуцкие — 433, Вишневские — 98 коней, князья Чарторыйские — только 55 коней, а из панов: Гаштольды — 466 коней, Кезгайлы трое — 768, из них один — 371 коня; Сапеги — 153, Радзивиллы — 628 коней. Если принять во внимание, что по уставу 1528 года один конь выставлялся с 8 служб крестьянских, то указанные цифры дают достаточно полное представление о размерах вотчин аристократии.

Княжеские и панские фамилии распределялись территориально неравномерно. Княжеские фамилии целыми гнездами сидели на Волыни. Волынь оставалась областью с крупным землевладением по преимуще-

ству: в других частях государства представители крупного землевладения растворялись в массе среднего и мелкого, а в Киевщине его и совсем не было.

в) Служилое шляхетство. Кроме княжеской и боярской (панской) аристократии, в Литовско-Русском государстве довольно рано формируется военнотрудовой класс — будущее шляхетство, занявшее среднее место между аристократией, с одной стороны, и низшими служилыми людьми, с другой. Внешнее положение княжества заставляло великих князей литовских думать об организации военной силы, без которой, конечно, борьба невозможна (старые княжеские дружины были слишком малочисленны и не удовлетворяли целям внешней обороны): сама служба должна носить строго принудительный характер под строгим контролем и регламентацией правительства, что впоследствии отразилось и на самом праве распоряжения земельной собственностью. Первоначальный состав военнотрудового класса отличается пестротой и разнообразием. Только впоследствии исчезает эта пестрота в его составе, благодаря целому ряду законодательных актов. Состав нового военнотрудового класса отчасти был подготовлен предыдущим общественным развитием. Прежде всего в него вошли представители среднего землевладения, которое было распространено в большей или меньшей степени во всех землях Литовско-Русского государства, затем захудавшие знатные фамилии и, наконец, военные слуги крупной знати, так называемые *milites*, *sodales* — по терминологии немецких хроник, воины, послужилцы, отроки — по русским памятникам. Кроме того, в интересах увеличения численности военнотрудового класса правительство брало людей, годных для военной службы, и из других общественных элементов: мещан, зажиточных крестьян, отдавая им земли под условием службы со всеми пожитками и ужитками. Конечно, тяглые элементы, верстанные в службу, освобождались от тягла. Наконец, и магнаты верстали своих подданных и свободных людей на службу. Часто мелкопоместные бояре поддавались крупному пану, превращаясь в его вассалов и отправляя военную повинность под его началом. Первое время, до окончательного формирования шляхетства, состав военнотрудового класса не отличался особенной устойчивостью: в него постоянно входили и из него выходили новые элементы. Иной переводился на службу боярскую со службы тяглою; с другим поступали как раз наоборот; словом, лица, несшие боярскую службу, крепкими нитями были связаны с крестьянской тяглою массой. С конца XV века начинается медленный процесс консолидации шляхетского сословия, совершившийся под непосредственным влиянием польских идей и понятий.

2) Шляхетские привилегии

Шляхетское сословие в Литовско-Русском государстве организовалось в течение XIV—XVI веков, и в его состав вошли большей частью различные военнотрудовые элементы. Как не всем старым боярам земли удалось удержаться в среде высшего «стана» литовско-русской аристократии, так,

далеко не все служилые люди вошли в кадры шляхетства: кое-кому из них не удалось воспользоваться дарованными и завоеванными правами и привилегиями, смешавшись с верхним слоем крестьянства — слугами.

а) Привилеи Ягайлы. Консолидация шляхетского сословия началась с момента опубликования Ягайлой своего первого привилея в 1387 году. Воспользоваться привилеем могли только лица, принявшие католицизм: привилея предоставлял право боярам наравне с польской шляхтой владеть недвижимым имуществом и свободно им распоряжаться, право выхода замуж вдовам, дочерям и сестрам бояр — свободно, без всякого принуждения или участия господаря. Наконец, привилея освобождал бояр-католиков от всяких натуральных повинностей, за исключением военной службы и замковой повинности: постройки новых замков и исправления старых. В 1413 году Ягайло и Витовт опубликовали второй привилея, данный всей шляхте, а не только одному боярству (*barones*), которое, по смыслу привилея, является частью шляхетского сословия. Впрочем, первоначальный круг шляхетского сословия не мог быть особенно велик: пользование его благами связывалось с принадлежностью к католической вере и получением от поляков гербов и клейнотов вместе с принятием в польские гербовые братства. Зато, конечно, важно принципиальное значение привилея: он наносил серьезный удар литовским магнатам, уравнивая их со шляхтой в сфере гражданской правоспособности и политических прав: за магнатами фактически остались служебные прерогативы. Привилея подтверждал все статьи привилея 1387 года и устанавливал должности по польскому образцу, причем на все уряды могли назначаться только бояре, принадлежавшие к католической вере (*fidei catholicae cultores et subjecti romanae ecclesiae*). Наконец привилея вводил сеймы для совещания о благе и пользе обоих государств с правом участия панов, прелатов и шляхты Королевства Польского и земель литовских.

б) Привилеи Сигизмунда. Привилеи Сигизмунда в 1432 и 1434 годах имели в виду шляхту, не только литовскую, но и русскую, распространяя на последнюю действие привилея 1413 года. Облегчался и самый способ приобретения шляхетства: привилея 1432 года предоставлял право русским брать гербы у литовцев — те самые гербы, которые они получали от поляков, а литовцам ставилось в обязанность принимать русскую знать в гербовые братства по сношении со своими польскими одноклассниками. Привилея 1432 года не давал никаких новых прав

Шляхтич. С гравюры XVII века

по сравнению с Городельской хартией 1413 года; статья Городельского привилея конфессионального характера осталась неотменной. Несколькими шире по содержанию второй привилеи 1434 года. Являясь в большинстве статей повторением хартии, изданной два года назад, привилеи вводил в жизнь кое-что новое: государь обещал никого не карать и не наказывать по тайному или явному доносу иначе как по суду, отправленному по обычаю земли. Затем привилеи освобождают княжеских и боярских подданных и шляхту от платежей тягла, что еще требовалось привилеем 1413 года.

в) Привилеи Казимира IV. Следующий привилеи был опубликован 2 мая 1447 года. Условия его появления нам известны. В истории сословных отношений он имеет огромное значение, наглядно показывая, какого влияния шляхта уже достигла. Привилеи 1447 года подтверждал все прежние пожалования, распространял свое действие на все страны шляхетского сословия, как собственно Литвы, так и Руси, в широком смысле этого слова, с сохранением конфессиональных ограничений. Кроме того, привилеи давал новые привилегии, весьма существенные для политического влияния и значения военнотруженического класса: привилеи освободил шляхетских и мещанских подданных не только от платежа тягла и от барщинных повинностей на господаря, но и от платежа денежной подати — серебщины, за исключением постройки мостов, исправления замков, давания стаций с имений, пожалованных самим Казимиром, и предоставлял княжатам, панам, рыцарям, шляхтичам и боярам право свободного выезда за границу «для лучшего их счастья набытия, а любо учинков рытерских» (ст. 4), кроме страны неприятельской. Привилеи широко обеспечивали личные права статьями, подтверждавшими личную неприкосновенность и индивидуальную ответственность за преступление. Далее Казимир обязывался не принимать на свои земли частновладельческих крестьян: извечных, именитых, невольных, запрещая то же делать владельцам в отношении к господским крестьянам (ст. 12); отдавал в руки собственников суд над подданными: отныне подданные не могут привлекаться к великокняжескому суду, за исключением тех случаев, когда владелец не даст на них управы, но и в этом случае пени идут в пользу владельца. Наконец, великий князь обещал раздавать уряды, держания и владения только литовско-руским туземцам.

г) Привилеи 1492 и 1506 годов. Остальные шляхетские привилеи 1492 и 1506 годов нового шляхте ничего не дали, за исключением статьи о неповышении людей низшего звания под шляхтой. Их содержание всецело относится к аристократии как членам господарской рады.

Привилеи определили социально-политическое положение шляхты, сделали ее господствующим сословием в государстве и естественно уменьшив прерогативы верховной власти, так как сбор «серебщины» теперь мог производиться только с согласия самого военнотруженического класса, и это вообще было одной из причин дальнейшего роста его влияния,

постепенно лишавшего магнатов того значения, которым они пользовались в стране на основании привилеев 1492 и 1506 годов.

д) Привилеи XVI века. В XVI веке шляхетские привилеи не раз подтверждались, но нового они ничего не дали. Впрочем, привилей 1547 года подтвердил вольности «панов рад обоего стану, духовного и светского, римского и греческого, княжат, панят и всего рыцарства». Предыдущие привилеи как-то умалчивали о православных, и если православная шляхта фактически пользовалась ими, то все-таки это пользование было не вполне законно. После привилея 1547 года принадлежность к православию не могла быть причиной неиспользования шляхетскими правами со стороны русской шляхты; в 1563 году была отменена и конфессиональная статья Городельского привилея.

Общеземские шляхетские привилеи не отменяли действия тех статей уставных земских грамот, в которых говорится о местных шляхетских правах: так, Волынская грамота освобождает панских и шляхетских подданных от особой подати — воловщины, Киевская — от постановления езов для ловли рыбы: церковные, княжеские и панские подданные не должны ходить все на облаву. По Волынской и Киевской уставным грамотам предоставляется право шляхтичу отказаться от подсудности местному старосте и прямо перенести разбор своего дела на суд великого князя.

3) Определение шляхетства и состав его

а) Термин. В XV веке литовско-русское право не выработало точных юридических признаков, определяющих шляхетство того или другого военнослужащего человека. Изданные привилеи в этом отношении противоречили друг другу. Привилей 1387 года требовал только принятия католицизма; по привилею 1413 года необходимо было взять польские гербы; привилей 1432 года ограничивался дозволением брать гербы от литовцев, по соглашению последних со своими однопанскими, а в привилее 1447 года нет ни одного слова о том критерии, который мог служить определением шляхетства. Найти такой критерий было необходимо вследствие разнообразия в составе военнослужащего класса и неопределенности терминологии: в высшей степени было трудно провести раздельную черту между низшими разрядами служилого сословия и крестьянами — слугами, несшими военную повинность. Так, в XV веке для определения шляхетства были почти равнозначны три термина: боярин, шляхтич, имянин, но далеко не во всех местах государства эти термины имели тождественный смысл: например, на Волыни термин «боярин» не был в употреблении и собственно означал слугу, несшего военную повинность, но принадлежащего к высшим разрядам крестьянского сословия; в других местах боярин и шляхтич равнозначны. Мало-помалу для определения привилегированного сословия стали употреблять термин «шляхта», хотя он не убрал собою термина боярин, которому опять-таки можно было придавать различный смысл. Определить признаки шляхетства было необходимо, так как в Литов-

ско-Русском государстве было немало так называемых слуг панцирных, путных, конных, доспешных, щитных и просто бояр, лиц свободных от всяких повинностей, но с обязанностью несения ими самими и их потомками военной службы. Это впоследствии, на почве неясности терминологии и неточности признаков шляхетства, создавало немало судебных процессов: истцы доказывали, что они «зроду и из веков суть бояре-шляхта и здавна, с предков, службу земскую военную прикладом иных землян служивали».

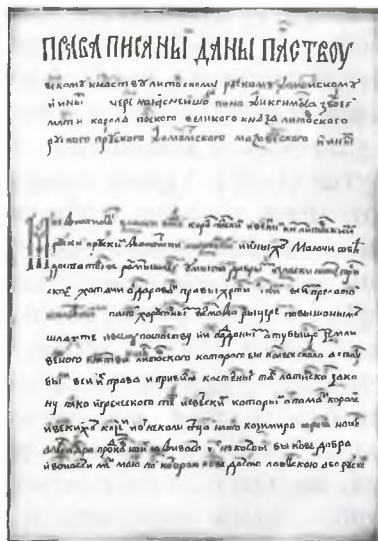
б) Обособление шляхетства. Обособление шляхетства началось в конце XV века, а в первой половине XVI века административная и судебная практика точно выработала признаки, без которых невозможно решить о ком-либо, прирожденный ли он шляхтич или нет. Это было тем более необходимо, что класс бояр-слуг постоянно увеличивался вследствие необходимости увеличивать военную силу государства. Немудрено, что жизнь создавала множество недоразумений: одни незаконно пользовались шляхетскими правами, другие, наоборот, незаконно их лишались, поднимая судебный процесс для восстановления своей чести.

в) Доказательства шляхетства. Все это и заставило правительство вместе со шляхтой, в руководство для будущего, издать в 1522 году «сеймовую ухвалу». Устав 1522 года весь построен на принципе давности: если шляхтич, доказывающий свое шляхетство, представит двух шляхтичей, которые присягнут, что он от прадеда одного с ними рода и брат им по крови, то шляхетство утверждается за ним. Устав 1522 года допускает и одного свидетеля под условием принесения присяги лицом, доказующим свое шляхетство. Впрочем, присягу можно заменить документами, указывающими на истаринность боярской службы его предков.

Но на практике шляхетство доказывалось и другими средствами, и Статут 1529 года допускает не только показание двух свидетелей, так как таковых из рода отца и матери может не оказаться, но и показание бояр-шляхты околичной. Чужеземцы могут ссылаться на официальные документы, удостоверяющие их благородное происхождение. Доказавшие свое шляхетство были переписаны в 1528 году, и впоследствии ссылка на попис 1528 года служила доказательством шляхетства, а в 1529 году по дворовому уставу Сигизмунда I бояре-слуги были обложены тяглыми службами, и тем самым резко проведена демаркационная черта между боярами-шляхтой и боярами не шляхтой. Последующее законодательство действовало в том же направлении. Таким образом, ядро «прирожденных шляхтичей» составили потомки тех лиц, которые в эпоху первых привилеев исполняли «боярскую службу».

г) Приобретение и потеря шляхетства. Роды шляхетства не оставались замкнутыми: общее количество шляхты постоянно увеличивалось благодаря пожалованиям. Обыкновенно великий князь возводил в

шляхетское звание ратных людей, разных дворцовых и канцелярских чиновников. Всем им жаловались вольность, свобода и право шляхетское, и утверждался герб, который, в конце концов, являлся лучшим показателем шляхетского происхождения того или другого лица. О получении герба стали хлопотать и те, кто его раньше не имел. Шляхетство жаловалось не только за личные заслуги: принимались во внимание заслуги братьев, родственников. Шляхетское звание, так или иначе приобретенное, могло быть по разным причинам утрачено. Последующее законодательство, в Статутах 1566 и 1578 годов, определило преступления, за которые по суду утрачивается шляхетское звание.

Статут Великого княжества Литовского. 1529 год

д) Разряды шляхетства. Из всего сказанного видно, что состав шляхетского сословия далеко не однороден, несмотря на однородность пожалованных прав. Статут 1529 года, кодифицировавший литовско-русское право, отметил неоднородность в составе шляхты. Статут делит шляхетский стан на два разряда: высший и низший. К первому относятся прелаты, княжата и паны хоругвовные, ко второму — рыцарство-шляхта. Сообразно этому в Статуте 1529 года рядом со статьями, имеющими отношения ко всему шляхетскому сословию без различия его разрядов, встречаются статьи, относящиеся специально к высшему разряду шляхетства.

4) Права шляхетства

Привилеи 1387—1506 годов в общих чертах наметили ту сумму политических и гражданских прав, которыми пользовалось шляхетское сословие.

Статут 1529 года повторил все права, полученные шляхтой при посредстве привилеев, пополнив их некоторыми новыми и более подробно развил некоторые статьи привилеев. Сообразно делению шляхетства на два стана, и законодательство Статута о шляхетстве делится на два вида: общешляхетское и поразрядное. Коснемся сначала первого.

а) Общие права. На первом плане стоит охрана личной неприкосновенности. Всякого шляхтича можно подвергнуть судебной каре и другим правоограничениям только по суду явному, основанному на основании достаточных свидетельств (раздел I, 1). Нельзя без вины отнять у шляхтича «разные держания» (III, 5). Ответственность за преступления должна быть индивидуальной (I, 7). Для всех устанавливается одно право (I, 8). За шляхтой остается право ненарушимого владения недвижимым имуществом: «отчиной тож и имениями, пожалованными от господаря», но право распоряжения происходит только в рамках, установленных законом (III, 9; I, 17); право свободного выхода замуж вдов

и дочерей. Шляхетские подданные освобождаются «от платов и от подвод и от работ», за исключением «стародавних звычайных обычаев»: «подымование стаций, звычайных мосты старые поправляти, и там же на тых старых мостах дельницы свои знову будовати мостов новых будования и подвод под гонды наши дованя, где зстародавна давали суть» (I, 22). Укрепляется вотчинная юстиция (VI, 10). Шляхтичи имеют право поездки за границу «для получения учинков рыцарских», за исключением неприятельской земли (III, 8), и уезда «с движимым имуществом от панов, которым они поддались» (III, 15). К политическим правам шляхты можно отнести установление новых законов на вольном сейме (VI, 1), право участия выборных шляхтичей в количестве двух на суде княжеских урядников (VI, 3). Наконец, практика говорила еще о праве шляхты участвовать в избрании государя и решении разных государственных вопросов. Впрочем, порядок участия на сеймах не для всех был одинаков: паны лично являлись на сейм, а шляхта призывалась поголовно, и только при Сигизмунде I появляются первые зародыши ее постоянного представительства.

б) Права литовско-русской аристократии. Особые права литовско-русской аристократии можно представить в следующем виде. За аристократией закрепляется ее положение, созданное привилегиями 1492 и 1506 годов (III, 1): она освобождается от подсудности провинциальной администрации (VI, 1), она призывается на суд господаря за 4 недели до срока (VI, 4), жалобы на радных державцев подаются не воеводе, а господарю или панам-раде (VI, 1), наконец, князья и паны имеют право выступать на войне под собственной хоругвью (II, 2), выставляя отряды вооруженных бояр и слуг.

в) Права рыцарства. Низший разряд шляхты имел свои особые права, закрепленные Статутом: шляхтича можно привлекать к суду только судебными повестками; десятского для привода на суд можно посылать только после двукратной повестки (IV, 4); шляхтичи неподсудны державцам, которые недавно были тивунами (VI, 33); на суд провинциальный — воеводы, старосты, маршалков земского и дворного, державцев — поступает апелляция к государю и панам-раде, если административные должности были заняты лицами из среды панов-рады (VI, 1); если державца был не из панов, то апелляция поступает к воеводе (VI, 1); шляхтич, поддавшийся под какого-нибудь пана, имеет право в любой момент уйти от него вместе с движимым имуществом (III, 15), но пока он находился под паном, он подлежал юрисдикции последнего. Наконец, за шляхетством оставалось право во время судебного процесса оправдываться от возводимого обвинения посредством присяги, принимающей в таком случае характер неопровержимого доказательства (I, 4; III, 2; VII, 21–22), а также право на усиленное вознаграждение за посягательство на жизнь и здоровье.

г) Шляхетское землевладение. Помимо указанных выше правовых отличий, жизнь создала весьма крупное различие в сфере землевладе-

ния. Практика жизни различала три вида землевладения: к первому относятся имения, над которыми нет верховного собственника, с государем собственники связаны только отбыванием военной повинности; ко второму и третьему относятся имения, над которыми верховным собственником был государь или крупный пан, которые могли свое владение в любой момент передать в руки другого лица, а шляхта, не желавшая быть под его рукой, должна была уйти с земли. Впрочем, впоследствии шляхте удалось закрепить за собою отчинные имения, приравняв их к первому виду землевладения, в том отношении, что такие земли не могли быть никому отданы.

5) Повинности шляхетства

Главной государственной повинностью всей шляхты, не исключая и духовенства, была военная служба, соединенная с правом землевладения. Все землевладельцы, какого бы рода собственность они ни имели, должны были являться на войну «подле ухвалы» земской. А земский Устав в 1528 году постановил, что один конь, то есть всадник, выставляется с 8 крестьянских служб. Все должны становиться под своею поветовой хоругвью, за исключением «панов хоругвонных», выходявших под своею хоругвью (II, 2). От службы освобождала болезнь при условии выставления на свое место сына или слуги (II, 5); неявка на войну влечет за собою потерю имения (II, 7), как и самовольный отъезд домой (II, 11). Духовенство должно было отбывать лично службу «с закупного имения»; в других видах землевладения оно освобождалось от личной военной службы (II, 3).

2) МЕЩАНЕ

По мере выделения шляхетского сословия происходило выделение в особенную общественную группу и мещанского сословия. Это процесс давнишний. Уже ко времени татарского ига в русских областях начала порываться связь между городом и волостью благодаря развитию частного землевладения и развитию частной торговой деятельности в некоторых из русских городов. Появление городов в Литве — факт довольно поздний: по существу, это были первоначально крепости, охранять которые и поддерживать составляло обязанность всего населения. Но и тут подрывалась связь с округой, благодаря образованию многочисленного военнотрудового класса, на обязанности которого лежала военная защита страны. Собственно городские жители, не имевшие земли за чертой города, не несли военной повинности, и вся

Ремесленники-оружейники. С гравюры XVI века

защита города ограничивалась починкой городской стены и содержанием стражи. В городах жители стали заниматься ремеслами и торговлей, и это еще более отделило их от землевладельческого и земледельческого населения. Конечно, не во всех городах были для этого подходящие условия, но относительно некоторых это можно сказать с уверенностью: в Литве, Белоруссии, в землях Полоцкой, Витебской, Смоленской и Северской, наконец, на юге — в западном Подолье и Волыни были города, где промысел и торговля в большей или меньшей степени были развиты, что зависело преимущественно от близости или отдаленности заграничных рынков.

Магдебургское (немецкое) право Литовское правительство прекрасно учитывало значение торговли и промышленности для государственного хозяйства и принимало ряд мер в их интересах. Одной из таких мер являлось пожалование городскому населению магдебургского права, прививавшегося не без польского влияния. Правительство в интересах развития торговли и промышленности даровало городам так называемое магдебургское право — выработавшееся на западе самоуправление — с целью пробуждения самостоятельности города. Магдебургское право прививалось довольно быстро, так как в быту городов были некоторые данные для его восприятия, что, несомненно, содействовало их процветанию. Получение городом самоуправления было все равно неизбежно, а немецкое право давало внешнюю форму ему, нисколько не убивая местного права и местных обычаев. Дальнейшее падение городов надо ставить в связь с падением заграничной транзитной торговли и с изменением торговых путей в связи с развитием денежного хозяйства в Европе, а также с нарушением равновесия в сословных отношениях благодаря исключительным торговым привилегиям шляхты. Немецкое право по Руси распространялось постепенно: началось его распространение с собственно Литвы, идя от нее по радиусам к окраинам. В 1387 году получает немецкое право Вильна, в 1390 году — Берестье и Подлясье, в 1391 году — Гродно и Ковно, через который шла торговля воском за границу. При Витовте магдебургское право получает ряд городов по Бугу: Берестье в 1408 году, Дорогичин в 1429 году, Бельск в 1430 году. При Свидригайле в 1432 году — Луцк, Кременев в 1438 году. Затем идут Полоцк в 1498 году, Минск в 1499 году. Особенно сильно распространялось магдебургское право в XVI веке, когда Литва переживала исключительный торгово-промышленный подъем и когда уже обрисовались наиболее важные торговые центры. Сущность магдебургского права заключалась в освобождении городского населения от юрисдикции местной администрации и предоставлении городу сословного самоуправления на корпоративных началах. В городах устанавливался свой суд, им предоставляется право заботиться о городском благоустройстве, развитии торговли и промышленности. Конечно, формы самоуправления в разных городах отличались друг от друга. Обыкновенно при первоначальном даровании магдебургского права во главе города стоит войт,

назначаемый государем: в руках войта сосредоточивалось управление и суд над горожанами по уголовным делам. Обычно войт судил не один, а совместно с лавниками — пожизненными присяжными из мещан. Текущее управление находилось в руках совета-рады; ее члены-райцы назначались войтом из кандидатов общины. Совместно с радой войт выбирал бурмистров, двух и больше, бывших представителями городского совета. В конце года рада отдавала отчет в своей деятельности перед всем послульством. На раду можно было жаловаться войту, последний находился под юрисдикцией самого великого князя.

Впоследствии городам удалось выкупить должность войта. Тогда выдвигается на первый план городской совет, ведавший полицию, гражданский суд и городские имущества, надзиравший за торговлей, правильностью мер и весов и отчасти смотревший и за нравственностью граждан. Рада издавала обязательные постановления, и все послульство обязано было их исполнять. Когда должность войта была выкуплена, то рада составлялась по-другому. Городская община была совершенно устранена от участия в ее пополнении: рада сама выбирала членов на место выбывших. Тогда же и выбор лавников перешел к раде. При таком положении дела послульство, в широком смысле этого слова, было лишено участия в управлении, которое сосредоточилось в руках купеческой аристократии, захватившей раду. В городах началось брожение, и кое-где городскому послульству, ремесленникам, разбившимся на цехи, удалось добиться организации особого городского совета из 40 членов, захватившего в свои руки законодательную власть. Такова сущность магдебургского права в теории. На практике часто бывало по-другому: в городах не было отдельной рады и лавничьего суда. Часто то и другое составляло одно собрание. Количество райцев и бурмистров в городах было разное. В городах с населением православным и католическим положение дел ухудшалось от нетерпимости католицизма. Вмешательство королевских урядников, которые часто «делали кривды великие», также не могло благоприпятствовать правильному развитию городского самоуправления. Города, получившие немецкое право, освобождались от разных натуральных повинностей, взамен чего платили в казну денежные подати с разных торгов и промыслов. По примеру господаря немецкое право раздавалось и крупными землевладельцами, которые вмешивались постоянно в городскую жизнь и обыкновенно сводили на нет дарованное право.

Обособление городов

Магдебургское право, конечно, резко обособило городское население от других разрядов населения. Правда, мещане пока не лишились права землевладения и несли с земель военную службу, но и последнее фактически только терпелось уже в эпоху первого Статута. Не удалось городам завоевать и представительства на вальных сеймах, на которых законодательствовала шляхта, издавая законы узкословного характера и подрывая тем самым город как торгово-промышленную единицу.

3) СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Холопы

Институт рабства был знаком Руси в киевский период истории: литовско-русское право его хорошо знает под именем «паробков», холопов. Его хозяйственное значение было двояко: часть челяди употреблялась в качестве дворовых слуг, получая содержание от собственника; другая часть жила за двором, на небольших земельных участках, «приробках», и имела свою собственную движимость — бонду. Юридически между этими двумя разрядами нет никакой разницы: вся невольная челядь лишена какой бы то ни было гражданской правоспособности. Невольниками становились дети рабов, пленники, неволю влек брак свободной стороны с несвободной; кроме того, смертную казнь можно было заменить рабством, неоплатный долг также вел к невольничеству. Статут 1588 года уже не знает невольничества, приравняв невольников к отчичам. Трудно определить количество невольников вообще в частных имениях, но в господарских имениях в половине XVI века общее число их незначительно, благодаря изменившимся условиям хозяйства и усиленной эксплуатации собственно крестьянского населения. Невольников могли иметь только одни христиане, хотя первоначально их имели и служебные татары.

Крестьяне

Положение крестьянства в Литовско-Русском государстве изменялось по мере роста шляхетского сословия. Раскрепощение последнего вело к постепенному закрепощению первого, и ко времени опубликования первого Статута можно считать институт крепостного права достаточно сложившимся с резко выраженным личным характером. Такова в общих чертах судьба крестьянства, жившего на частновладельческих землях. Подобный же процесс совершался и в жизни государственных крестьян, с тою только разницей, что здесь закрепощение совершалось значительно позже, начиная со второй половины XVI века, в связи с аграрной реформой Сигизмунда Августа. Следует, впрочем, заметить, что хорошо знакомого северо-восточной Руси термина «крестьянин» литовско-русское право совсем не знает, употребляя выражения: мужики, подданные. Литовско-русское крестьянство вообще не было однородной массой по своему составу. В зависимости от повинностей, которые они несли, сидя на земле частновладельческой и господарской, крестьяне делились на несколько разрядов: 1) людей тяглых, 2) данников и людей специальных служб, 3) слуг-путников и панцирных бояр. Характер повинностей того или другого разряда определялся в зависимости от характера господарского или частновладельческого хозяйства.

а) **Тяглые люди.** Тяглыми, дякольными, людьми назывались крестьяне, обязанные исполнять всякого рода хозяйственные работы и платить оброк. Эти тяглые люди составляют главную массу крестьянского населения как основная рабочая сила господарских и частных имений. Тяглые сидели на особых участках, с которых и несли свою службу.

Такой участок назывался в разных местностях по-разному. Часто на участке жило несколько семей. С начала XVI века увеличивается издельная повинность крестьян благодаря развитию в некоторых местностях сельского хозяйства. Натуральные повинности, в XVI в. иногда переключиваемые на деньги, назывались «дякло и мезлева» — подати со всего того, что уродилось в крестьянском хозяйстве. Кроме того, тяглые люди давали подводы, когда это требовалось для нужд пана или господаря.

б) Данники. К тяглым людям по своему юридическому состоянию тесно примыкали крестьяне, несшие разные специальные службы по хозяйству и промышленности, — данники; впрочем, громадное число последних сидело на господарских землях в подвинских и поднепровских волостях, где для развития промыслового хозяйства были наиболее подходящие условия. К этой группе можно отнести сокольников, бобровников, бортников, осочников, псарцов, ловцов, свинухов, конюхов, кобыльников, дойлиц, плотников, рудников, рыболовов, дегтярей, млынарей. К данникам относятся также лица, платившие государю дани из доходов, получаемых от эксплуатации местных угодий. Такие данники платили дань медовую, бобровую, куничную.

в) Слуги путные. Высшим слоем крестьянского населения являлись слуги путные, щитные, доспешные, конные. Они несли военную службу, исполняли всякого рода поручения, связанные с разъездами, но, кроме того, отбывали тягло, правда в незначительном размере, что и приближало слуг в юридическом отношении к тяглым людям.

а) На частновладельческих землях. Развитие в Литве частного землевладения — факт довольно ранний, вместе с ним постепенно исчезали землевладельцы-крестьяне, а внешние и внутренние обстоятельства, конечно, благоприятствовали этому процессу обезземеления. Крестьянам приходилось садиться на землях частновладельческих на известных условиях, причем последние отнюдь не ограничивали их юридической свободы. Крестьянин был вольным, «похожим» человеком и мог уйти, когда хотел. На деле этого не было: крестьяне подолгу сидели на одном месте, обзаводились хозяйством и старались увеличить его доходность, передавали его по наследству, меняли. Собственники не обращали на эти сделки никакого внимания, то есть фактически одобряли их, заинтересованные только в правильном отбывании повинностей и платеже даней.

Но мало-помалу вся эта крестьянская масса закрепощается, появляется особый род «непохожих» людей, потерявших право выхода. Для

Крестьяне XV в. С рисунка Я. Матейко

Положение крестьян

На панщине. С гравюры XVI века

на одном участке, непохожими, «извечными», и, согласно привилею 1447 года, таких людей нельзя было принимать на господарские земли. Так возникло прикрепление крестьян к тяглу, к службе, а шляхетские привилеи придали возникшему крепостному праву характер личной зависимости, освободив частновладельческое крестьянство от платежа дьяла и других государственных повинностей, а также от господарского суда, с передачей под присуд своего пана. Литовский Статут 1529 года, поскольку он касается крепостного права, также указывает на личный характер прикрепления отчинных людей. Статут допускает возможность покупки крестьян без земли (раздел I, 8, 15; VIII, 21), передачи их по наследству (V, 14). Так постепенно крестьянин становился подданным своего пана. Последующее законодательство не отменило класса вольных людей, но в течение XVI века он почти исчез фактически, и крестьянство превратилось в тяглецов, имущество которых составляло собственность помещика.

б) На землях господарских. Положение крестьян, живших на землях государственных, было несколько иное. Нельзя забыть, что в лице литовского великого князя они имели не только обыкновенного пана, но также и государя, подданными которого они всегда были. Это последнее обстоятельство и мешало литовскому великому князю превратиться в обыкновенного пана. И на господарских землях был особый разряд крестьян, называемых «отчичами», но положение этих отчичей было другое, чем частновладельческих. Отчичи не были прикреплены к лицу своего государя: они могли уйти, посадив на свое место другого человека и переложив на него все лежавшие на себе службы. Но даже и такое обязательное прикрепление было далеко не повсеместным. Нет никаких следов раннего прикрепления в поднепровских и подвинских волостях. Впрочем, разница в юридическом положении тех и других зависела от системы использования их труда со стороны правительства. В собственно Литве и Черной Руси правительство имело дело с отдельными, разной величины, службами крестьян, и оно следило за точным их выполнением. В Поднепровье и Подвинье еще существовала в первой половине XVI века волость. Правительство накладывало повинности на волость общую суммою, а раскладка ее между членами волости происходила на волостном

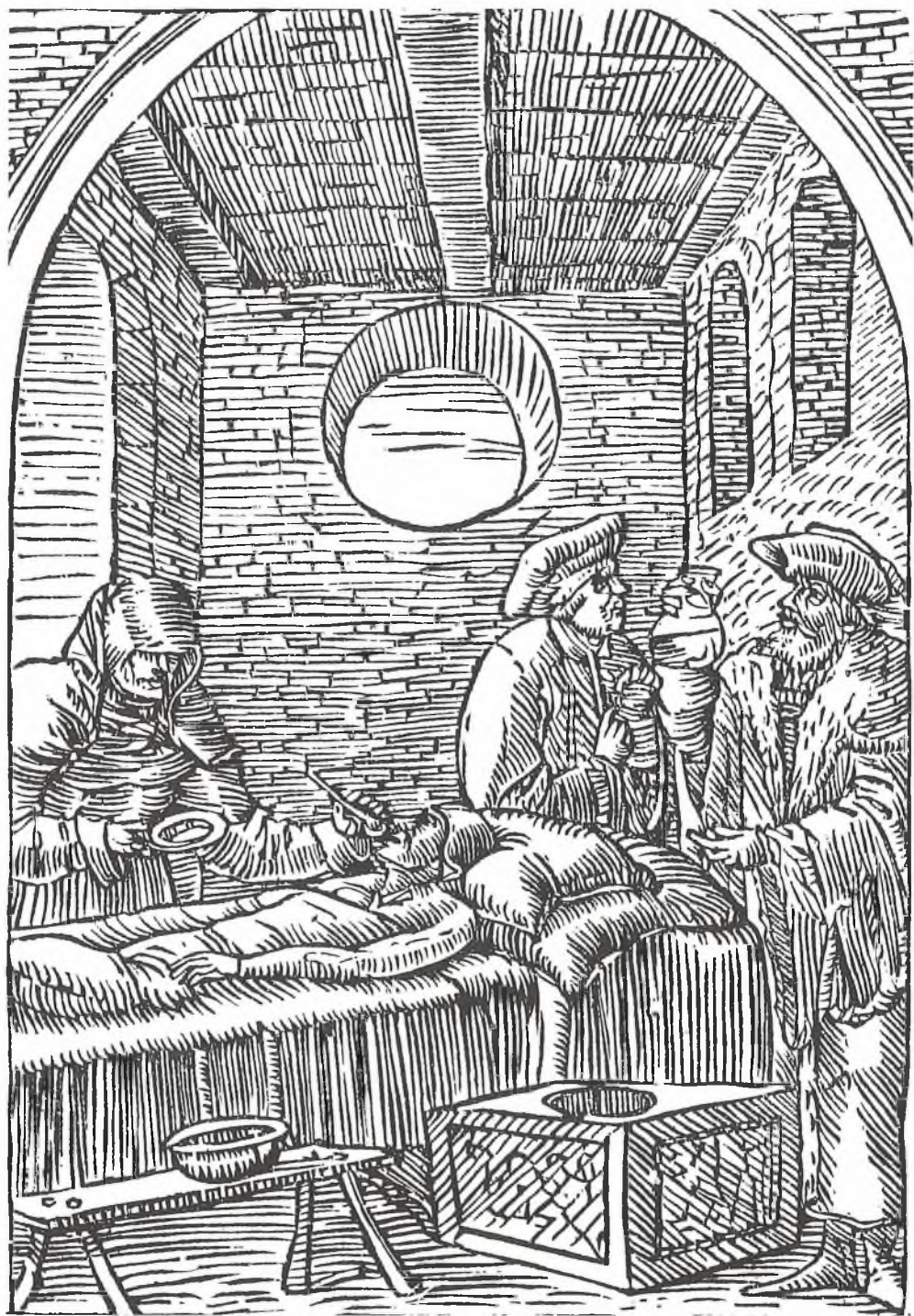
Цирюльник. С гравюры XVI в.

Аптека. С гравюры XVI в.

Лаборатория аптеки. С гравюры XVI в.

Лекарь с больным. С гравюры XVI в.

Кровопускание. С гравюры XVI в.

Роды. С гравюры XVI в.

Лекарь и женщина с травами. С гравюры XVI в.

Певцы. С гравюры XVI в.

вече. Вече выбирало особых панов — старцев: они исполняли постановления веча, собирали следуемые дани и отдавали администрации. Они же отстаивали самостоятельность волости от въездов в нее администрации и нарушения «звыклых обычаев». В западной половине княжества общеволостная организация довольно рано сошла со сцены: с переходом к земледелию сохранить ее, конечно, было невозможно. Этим объясняется устройство крестьянских служб, которое давало возможность более точного определения скарбовых доходов. Что касается восточной половины, то здесь и в половине XVI века промысловое хозяйство являлось доминирующим, и земледелие почти не имело места. Восточная половина княжества как раз и пополняла королевский скарб теми «данями», которых не могло дать дворцовое хозяйство на западной половине. Этим объясняется, почему правительство сохраняло волостную организацию и удовлетворяло ее жалобы на администрацию. Но в половине XVI века заметно разложение волостной организации. Волость пустеет. Жители разбегались, а оставшимся было не под силу платить повинности полностью. Поэтому правительство перестало выпускать «отчийей» и требовало их обратно, запретив державцам принимать их в другие волости. В общем, и здесь намечалась тенденция иметь дело не только с волостью, а и с крестьянской службой.

Волочная реформа

Во второй половине XVI века правительство наметило и осуществило грандиозную аграрную реформу, совершенно изменившую юридическое и экономическое положение господарского крестьянина. Аграрная реформа совершенно разрушила старые формы крестьянского уклада. Необходимость аграрной реформы уже давно чувствовалась, а во второй половине века она стала прямо-таки настоятельной. 1. Надо было поднять доходность дворцового хозяйства в целях увеличения ресурсов господарского скарба, который переживал хронический кризис благодаря обострившимся внешним отношениям. 2. Да и независимо от Литвы его состояние было не блестяще: революция цен в Европе вызвала такое же понижение ценности серебра и в Литве, что было особенно ощутительно именно здесь благодаря слабому экономическому развитию Литвы. 3. К тому же перемена направления торговых путей, повлекшая упадок прибалтийских стран, сократила до минимума транзитную торговлю и вызвала уменьшение мытных пошлин. 4. Правительство и в начале XVI века вывозило в Европу разного рода сельскохозяйственные продукты. Теперь на них был особенный спрос. Удовлетворить потребности рынка только и было возможно путем интенсификации сельского хозяйства, а ее-то имела в виду аграрная реформа Сигизмунда II Августа. Сущность реформы заключалась в более точном определении размеров крестьянских участков, равномерном их распределении между крестьянами, при условии фиксации платежей и повинности. До сих пор крестьянские участки были неравномерны, и не было никакой определенной системы в определении платежей, да и

собственно господарская пашня была относительно небольших размеров. Перемерив всю землю и разделив ее на однообразные участки — волоки (около 19 1/2 десятин), правительство раздало крестьянам однообразные участки и ввело однообразные повинности, с выделением части земли и угодий под собственно господарскую пашню, продукты с которой предназначались для иностранного вывоза. Такая волочная помера была введена в некоторых имениях еще Сигизмундом I; его сын в 1557 году задумал ввести ее во всех областях, за исключением Подвинья и Поднепровья: там она была введена в конце XVI и начале XVII века. С переходом к волочной помере вводилось принудительным путем трехполье. Волочная устава убила последние остатки волостной организации и поставила крестьянина в непосредственные отношения к державцам и старостам. Обыкновенно крестьяне получали по одной волоке, высшие разряды — по две. Если остались волоки неразобранными, то они раздавались крестьянам под условием платежа чинша. Введение новой устава сопровождалось бегством крестьян, не желавших примириться с новыми аграрными отношениями. Производя померу земли, иногда мерники «припускали» и соседние земли на шляхетском праве, отчего создавалось множество исков. Иногда в интересах хозяйства допускалась мена имениями между паном и господарем. Повинности крестьян были точно определены и большею частью переложены на чинш. Конечно, новые хозяйственные отношения могли поднять доходность крестьянского хозяйства, но бдительный контроль администрации в лице войта парализовал крестьянскую инициативу и приводил часто к обратным результатам.

Волочная помера не прикрепила крестьянина к земле: и теперь он мог уйти, посадив на свое место другое лицо, но фактически это было невозможно, так что количество «вольных» все более и более сокращалось. Крестьянину приходилось оставаться на своем участке, всецело предоставленному опеке мелкой администрации. Последняя же блюла не только интересы фиска, но и свои собственные. Благодаря этому экономическое положение крестьянства только ухудшалось, а свобода ухода сменялась крепостной неволей.

IX. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

1) ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, ОРГАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Власть великого князя литовского

В половине XV века в Литовско-Русском государстве исчезли последние остатки удельной системы. Великий князь очутился во главе единого, но сложного по форме государства, князем-отчичем всех земель княжества. По существу, великий князь — неограниченный монарх, его действия не свя-

заны никакими правоограничениями, и таким он оставался до конца XV века, когда ему пришлось разделить власть с панам-радой. Но по отношению к землям-аннексам суверенитет великого князя сталкивался с правами земель, неоднократно подтверждаемыми господарями, хотя в пределах «права земли» его власть оставалась неограниченной. Только в Литве по примыкавшим к ней землям да в разбросанных по территории господарских волостях суверенность его власти была полная. Здесь не происходило столкновения права земли с волей великого князя. По отношению к последнего рода землям великий князь являлся настоящим князем-вотчинником, чего сказать нельзя относительно земель-аннексов.

Круг его деятельности

Обычный круг деятельности литовских господарей трудно очертить с известною определенностью, но, во всяком случае, он был необыкновенно разносторонен и широк. В руках господаря сосредоточиваются все нити управления как в области внешней, так и внутренней политики. Он принимает меры по обороне страны, издает законодательные акты и назначает должностных лиц, непосредственно разбирает юридические казусы. Положение его в стране двойственное — он не только «господарь», но и богатейший вотчинник: доходы с господарских вотчин составляли едва ли не главную доходную статью великокняжеского скарба. Великому князю приходится быть не только государем в полном смысле этого слова, но и сосредоточить в своих руках верховный надзор по управлению господарскими имениями.

Выступая в качестве верховного распорядителя—государя, великий князь был завален массой всяких дел. Великий князь утверждал собственной властью всякого рода сделки с недвижимыми имуществами, разбирал поземельные тяжбы, дела о грабеже, насилии, бесчестии. Великий князь держался того взгляда, «что винен его милость каждому из подданных своих, а злыща тым, которые с жалобами своими не з его милость приходят, справедливость делати з вирхности свое господарское».

Центральное управление

Двойственное положение великого князя отразилось на составе органов центрального управления. Появление одних приходится поставить в связь с необходимостью вести дворцовое хозяйство, появление других связано с заботами об интересах государства, так как падение уделов поставило перед литовским господарем ряд задач и целей в области внешней и внутренней политики, осуществление которых было невозможно без посредства соответствующих должностных лиц. Это и вызвало появление органов центрального управления, земских по своему характеру.

а) Дворцовые порядки. Общее количество дворцовых урядников было значительно, что отчасти вызывалось усилием придать великокняжескому двору больше пышности. К числу дворцовых урядников можно отнести маршалка земского и дворного, на обязанности которых лежало устройство придворных церемоний, прием гостей, приехавших к господарю, отведение квартир «станам», съехавшимся на сейм,

Маршалок

опубликование различных обязательных постановлений в местах пребывания господарской квартиры, начальство над господарскими дворянами, служившими при дворе и исполнявшими различные правительственные поручения административного и судебного характера. Обязанности маршалка при великой княгине выполнял «охмистр». Такое же придворное значение имел «подचाший», ведавший напитки, подаваемые к господарскому столу; чашник, наливавший напитки господарю; крайчий, разрезавший кушанья, подаваемые к столу великого князя; стольники и подстольи, заведовавшие сервировкой великокняжеского стола;

кухмистр заведовал придворными конюшнями, ловчий — охотой; подкоморий — порядком и убранством внутренних покоев; ложеничий — господарской опочивальней; мечник, державший меч перед великим князем во время различных торжественных церемоний. К числу таких же придворных урядников можно причислить и подскарбия дворного, специально ведавшего господарское имущество — доходы, поступавшие на содержание великокняжеского двора; эти доходы составлялись из «личных» имений господаря и поступлений из общего земского скарба.

Под началом всех этих придворных чинов находилось множество низших служителей, получавших за свой труд вознаграждение дачею земли, денег, сукон, шуб, хлеба.

б) Земские уряды. К органам земской центральной администрации относится подскарбий земский, заведовавший всеми поступлениями в господарский скарб и проверявший отчетность местных агентов по сбору государственных налогов, выдававший из «скарба» деньги или вещи по приказанию господаря и составлявший кассовую отчетность. Кроме того,

подскарбий земский хранил в «скарбе» подлинники договоров с иностранными державами и другие подлинные акты, литовскую метрику, разные государственные регалии: скипетр, меч, хоругвь, а также огнестрельное оружие и боевые припасы. Общее управление финансовым хозяйством находилось в руках господаря и его рады: подскарбий земский являлся пока только исполнителем чужой воли и не имел никакого самостоятельного значения. Иногда обязанности подскарбия земского возлагались на подскарбия дворного, преимущественно в отсутствие первого. Большое значение среди центральных органов имел канцлер, обыкновенно в то же время занимавший должность виленс-

Подскарбий

кого воеводы. Он являлся управителем государственной канцелярии, состоявшей при великом князе и панах-раде. Государственная канцелярия облекала в письменную форму все законодательные, судебные и административные распоряжения господаря и радных панов. В государственной канцелярии изготовлялись и разного рода дипломатические документы: грамоты к соседним государствам, инструкции послам. Тут же составлялся государственный архив — литовская метрика. Канцлер великого княжества являлся также хранителем государственной печати, скреплявшей документы, выходившие из государственной канцелярии. Выдача всякого рода документов могла производиться только с воли господаря, выраженной тем или другим путем. Под началом канцлера был целый штат секретарей, писарей, дьяков.

В руках гетмана наивысшего сосредоточивалось командование армией во время войны. Великий князь во время войны передавал ему функции главнокомандующего. Власть гетмана как главного военачальника была обширна: все находившиеся в армии, без различия звания, должны были его слушаться, как самого господаря. В его руках был суд над виновными в нарушении военной дисциплины, а также над всеми состоявшими под его командой, по жалобам друг на друга и по жалобам на них со стороны местных обывателей. Заботы же о снаряжении армии, ее комплектовании, снабжении жизненными припасами — это оставалось в руках господаря и панов-рады.

**Характер
земских урядов
и изменения
в половине
XVI века**

Отличительной чертой вышеупомянутых земских урядов княжества являлось то, что ни один из них в период самостоятельного существования княжества не выделился в самостоятельное ведомство с более или менее определенным кругом действий. Собственно, все эти «урядники» были только исполнителями решений великого князя и панов-рады и ни в чем не могли проявить своей самостоятельности. Всякое проявление деятельности с их стороны требовало соответствующего приказа от великого князя и панов-рады. Но в 60-х годах XVI века уже замечаются существенные изменения в положении некоторых урядов. Так, подскарбий земский — не только казначей, он уже может действовать по собственной инициативе: отдача в наем господарских имений, выдача денег на расходы, награждение и смена сборщиков налогов — все это было предоставлено собственной инициативе подскарбия; наконец, в 1568 году заведование монетным делом также перешло к нему. Изменилось и положение гетмана наивысшего. Он — не только фельдмаршал, но и военный министр: комплектование армии находится в его руках, как и снабжение ее жизненными припасами. Гетман может в интересах государственной обороны по собственному усмотрению распоряжаться бюджетом армии. Все это определилось только почти накануне Люблинской унии.

Великий князь и господарская рада упустили из своих рук кормило правления, отдав его в руки шляхетского народа, выступавшего на

сеймах в роли законодателя. Применение в жизни сеймовых постановлений требовало самостоятельности от должностных лиц. Это и было основной причиной перемены в положении подскарбия земского и гетмана наивысшего, превратившихся из агентов великого князя и пановрады в исполнителей сеймовых постановлений.

Областное управление

От характеристики великокняжеской власти и органов центрального управления — естественный переход к областному управлению. Последнее находится в теснейшей связи с областным делением. Для обозначения последнего употреблялись различные термины, как-то: волость, держава, повет. Этими названиями обозначались и крупные территориальные единицы, развивавшиеся по старым удельным княжениям или землям, и малые территориальные единицы. Впрочем, с течением времени слово «волость» исчезло из официального языка, и для обозначения правительственных округов стали употребляться только два термина: держава и повет. С начала XV века намечается новое территориальное деление: собственно Литва с Русью литовской, Полесьем и Подляшьем делится на два воеводства: Виленское и Трокское, и слово «воеводство» стало обозначать наиболее крупное территориальное деление. С начала XVI века воеводства стали называться и земли-аннексы: Киевская, Полоцкая, Витебская и Смоленская; Жмудская и Волынская земли носили название староств. Благодаря появлению нового более крупного областного деления державами и поветами стали называться подразделения воеводств, причем размеры этих округов по-прежнему отличались поразительной неравномерностью. С исчезновением удельной системы в областях сидели наместники, впоследствии воеводы и старосты, представители великокняжеской власти. Воеводы и старосты получали свои должности от великого князя. Должности обыкновенно были пожизненны, если только великий князь не жаловал их какой-нибудь новой, более высокой, должностью. В некоторых землях-воеводствах великому князю приходилось считаться с желанием населения как в назначении, так и в смене воевод и старост. Положение воевод и старост двоякое. С одной стороны, они — представители

территориального единства земли-воеводства, в руках которых сосредоточивалась высшая судебно-административная власть. Кроме того, воеводы и старосты были начальниками над военными силами области. В этом отношении к ним перешли функции прежних удельных князей. С другой стороны, в их ведении находились некоторые волости-державы, прилежавшие к главным городам областей. По отношению к этим державам воеводы и старосты были обыкновенными наместниками-державцами. Воеводы и старосты заведуют хозяйством в господарских имениях, как обыкновенно приказчики, являются сборщиками

Воевода

податей и пошлин и вообще финансовыми агентами господаря; они были комендантами местных крепостей и принимали меры по обороне территории, будучи также командирами части областного ополчения, которое они сами снаряжали под своей личной ответственностью. Кроме того, воеводы заботились, чтобы в их державе земля не лежала без службы, и поэтому раздавали пустошчины в земскую службу, но воеводское пожалование нуждалось еще в особом господарском разрешении. Иногда в своих державах воеводы имели и судебную власть над всеми жителями державы, за исключением только тех лиц, кто пользовался иммунитетом: дела о шляхетстве были изъяты из ведения воевод, старост и державцев.

Староста

По некоторым гражданским и уголовным делам в Киевской и Волынской землях воеводы, старосты и державцы не могли приводить в исполнение приговора до указа государя. Впрочем, подсудность населения воеводам, старостам и державцам была факультативна. Стороны всегда могли, минуя местные уряды, обратиться к суду господаря. Статут 1529 года требует, чтобы стороны обращались к государю до начала судебного разбирательства.

Воеводы и старосты обыкновенно управляли волостями с помощью назначенных ими слуг, которые выполняли различные их служебные поручения. Впрочем, волостями, где не было развито господарское хозяйство, воеводы и старосты управляли из центрального города и судили в центральном городе.

Военная власть воевод и старост

Рассмотрим теперь подробнее правительственную деятельность воевод и старост как заместителей удельных князей. В качестве таковых и представителей единства земли воеводы и старосты имели военную власть. Они являются начальниками ополчения всей области. В состав его входили ополчения из поветов, находившихся под управлением наместников-державцев, и ополчения князей и панов, выступавших под собственной хоругвью.

Как начальники всего ополчения воевода и староста собирали «пописы» с обозначением числа военных слуг: по ним они проверяли явившихся на военную службу, а подскарбий земский — сбор с их имений серебрины. Воеводы и старосты принимали также участие в устройстве военнослужилого класса и за пределами своих держав. Они сами раздавали «пустошчины» и подыскивали таковые по поручению государя в пределах своей области — воеводства.

Судебная власть

Судебная власть воевод и старост распространялась на всю область-воеводство. Здесь они были главными и высшими судьями. Часто население, недовольное судом державца, подавало жалобы воеводам и старостам. Иногда самые дела вчинялись перед ними, минуя низшую администрацию;

наконец, в некоторых державках наместники-державцы и тивуны не могли судить шляхту, которая была подсудна одному воеводе. Подсудны им были и некоторые из князей и панов, имения которых не входили в состав поветов. Воеводы и старосты судили низшую провинциальную администрацию по жалобам на нее со стороны, что признано и Статутом 1529 года (VI, 1). Сами они были подсудны великокняжескому суду. Но некоторые из князей и панов, в силу господарского жалования, были изъяты из-под юрисдикции воевод и старост. Воевода обыкновенно судил не один, а в присутствии различных должностных лиц и местного населения, являвшегося хранителем местного права. Воеводам и старостам часто приходилось откладывать дела на том основании, «что на тот час никого при нас панов и бояр земли... не было».

Надзор над державцами

а) Державцы. Наконец, для полноты характеристики ведомства воеводы следует отметить, что общий надзор за хозяйственной и административной деятельностью провинциальной администрации также находился в руках воевод и старост. В XV веке провинциальный администратор обыкновенно назывался наместником-державцем и тивуном. Назначался он обыкновенно из числа представителей местной аристократии. Державы раздавались «до воли господарской» или «до живота», но расточительное ведение хозяйства в державе могло повлечь за собою лишение должности. Ведомство наместников-державцев, как нам уже известно, было очень обширно. Наместники-державцы, как и воеводы со старостами, жалования не получали, а кормились за счет своих держаний. Это кормление могло быть двоякое: где не было господарской пашни, там наместники-державцы получали корм натурой. Это преимущественно относится к поднепровским и подвинским волостям. При существовании господарского хозяйства в пользу наместника-державца поступала треть урожая озимым и яровым хлебом, овощи с огорода, часть улова рыбы. Иногда наместникам-державцам представлялась эксплуатация господарских угодий в свою пользу. Кроме того, они получали немало разных судебных пошлин: «пересуд» — процент с суммы иска, «повинное» — процент со штрафом в пользу государя, «заклады», которые тяжущиеся устанавливали по обоюдному соглашению в пользу наместника-державца, поколодное и так далее. Иногда, по специальному пожалованию государя, поступали особые доходы. Бывали случаи, когда великий князь, закладывая имение, отдавал доходы с него вместо процента впрямь до выплаты закладных денег.

б) Злоупотребления державцев. Такая система содержания должностных лиц приводила к расхищению господарских имений и вызывала недовольство населения, которое неоднократно жаловалось государю на администрацию, вводившую разные новины: «с их людей брали свадебные куницы, на имения их слуг своих насылали и без каждого права грабили их самих и людей их и мыта новые, где здавна не быва-

ли, вновь установили». Такие жалобы повторялись постоянно. Правительство было не в силах бороться со злоупотреблениями. В интересах борьбы оно стало раздавать держания в пожизненное владение, в надежде, что крепость владения заставит урядника относиться с большим вниманием к господарскому хозяйству. Наконец, где были «раскрошители и шкодники» господарского хозяйства, там, где население разбежалось благодаря «кривдам» администрации, держания отбирались на государя, так как внушения не производили никакого впечатления.

в) Контроль. Отчет в ведении господарского хозяйства наместники-державцы давали особым писарям, объезжавшим господарские имения два раза в год. Кроме того, и воевода мог вмешиваться в хозяйственно-административную деятельность державцев.

Деятельностью администрации было недовольно не только население, жившее в господарских имениях. Администрация вторглась в частновладельческие имения, ловила зверя и рыбу в лесах и водах, причиняя огромные убытки населению. Вполне понятно, почему на «великих вальных сеймах» шляхта громит деятельность областной администрации.

2) ГОСПОДАРСКАЯ РАДА

Составные элементы рады

На всем протяжении истории Литовско-Русского государства бросается в глаза видная политическая роль особого совета при государе — рады. Конечно, и ее состав, и компетенция за этот период времени не оставались одинаковыми. И то, и другое изменялось в зависимости от перемен, происходивших в социально-политическом быту государства. Совет при государе — учреждение старое. Такой совет около себя имел любой из удельных князей. Ни состав такого совета, ни его компетенция не были определенными. Удельный князь теоретически советовался, с кем и о чем хотел, но на практике уже сформировался определенный круг лиц, из числа которых приглашались советники. Таким кругом и были бояре земли, местные крупные землевладельцы. И великие князья чувствовали нужду в поддержке и помощи со стороны окружавших лиц. Они тоже неоднократно советовались со своими боярами, принимая вместе с ними то или другое решение. Но эти совещания были большею частью морального характера, и такие советы нельзя считать уже отлившимся и сформировавшимся учреждением. Кроме советов с боярами, великие князья решали разные дела совместно с удельными князьями. От имени великого князя и удельных князей заключали мир, писались различные договоры. Окончательное решение заключить унию с Польшей было принято на совещании Ягайлы и удельных князей. Развитие удельной системы временно лишило литовских бояр того значения, которое они могли иметь как бояре земли и советники князя. С Витовта положение дел изменилось. Враг удельных князей и сторонник самостоятельности Литвы должен был найти опору своим селени-

ям в ином общественном слое, и таковым явились литовские бояре — представители крупного землевладения. Витовт постоянно с ними советовался. Все крупные политические акты были им предприняты после совета с боярами. Недаром поляки при повторении унии требовали подписи литовских бояр. Конечно, совещание с боярами не исключало возможности приглашения и удельного князя, признавшего авторитет Витовта, но такие совещания были чрезвычайными. Обыкновенный же совет состоял из первостепенных литовских панов, общее число которых значительно увеличилось в зависимости от известного уже политического объединения, которым сопровождалось возведение Витовта на великое княжение. Число советников Витовта было постоянно колеблющимся. Иногда в раде присутствовало два-три человека, иногда значительно больше. Но уже при нем мало-помалу определялся тот круг лиц, из которого господарь призывал себе советников, хотя он еще и не был точно очерчен и замкнут.

Определение состава рады

Витовт обыкновенно приглашал на совет католических бискупов, придворных сановников и главных областных правителей — наместников. За этим рядом лиц упрочилось преимущественно звание господарских советников. При преемниках Витовта — Свидригайле и Сигизмунде — рада составлялась из того же круга лиц; только при Свидригайле в нее входило много русских бояр. Впоследствии им не удалось войти в нее в силу известной конфессиональной статьи привилея 1413 года. Правда, иногда православным вельможам и удавалось проникнуть в раду, но это бывало сравнительно редко и объяснялось только заслугами перед государством. При Казимире состав господарской рады стал еще отчетливее. Советниками великого князя стали католические епископы, некоторые значительные князья, наместники областей и правители крупных территорий, высшие земские и дворные советники. Окончательное же определение состава господарской рады относится ко времени Александра и Сигизмунда I. Оно состояло из высших духовных и светских сановников государства, отправлявших высокие должности и носивших высокие звания.

Передняя рада

Рада в полном составе могла собираться, конечно, редко, за отъездом разных ее членов. Поэтому с конца XV века можно отметить функционирование особой передней рады, состоявшей из лиц, бывших всегда около господаря, из числа высших областных правителей и государственных сановников, занимавших должности по центральному управлению. Место в господарской раде было тесно связано со званиями и должностями. Приобретение того или другого давало право заседания в ней. Бывали случаи, впрочем, очень редко, когда в раду попадали люди незнатного происхождения, оказавшие ту или другую услугу государству; обыкновенно же в раде сидят представители одних и тех же фамилий, отличавшихся богатством и знатностью. Уже эти два качества сами по себе давали

право на занятие мест в раде. Поэтому господарская рада всегда являлась учреждением аристократическим, и вполне понятно, почему выступавшая на сцену шляхетская демократия относилась к ее деятельности с недоверчивостью и известного рода боязливостью.

**Ведомство
рады
и обособление
ее** От состава обратимся к ведомству господарской рады. Первоначально господарская рада была советом при государе, и отдельное ее функционирование фактически было невозможно. Тесно связанная с господарем, она принимает участие почти во всех его правительственных актах, издаваемых, «подумавши с князьями и паны». Чем сложнее и запутаннее становилась общественная и государственная жизнь Литвы, тем все больше и больше участия принимала рада в управлении государством. Так, великие князья вместе с радой решали разные судебные вопросы, раздавали имения, укрепляли перевод недвижимости из одних рук в другие. Впрочем, такая совместная деятельность рады и великого князя не исключала возможности единоличных правительственных актов со стороны великого князя. Действительно, случаи проявления единоличной его воли довольно часты в течение всего XV века: раздача имений, укрепление актов об отчуждении недвижимости, разные судебные и финансовые дела производились князем и единолично. Но в то же время с половины XV века начинается постепенное обособление рады от господаря и превращение ее в самостоятельное учреждение. Конечно, этот процесс обособления необходимо поставить в связь с личной унией с Польшей, заключенной при Казимире. Благодаря частым отлучкам последнего господарской раде приходилось неоднократно выступать в роли высшего правительства страны. Рада вела дипломатические сношения, в присутствии господаря разбирала связанные с захватом земли и наездом на имение процессы, но вопрос о наказании виновного решался господарем по его возвращении; распоряжалась военными силами, раздавала земли военным служилым людям. Так рада из личного совета при государе постепенно превращалась в государственный совет великого княжества, продолжавший функционировать и в отсутствие господаря.

**Права
рады** Литовской аристократии удалось привилеями 1492 года и 1506 года закрепить за радой законом ее положение самостоятельного учреждения, принимавшего активное участие в политической жизни страны. Но содержание этих привилеев шло дальше: они наделили господарскую раду политическими правами, существенно ограничившими прерогативы великокняжеской власти. Привилей 1492 года подтверждал право рады на совместное ведение с великим князем дипломатических сношений. Привилей обязывал господаря в делах внутреннего управления помимо панов-рады не изменять и не исправлять ничего, что им было поставлено совместно с панами-радой: в случае несогласия панов-рады с его мнением при обсуждении тех или других государственных дел не держать за это на них гнева и делать то, что они посоветуют ему для его же

земской пользы. Далее великий князь Александр обязывался не отнимать ни у кого урядов и держав без вины и совета панов-рады, раздавать уряды, державы в украинных областях по совещании с панами-радой, расходовать средства на государственные нужды по совету панов-рады и не вывозить их из страны без воли радных панов. Наконец, привилей обеспечивал участие панов-рады в господарском суде. Привилей 1492 года не говорил о праве панов-рады непременно участвовать в издании тех или других постановлений. Отсюда вытекала возможность и единоличных распоряжений господаря, что окончательно уничтожается привилеем 1506 года, по которому все законы и распоряжения общего характера, направленные ко благу государства, издаются после обсуждения их совместно с панами-радою. Эти два привилея закрепили за радой ее политическое значение, и власть великого князя с конца XV века приходится трактовать как ограниченную.

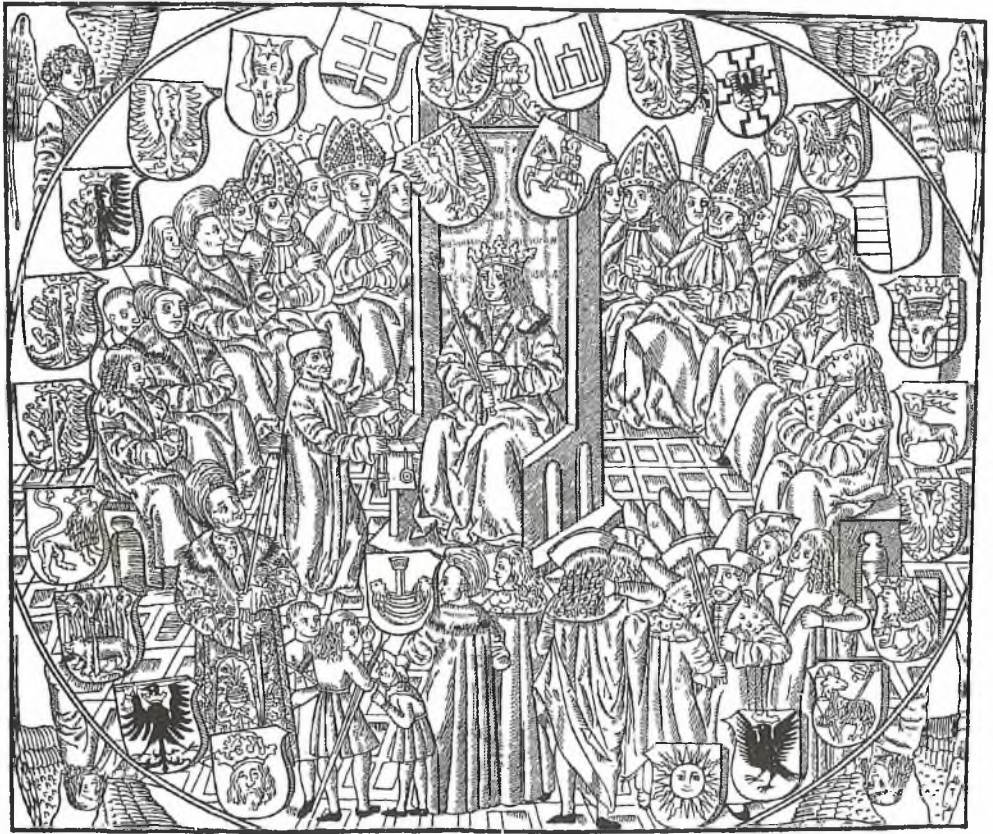
Деятельность рады

Деятельность господарской рады была очень сложна и разнообразна. Эта сложность привела к учреждению при ней и господаре канцелярии с канцлером во главе и «скарба» с подскарбием земским. По мере развития вального сейма и усиления его значения политический вес панов-рады уменьшался, ряд вопросов, раньше обсуждаемых ими, стал рассматриваться на вальном сейме, а Статут 1566 года окончательно закрепил за сеймом его политическое значение. Но текущая администрация, подготовка вопросов для обсуждения на вальном сейме — это осталось в ведении панов-рады.

3) ВЕЛИКИЙ ВАЛЬНЫЙ СЕЙМ

Зарождение сеймов

Наряду с господарской радой в начале XV века можно заметить первые зачатки нового учреждения — великого вального сейма, окончательно сформировавшегося во второй половине XVI века. Первые признаки появления сейма можно отнести к 1401 году, когда заключалась третья уния с Польшей. В Вильно съехалось для переговоров об унии много лиц, принадлежавших к первостепенной литовской знати и княжескому роду. Тут же присутствовало и вообще все боярство Литвы и Руси литовской. На первом сейме не было представителей других областей Литовско-Русского государства. Князь и паны, собравшиеся на сейм, как известно, заключили унию с Польшей. Такой состав первого сейма, конечно, объясняется тем значением, которое имела литовская знать в жизни княжества, отстаивавшая с Витовтом его самостоятельность. И второй сейм, собравшийся в 1413 году тоже по поводу унии, составил из тех же общественных элементов. Присутствовали на нем и многие из рыцарского класса, но активная роль на сейме принадлежала литовской знати. По крайней мере, она своими подписями за себя и за шляхту скрепила новый унитарный трактат. Первые два сейма можно

Совместное заседание рады Великого княжества Литовского и сената Королевства Польского. Гравюра 1506 года

назвать вальными, то есть всеобщими, только с известным ограничением, так как на них не было русской знати и шляхты из земель-аннексов. Известная уже нам политическая борьба Литвы и земель-аннексов выдвинула на первый план русский элемент как крупную политическую силу. Поэтому литовские князья и паны сочли для себя невозможным без русской знати решить вопрос, соглашаться ли Казимиру на избрание его польским королем или нет, и пригласили ее на сейм 1446 года в Вильну. Этот съезд в Вильне, на котором были литовские и русские паны, и можно считать великим вальным в широком смысле этого слова. Вообще при Казимире сеймы собирались довольно часто, чуть ли не ежегодно, но не все они могут быть подведены под категорию великого вального сейма. Некоторые из сеймов были только полными собраниями радных советников, и к сеймам в собственном смысле слова причислить их нельзя. На других присутствовали паны, бояре — шляхта не всего государства, а только из Литвы, Жмуди и Литовской Руси. И только на некоторых присутствовали князья, паны и шляхта со всего государства, от всех его земель. Эти сеймы и можно

считать великими вальными в собственном смысле этого слова. Собирались они сравнительно редко и только в тех случаях, когда требовалась поддержка и согласие областей-аннексов.

В правление великого князя Александра сеймы собирались так же часто, и по своему характеру они ни в чем не отличались от сеймов времен Казимира. Реже всего собирались великие вальные сеймы, но и таких сеймов было четыре: на них были князья, паны и бояре — шляхта со всего Литовско-Русского государства. Такие сеймы собирались только в очень важных случаях, когда решались вопросы первостепенной политической важности. Все это укрепляло политическое значение вновь возникшего учреждения, которому впоследствии удалось занять центральное место в политической жизни княжества.

Причины появления сеймов

Происхождение сеймов приходится поставить в связь с социально-политической структурой княжества. Слабость великокняжеской власти, носившей военно-политический характер и представлявшей собою лишь идею национального единства, усилила авторитет местной знати и представителей местных общественных союзов. Собственно, они задавали тон политической жизни страны от времен Витовта. Окруженные многочисленными дружинниками, они представляли собою и крупную военную силу, с которой ссориться было рискованно, а опираясь на нее, они выступали против политики Ягайлы. В союзе с ними шла борьба Витовта за автономию Литвы. И, конечно, когда автономия Литвы висела на волоске, когда поляки хотели использовать затруднительное положение Витовта, последний не мог решиться на заключение унии один, без поддержки знати, да и сами поляки желали сговориться с нею и видеть ее подписи на новом унитарном договоре. Так унитарный вопрос был лишь внешним поводом для проявления политического веса и значения литовской знати. Впоследствии, как мы видели, к основному ядру литовской аристократии присоединяется и аристократия земель-аннексов, что опять-таки являлось только отражением того влияния, какое имел в жизни княжества русский элемент, не желавший признавать исключительности политического господства Литвы. Вполне понятно, что в разгар национальной борьбы великий князь не решался решать неотложные вопросы на сеймах старого состава и пригласил на сейм знать и шляхту земель-аннексов.

Состав сейма

Если самое учреждение не успело отлиться в однообразную форму, то, конечно, не может быть и речи о более точном определении его состава и компетенции. На великих вальных сеймах присутствуют князья, паны и боярешляхта. Князья и паны призывались на сейм поголовно, особыми грамотами, как вожди и руководители местных обществ; не было еще правильно постановленного шляхетского представительства. Призывались только «старшие» шляхтичи, более крупные землевладельцы. Так, рассылая приглашения на великий вальный сейм 1492 года, паны-рада

просили приехать «старших» земель: «десять, або двадцать, або колько ся вам увидит». Но такое неопределенное положение шляхетства кончилось в XVI веке, когда организованное и сплоченное шляхетство начало на сеймах играть видную политическую роль.

Компетенция сейма

Компетенция сейма не была точно определена. Предметы обсуждения ставились великим князем по его усмотрению; только вопросы, связанные с заключением унии, всегда восходили до сейма, и подавляющее большинство сеймов и вальных сеймов занималось именно этим вопросом да в связи с ним — внешней политикой. Кроме того, великие вальные сеймы избирали нового господаря: великие князья Александр и Сигизмунд были избраны на престол «едностаينوю волею» великого вального сейма.

Развитие сейма в XVI веке

Время обоих Сигизмундов было в высшей степени благоприятно для дальнейшей эволюции великого вального сейма. За этот период расширяется его компетенция, более точно организуется шляхетское представительство. Сейм постоянно выступает в роли вершителя судеб государства и постепенно отстраняет на второй план господарскую раду. И Статут 1566 года только юридически закрепил за сеймом то значение, которое он фактически имел, в особенности при Сигизмунде II.

Одним из условий, содействовавших дальнейшему развитию великого вального сейма и превращению его в постоянно действующее учреждение, было затруднительное внешнее положение княжества. Затяжная борьба с Москвой и обострившаяся борьба с татарами требовали большого напряжения военных сил и денежных средств со стороны государства.

Необходимость в организации защиты страны и сбора денег на военные нужды заставила литовское правительство обратиться к помощи великого сейма. Государственный скарб находился в весьма неудовлетворительном состоянии; обыкновенных государственных доходов не хватало на удовлетворение экстренных военных расходов, а постоянный сбор военной подати, «серебщины», в силу привилея 1447 года не мог производиться великим князем. Казимиру приходилось прибегать к единоличному назначению экстренных сборов «серебщины», но еще чаще при нем и Александре «серебщина» назначалась или панами-радою, или на великих вальных сеймах, а при Сигизмундах обложение населения военными и денежными повинностями перешло всецело в руки великого вального сейма. Участники сейма оценили для себя такой способ назначения «серебщины». Они начали просить у господаря новых прав — вольностей, а также обращались с требованием реформ и новых законов. По мере роста и усиления сейма и его значения исчезают другие формы сеймовых совещаний, практиковавшиеся в XV веке. С 1505 года приходится наблюдать только созыв одних великих вальных сеймов.

Деятельность сейма в XVI веке

Сеймовая деятельность в XVI веке необыкновенно часта и разностороння. Правительство целый ряд вопросов первостепенной важности передавало на

рассмотрение сейма. В 1510 году сейм занимался принятием мер по обороне государства, в 1512 году шли переговоры об унии, в 1514 году поднялся вопрос о продолжении войны с Москвою, и сейм высказался в утвердительном смысле, в 1515 году сейм отказал господарю в новых налогах, в 1519 году были изданы постановления о мобилизации земского ополчения и о сборе «серебщины», в 1522 году сейм выработал условия мира, предложенные московскому правительству, и занимался составлением Статута, который кодифицировал бы шляхетское право; на сеймах 1528—1529 годов был принят ряд постановлений о военной службе, внесены поправки в Статут, установлены правила о даче в «заставу» королевских имений; в 1532 году сейм не согласился на борьбу с волошским воеводой; в 1534 году — новый сбор «серебщины», и решено начать войну с Москвой; в 1538 году были определены размеры взысканий за недоимки, на сеймах 1544 года шляхтой был заявлен ряд требований в смысле расширения прав шляхты и ограничения господства możnowładztwa. Перечисляя предметы занятий сеймов времен Сигизмунда I, мы указывали только на те предметы, которые наиболее ярко выясняют характер компетенции этого учреждения.

В сравнении с XVI веком деятельность сейма расширилась: за ним окончательно утвердилось право обложения населения новыми налогами и военной повинностью, он принимает активное участие в вопросах внешней политики, и хотя его мнение не связывает воли господаря, но с ним считаются; сейм принимает участие в издании новых законодательных постановлений и составлении шляхетского кодекса; сама инициатива этого дела шла со стороны станов сейма, высказывавших свои положения на Виленском сейме 1514 года и Городенском сейме 1522 года; сейм выступает с критикой текущей администрации.

Усиление на сеймах шляхетства

И в составе сеймов произошли большие перемены. Постепенно увеличиваются роль и значение шляхетского сословия, составлявшего основное ядро военных сил княжества и многолюдного плательщика «серебщины». Уже на сейме 1507 года присутствует рядовая шляхта, а не только «старшие» из ее среды. Но присутствовала она на сеймах поголовно. Конечно, при таком характере представительства шляхта не могла играть большой политической роли, и вполне понятно ее стремление к более систематической организации представительства. Уже на сейме 1512 года присутствуют представители, по 2 от каждого повета, и с этого времени появление шляхетских представителей на сейме вошло в обычай. Шляхетское представительство не исключало возможности поголовного появления шляхты на сеймах.

Два кола сейма

Впрочем, рядом с «послами» поветов приезжали на сейм по личным приглашениям князя, паны, дворные и земские урядники. Вместе с послами они составляли рыцарское коло; другое коло — были паны-рада. Постепенно устанавливается между ними такой же порядок сношений и общих за-

седаний, какой существовал в Польше. Невыборные члены «рыцарского кола» вышли из него только после унии 1569 года. Таков характер сейма в последней его формации, ставшего в конце концов органом шляхетского представительства. Теперь шляхтичи, выбирая на местах депутатов-послов и снабжая их мандатами, имели полную возможность через последних руководить политической жизнью страны в своих интересах и целях. В связи с новым административным делением общее число шляхетских депутатов значительно уменьшилось, но зато увеличился политический их вес: за ними теперь стояла плотная масса шляхетского народа, зорко следившего за политической жизнью в стране. В зависимости от этого пало прежнее влияние аристократии, панов-рады, превратившихся в неравноправную часть сейма. Таким образом, структура сейма вполне соответствовала тому положению, которое шляхетство занимало в государстве в социально-политическом отношении. Эта шляхетизация строя и учреждений и решила вопрос об унии на Люблинском сейме 1569 года.

Х. НАСТРОЕНИЕ ШЛЯХТЫ И СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ 1560-х ГОДОВ

Шляхта на сеймах

Великие вальные сеймы служили прекрасной школой для политического самосознания литовско-русской шляхты, понимавшей свое значение как военнорусского класса и как плательщика «серебзины». Шляхта занимает на сеймах будирующую позицию, направленную против аристократии и ее доминирующего положения в государстве. Она выступает с жалобами на недостатки аристократической администрации и с другими пожеланиями, и с каждым годом ее натиск все настойчивее и настойчивее. Она уже не ограничивается только жалобами, а рисует стройную систему реформ, долженствующих убить литовское можновладство. Шляхта недовольна судом и просит права избирать судью и писаря и ввести общую подсудность для всех станом, что уничтожало особую юрисдикцию духовной и светской аристократии и вводило контроль шляхты над судами: она требует «поправы» Статута в направлении, указанном ею; выпуска монет с согласия сейма, реформы администрации.

Бельский сейм 1564 года

Аристократия сопротивлялась, пока могла, но затем пришлось пойти на уступки; она согласилась на «поправу» Статута в духе высказанных пожеланий, и к 1563 году Статут был готов. Тогда паны-рада, старосты, державцы, представ пред господарем, заявили, что они, «милуючи Речь Посполитую, а в ней братью молодшую, народ шляхетский и рыцарский», отступаются и отрекаются от своей судебной власти и от других прерогатив, связанных с ее пользованием, дабы введение

Земский суд

новых судов не встретило препятствия. Затем станы сейма заявили, что они передаются «в одно ровное право» и подчиняются юрисдикции новых земских урядников, «на суд выбранных и высаженных». Бельский сейм 1564 года фактически убил можновластво и усилил политический вес шляхты, но планы шляхты были реализованы только спустя 2 года, когда было введено новое областное деление, разрушившее самостоятельность земель, определены границы судебных округов и намечены кандидаты на судебные должности.

Новое судебное уложение

Литва с Русью делилась на 30 судебных поветов, в пределах которых устраивались сеймики для выбора кандидатов на судебные должности, по 4 на каждую из них, из числа которых один получал утверждение. Все местные землевладельцы были подчинены присуду нового суда. Персонал земского суда состоял из судьи, подсудка и писаря. Выбираться на эти должности могли только оседлые шляхтичи: духовенство не могло быть избираемо. Компетенции земского суда подлежали все гражданские дела шляхетского сословия. Апелляция на приговор земского суда направлялась к государю и панам-раде. Решенные дела записывались в книги, которые хранились в особых судебных зданиях в местах судебных сессий. Из компетенции земского суда были изъяты дела о насильственных наездах на шляхетские дома, о поджоге и разбое, злодействе и обмане, насилии над женщиной, убийстве шляхтича. Все такие дела были отнесены к юрисдикции замкового суда, находившегося в руках воеводы и судового старосты. В отсутствие их судил наместник, совместно с градским судьей, назначенным из числа местных оседлых шляхтичей, и писарем. На суд наместника апелляция шла к воеводе и старосте, а на суд последних — к самому господарю.

Подкоморий

Наконец, вводился еще третий суд — подкоморский, «для справ граничных и земельных». Он состоял из подкомория и коморника. Подкоморий назначается королем, хотя впоследствии право выбора передается поветовой шляхте. Коморник был помощником подкомория, выбиравшего его из числа шляхтичей в повете, оседлых, людей годных и статочных, чтобы для «отправы всяких справ» не было никакого «омешкания».

Коморник разбирает дела, подле-

жащие присуду подкомория, и апелляционной инстанцией для обоих является королевский дворный суд. Суд подкомория или коморника был единоличным.

Административная реформа На сеймах шляхта неоднократно настаивала на умножении числа должностей, доступных для шляхетского сословия. Желание шляхты было исполнено, и ввиду этого, а также приведения к единству областного управления, так как старые воеводства были слишком крупными территориальными единицами, в 1566 году было учреждено 5 новых воеводств, разделенных более правильно на поветы. К старым воеводствам были прибавлены: Волынское, Берестейское, Мстиславское, Браславское, Подольское и Минское.

Ограничение власти воеводы Во главе воеводства был поставлен воевода, назначавшийся князем, но в воеводствах Жмудском, Полоцком и Витебском происходили выборы на местных областных сеймах.

Положение воеводы после реформ 1560-х годов сильно изменилось в сравнении с предыдущей эпохой; территориальные размеры воеводства стали меньше, и компетенция воеводского уряда значительно сократилась. Судебная власть была почти изъята из рук воеводы, так как за ним осталась лишь юрисдикция по уголовным делам да гражданские иски по уголовным делам, по движимости и дела тех обывателей повета, которые по своему состоянию не имели доступа ни в земский, ни в магдебургские суды, да и то она распространялась лишь на центральный повет, так как в других поветах (их было от 5 до 1 на воеводство) градской суд был в руках особого судебного старосты. И административная власть воеводы ограничивалась только пределами центрального повета. Но в военном отношении сохранялось единство воеводства: воевода был главным командиром, под начальство которого собирались все военнотружильные элементы воеводства со своими поветовыми командирами — каштелянами в центральных поветах и маршалками в остальных. Такова была власть воеводы в старых воеводствах. Воеводы же вновь учрежденных воеводств совершенно не имели никаких административных и судебных функций: они оставались лишь военачальниками с правом заседать в господарской раде.

Старосты судовые Во главе поветов были поставлены старосты. Их нужно отличать от несудовых старост, заведовавших господарским хозяйством и имевших суд над нешляхетским населением, а также исполнявших различные административные функции, например, сбор «серебщины». Старосты, стоявшие во главе поветов, в отличие от последних назывались «судовыми»: они соединяли в себе функции несудового старосты вместе с администрацией и судом над поветовой шляхтой.

**Значение шляхты
после реформы:
ее депутаты**

Реформы 1560-х годов изменили и политическое значение шляхты. Государь во втором Статуте 1566 года обязался не устанавливать ничего нового для блага государства, никаких уставов, иначе как на вальном сейме: с ведома и согласия панов-рады и дозволения всех земель великого княжества. Это обещание не внесло ничего нового в практику государственной жизни, обобщая лишь то, что давным-давно уже применялось. Установление новых «серебшин» или вообще налогов, объявление войны было вообще невозможно без согласия князей, панов хоруговных и послов земских поветовых, созванных на вальный сейм. Депутаты избираются на поветовых сеймиках, на которых участвуют воеводы, каштеляны, паны, князья и вся поветовая шляхта. Собравшись, они, «зволivшись вси одностайне», выбирают двух послов от каждого судебного повета для представительства на сейме, с вручением им мандатов относительно тех вопросов, о которых было объявлено господарем, так «и иные нормальные речи водле чащи и потреб». Сеймики собираются за 4 недели до сейма. Таким образом, Статут 1566 года знает два вида сеймиков: для выбора послов и для избрания кандидатов на судебные должности.

Год судебно-административных реформ является поворотным пунктом в истории государственного строя Литвы. Установление шляхетского представительства, реформа судов и областного управления приблизили литовский государственный строй к польскому, что и дало возможность осуществить парламентарную унию 1569 года.

XI. ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ

**Склонность
шляхты к унии**

Унитарный вопрос снова выдвигается на первый план во время Сигизмунда II. Постановка его совпала с движением шляхты в сторону демократизации государственного строя. Шляхта, чем больше принимала участие в политической жизни, тем все более и более сознавала необходимость унии с Польшей как условия шляхетизации Литвы. Этим и объясняется ее сочувственное отношение к унии, так как самостоятельность Литвы не давала надежд на реализацию ее планов. Борьба шляхты с аристократией, Ливонская война поставили вопрос об унии. Шляхта открыто на сеймах заявляет о своих симпатиях к унии, а на Виленском сейме 1563 года ей удалось добиться постановления об отправке сеймовой делегации для переговоров об унии. Наказ делегации составлен в духе компромисса между автономными стремлениями магнатов и унитарными требованиями шляхты.

**Переговоры
с поляками**

Инструкция ни слова не говорит об инкорпорации: она понимает унию в смысле сближения обоих государств на почве военной защиты и единства королевской власти, выбираемой на общих совместных сеймах; корона-

ние происходит в Кракове, а в Вильне бывает отдельно посажение на великокняжеский стол. Инструкция предусматривает совместные сеймы и по другим общим вопросам, но внутренняя автономия каждого государства сохраняется в неприкосновенности. Кроме того, литовцы соглашались в интересах унии разрешить полякам приобретать имения в Литве. Но для поляков и такая уния оказалась неприемлемой, да и политический момент был очень благоприятен для «втеления» Литвы в Польшу. Переговоры на Варшавском сейме 1564 года кончились ничем, хотя литовская делегация во многом отступила от инструкции, настаивая только на сохранении особых законов и установлении особых судов и администрации.

Переговоры на Варшавском сейме 1564 года, на котором не удалось заключить унии, закончились опубликованием весьма важного акта: король отказался за себя и своих потомков от своих «дедичных» прав на Литву, с передачей таковых короне Польской на вечные времена. Такая декларация могла ускорить заключение унии в желательном для поляков и Сигизмунда направлении. Впрочем, поляки не унывали, в надежде, что переговоры об унии все-таки увенчаются успехом. Бельский сейм 1564 года, на который приехало немало поляков, обнаружил сочувствие к унии со стороны шляхты и отрицательное отношение только аристократии, а после реформ 1565—1566 годов, когда власть перешла в руки шляхты, заключение унии было обеспечено. Поляки торопились заключить унию до окончания войны с Москвой. Послали послов для переговоров на Брестский сейм, но они кончились ничем, хотя литовцы предлагали унию в духе переговоров Варшавского сейма 1564 года. Но внешнее положение дел для Литвы складывалось неблагоприятно, и Литве пришлось снова поднять вопрос об унии.

Люблинский сейм 1569 года Сигизмунд II, в интересах скорейшего решения этого вопроса, созвал «спульный» сейм в Люблине (1569): он и явился завершением того политического плана, который столько веков приводился в исполнение. И на этом сейме шла упорная борьба сторонников и противников унии. Каждая сторона выставляла известные нам аргументы: одни ссылались на Мельницкий трактат 1501 года, другие на старые привилеи и прошлое государства. Польские послы не желали считаться ни с какими моральными и политическими соображениями литовцев. В конце концов литовцы уехали, в надежде, что без них дело унии не будет решено. Но в момент их отсутствия поляки присоединили к Польше Подлясье и Волынь, и, конечно, это присоединение было актом насилия по отношению к Литве: бывших на сейме подляшан заставили присягнуть под угрозой лишения имений. Не присягнул только староста Евстафий Волович, лишенный держав, полученных за разные государственные заслуги. Затем, по требованию короля, стали приезжать на сейм уехавшие подляшане и волыняне для принятия прися-

ги. После присоединения поляками двух областей литовцы опять приехали на сейм, но их протест по поводу инкорпорации не имел практического значения. Присоединение двух областей и видимая невозможность для стороны Литвы активно этому противодействовать сделали поляков смелее: они таким же путем присоединили Киевщину.

Люблинская уния 1569 года

После этого и поляки не настаивали на полной инкорпорации, согласившись сделать кое-какие уступки литовским магнатам. Правда, Литва лишилась части территории: Подляшья, Волыни, Киевщины и литовского Подолья, но урезанное княжество сохранило в некотором отношении автономию в виде прав иметь свои суды, законы, уряды. Но зато соединенное государство имеет общего главу, избираемого на совместном сейме: элекции происходят в Польше. Сеймы и раду Литва и Польша должны иметь общие. На сеймах и в раде литовцы заседают совместно с поляками. Место для сеймов избирается в границах Польши, по указанию панов-рады. Устанавливается общая монета. Внешняя политика — дело обоих народов: заключение договоров, отправка послов производятся с ведома и согласия обоих народов. Поляки и литовцы имеют право повсеместного приобретения недвижимых имуществ, но старые пожалования остаются в неприкосновенности. Должности, почетные и служебные, могут раздаваться только лицам, присягнувшим королю и короне Польской: благодаря этой статье поляки получили возможность занимать должности в Литве. Шляхта и их подданные в Польше и Литве освобождаются от платежа всяких пошлин при продаже сельскохозяйственных продуктов или вывозе их за границу.

Значение Люблинской унии

Заключением унии 1569 года польские дипломаты отчасти добились своего, отторгнув от Литвы лучшие русские земли, но «втеления» и теперь не произошло, и самостоятельность литовских урядов — лучший показатель известной внутренней самостоятельности Литвы. Это, впрочем, все, чего могли добиться литовские сепаратисты в лице магнатов. Зато шляхта могла быть довольна результатами парламентарной унии, отдавшей судьбу Речи Посполитой в ее руки. С введением унии 1569 года политическая роль магнатов фактически была кончена. За ними оставались незначительные привилегии, отнять которые было делом будущего. Уния 1569 года сблизила литовско-русскую шляхту с польской и содействовала усвоению ею польских форм быта. Отсюда идет ее быстрая полонизация, а вместе с ней быстро развивается крепостное право, гнет которого в Речи Посполитой содействовал образованию казачества, вызвал ряд его восстаний, принявших характер социального протеста. Унию нельзя забывать при изучении общественной борьбы, которая обострилась после 1569 года в связи с нетерпимой религиозной политикой польского правительства. В общем, уния дала больше отрицательных результатов, чем положительных, и с нее приходится вести начало упадка Речи Посполитой.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонович. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885;
- Zotoraitis. Die Litauer unter dem König Mindowe. Freiburg, 1906;
- Василевский. История города Вильны. Спб., 1872;
- Stadnicki. Synowie Gedymina. Z., 1881.;
- Его же. Olgierd i Kiejstut. Lwów, 1870;
- Леонтович. Очерки истории литовско-русского права. Спб., 1894;
- Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства. М., 1892.;
- Грушевский. История Украины и Руси, т. IV. Львов, 1907;
- Ямпсон. Уставные земские грамоты. Киев, 1889;
- Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Литовско-русского государства. Киев, 1901;
- Его же. Очерки по организации западно-русского крестьянства. Киев, 1905;
- Любавский. Литовско-русский сейм (Чтения в Обществе истории и др. 1900 г., кн. IV. и след.). М., 1901;
- Владимирский-Буданов. Немецкое право в Литве и Польше. Спб., 1868;
- Тарновский. Обзор памятников магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи (Варш. унив. изв. 1897 г.). Варшава, 1897;
- Лаппо. Великое княжество Литовское. Спб., 1901;
- Lewicki. Powstanie Swidrigielly. Krakow, 1892;
- Леонтович. Статьи в ЖМНП 1896—1897, 1909—1910;
- Коялович. Люблинская уния;
- Довнар-Запольский. Польско-литовская уния на сеймах. М., 1897;
- Пичета. Литовско-польские унии (Сб. в честь Ключевского). М. 1910;
- Малиновский. Литовская рада. Киев, 1902;
- Максимейко. Сеймы Литовско-русского государства. Харьков, 1902;
- Ефименко. Южная Русь, т. II. Спб., 1902;
- Владимирский-Буданов. Очерки по истории литовско-русского права, в. I, II, III. Киев, 1890—1893;
- Довнар-Запольский. Берестейское Староство (Киев. унив. изв. 1898 г., № 2);
- Владимирский-Буданов. Население Юго-Западной России от XIII—XV вв. до Люблинской унии (Архив Юго-Западной России, ч. VII, т. 1—2).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА.....	9
I. Территория и ее население	10
II. Колонизация территории и образование белорусской народности	15
III. История белорусского племени до конца XIII века	17
IV. Литовско-Русское государство. Образование династического государства. Раннее средневековье	24
V. Исторические судьбы Литовско-Русского государства в XIV—XVI веках.....	27
I. Позднее средневековье	27
II. Народное хозяйство в XIV—XVI веках	29
III. Общественный строй	31
IV. Политический строй	33
V. Реформы 1560-х годов	35
VI. Белоруссия в составе Литовско-Русского государства.....	35
VII. Белорусское Возрождение в XVI веке.....	51
VIII. Православная церковь в Белоруссии	54
IX. Католическая реакция и церковная уния	58
X. Белоруссия и Северо-Восточная Русь в XIV—XVIII веках.....	61
XI. Евреи в Белоруссии	63
XII. Белорусское крестьянство в XVII—XVIII веках	65
XIII. Политика русского правительства в Белоруссии в конце XVIII и начале XIX веков	66
XIV. Политико-социальная программа белорусской шляхты в XVIII—XIX веках	69
XV. Белоруссия в 1812 году и народное хозяйство в первой половине XIX века	71
XVI. Правительственные мероприятия при Николае I.....	74
XVII. Религиозная политика русского правительства	76
XVIII. Крестьянская реформа 1861 года и ее последствия.....	78

XIX. Земские учреждения	86
XX. Народное хозяйство во второй половине XIX века и в начале XX века	88
Источники и литература	101

ИСТОРИЯ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ

I. Образование территории	104
II. Удельный период (княжеские отношения)	111
III. Уставные грамоты и областные собрания	115
IV. Литовско-польские унии и литовское общество	117
V. Национально-политическая борьба в XV веке и судьба унии	121
VI. Примирительная политика Казимира и дальнейшая борьба против унии	126
VII. Оппозиционные брожения на Руси и внешнее положение Литвы	131
VIII. Общественный строй в Литве до половины XV века	135
1) Военнослужилый класс	135
2) Мещане	145
3) Сельское население	148
IX. Политический строй	160
1) Великий князь, органы центрального и местного управления	160
2) Господарская рада	167
3) Великий вальный сейм	170
X. Настроение шляхты и судебно-административные реформы 1560-х годов	175
XI. Люблинская уния	178
Литература	181

Научное издание

Scriptor universitatis

Пичета Владимир Иванович

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Ответственный за выпуск *А. Г. Зельский*

Художник обложки *Л. В. Леденева*

Корректоры *Н. Г. Киселева, Н. Г. Куцаева,*

Н. Б. Кучмель, Е. В. Семенчукова, Д. В. Шлыков

Подготовка иллюстраций *А. А. Велько, Е. В. Криводубской*

Компьютерная верстка *Е. В. Криводубской*

На обложке: рисунок-реконструкция Виктора Стащенко «Замак у Наваградку ў пачатку XVI ст.»;
гравюра XIX в. «Крещение Миндоуга».

Подписано в печать 20.10.2003. Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,83. Уч.-изд. л. 12,8.
Тираж 1000 экз. Зак. 764.

5200р

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

Лицензия ЛВ № 527 от 22.01.2002.

Лицензия ЛП № 461 от 14.08.2001.

220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

ISBN 985-476-149-5

9 789854 761497